

Иллюстрированный научно-популярный журнал

№ 1, сентябрь, 2020

ВЕСТНИК НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РСО-АЛАНИЯ

Министерство культуры Республики Северная Осетия-Алания
Национальный музей Республики Северная Осетия-Алания

ВЕСТНИК
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
РСО-АЛАНИЯ

№ 1

Владикавказ

2020

ББК: 79.1

ВЕСТНИК НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ. №1:
сборник статей / Национальный музей РСО-Алания / сост. И.Т. Марзоев. – Владикавказ:
Веста, 2020. – 100 с.: 55 ил.

Основан в 2020 г.

*Печатается по решению
Музейного совета Национального музея РСО-Алания*

Главный редактор

И.Т. Марзоев, докт. ист. наук.

Редакционная коллегия:

З.А. Атарова, ученый секретарь Национального музея РСО-А;

Е.Р. Габоева, зав. филиалом «Музей истории Владикавказа»
Национального музея РСО-А;

Р.Г. Дзаттиати, докт. ист. наук;

В.В. Доброносков, канд. с.-х. наук;

А.А. Цуциев, докт. ист. наук.

На первой странице обложки

Поясная пряжка в виде фигуры лошади.

Кобанская культура. Бронза. Конец II – начало I тыс. до н. э.

Коллекция Национального музея РСО-А.

© Национальный музей РСО-А

© Издательство «Веста»

**Уважаемые читатели журнала
«Вестник Национального музея РСО-Алания»!**

Перед вами – первый выпуск периодического научно-популярного издания Национального музея Республики Северная Осетия-Алания «Вестник Национального музея РСО-Алания», посланника науки, культуры, искусства и литературы Осетии.

Издание готово стать открытой площадкой для обсуждения места музея в современном мире, поиска путей развития музейной сети, проблем научно-исследовательской, экспозиционной, фондовой, культурно-образовательной и других видов деятельности столь важной институции, как современный музей.

Задача журнала «Вестник Национального музея РСО-Алания» – показать важную роль музея в культурно-историческом процессе, в сохранении и актуализации культурно-исторического наследия Осетии-Алании; обеспечить взаимодействие с другими социальными институтами – государством, общественными организациями, архивами, библиотеками, научными учреждениями, вузами, школой; мобилизовать общественное мнение на поддержку значимых проектов в области музейного дела.

Являясь мультидисциплинарным научно-популярным изданием, «Вестник Национального музея РСО-Алания» специализируется на публикации статей по вопросам музееведения, истории, археологии, этнографии, литературы, географии, эпиграфики, фольклористики, искусствоведения, нумизматики и ряда других дисциплин гуманитарного профиля.

Журнал предполагает информировать своих читателей о музейных грантовых конкурсах, стипендиях, стажировках, а также об интересных республиканских, российских и международных выставках, научных мероприятиях, организуемых Национальным музеем РСО-Алания.

На страницах «Вестника Национального музея РСО-Алания», призванного стать зачинателем издательских традиций Национального музея РСО-Алания, читатель увидит публикации о результатах научных исследований специалистов музейного дела, основанных на изучении музейных коллекций, архивных фондов, представляющих значительный научный, историко-культурный, художественный интерес.

Наша общая цель – объединить специалистов музейного дела, историков, искусствоведов, краеведов, деятелей культуры и искусства, коллекционеров, всех, кому дороги прошлое, настоящее и будущее Отечества.

*Б.Т. Цогоев
Генеральный директор
Национального музея*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

- Е.Р. Габоева**5
СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЯ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ:
ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ
- А.А. Джанаева, Л.В. Бязрова**18
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ИМЕНИ МАХАРБЕКА ТУГАНОВА

ИСТОРИЯ

- З.Т. Кануков**28
АЛАН-ПЕРСИДСКИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ
СВЯЗИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

АРХЕОЛОГИЯ

- Ф.С. Дзудцев, В.Ю. Малашев**32
БЕСЛАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
РАННЕАЛАНСКОЙ ЭПОХИ
- Э.С. Кантемиров**37
ПОГРЕБЕНИЕ САРМАТСКОГО ВОИНА
В КУРТАТСКОМ КУРГАНЕ (II – I вв. до н. э.)
- П.К. Козаев**40
К ИСТОРИИ ПШАЛТÆ-БЫЦЕНТÆ

ЭТНОГРАФИЯ

- А.Б. Багаев**47
ХОЗЯИН ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В ОСЕТИНСКОЙ
ОХОТНИЧЬЕЙ СУБКУЛЬТУРЕ
- И.А. Бедоева**53
ХМЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ:
ПИВО (Бæгæны) и АРАКА (Арахъ)
В СЕМЕЙНЫХ ОБРЯДАХ И ОБЫЧАЯХ ОСЕТИН
- Б.А. Битиев**57
КУЛЬТ ОГНЯ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ
ИРАНСКИХ НАРОДОВ
- Б.Т. Цогоев**63
О ТРАДИЦИОННОМ ШЁЛКОВОМ ПЛАТКЕ
(Цыллæ хыз)

ЛИТЕРАТУРА

- З.А. Атарова**67
ВСЮ ЛЮБОВЬ ДУШИ МОЕЙ...

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

- Е.А. Дзадзиева**73
НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
МУЗЕЕВ

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

- А.А. Цуциев, Ю.В. Гуккаев**77
ДВА САБЕЛЬНЫХ КЛИНКА В ОРУЖЕЙНОЙ
КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

ПЕРСОНАЛИИ

- И.Т. Марзоев**81
О МАХАРБЕКЕ ТУГАНОВЕ

ПРАКТИКА МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

- В.В. Доброносков**86
О РЕЗУЛЬТАТАХ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ
РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

КРАЕВЕДЕНИЕ

- В.Н. Бенина**91
ПУТЕШЕСТВИЕ К СТАРЫМ ТАЙНАМ НУЗАЛА

ПУБЛИКАЦИИ

- Л.П. Семенов**94
ПАМЯТНИК ДРЕВНЕГО КУЛЬТА ОСЕТИИ
(Бронзовая голова идола из окрестностей
селения Нар)

- Сведения об авторах**98

- Список условных сокращений**99

ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

Е.Р. Габоева

СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЯ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ: ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ

Во второй половине XIX века в Российской империи был создан ряд крупных музеев общенационального значения. Этот процесс шел синхронно с созданием университетов, научных исторических обществ, активизации научной работы археологов и этнографов.

Возникновение региональных музеев, в свою очередь, тесно связано с деятельностью местных краеведческих и других обществ, а также учреждений народного образования. Власти, наблюдая все возрастающий приток посетителей и внимание общественности к музейным коллекциям, начинают воспринимать музеи не столько как собрание «редкостей», а еще и как средство идеологического воздействия на население. Это становится актуальным в свете роста в российском обществе либеральных и революционных настроений. Так, в крупных государственных музеях: Российском историческом, Русском музее, а также в проектируемом Музее Государственной Думы ставился вопрос об открытии разделов, прославлявших правящую династию, тем самым желая поддержать все слабеющий авторитет самодержавия [1, 63–78].

По мнению ряда исследователей, существовали два пути образования местных музеев в конце XIX – начале XX вв.: «одни из них возникли как результат деятельности учреждений, изучающих край, другие создавались как самостоятельные учреждения на основе любительского труда местного населения в области изучения края» [2, 152].

В Терской области развитие музейного дела пошло по первому пути, при явной поддержке органов власти. Статьи краеведческого характера регулярно печатаются в газете «Терские ведомости» с начала ее издания в 1867 г. Образованный в 1872 году Терский областной статистический комитет наряду с ведением административной статистики, ставит задачу составления описания области в топографическом, историческом, промышленном и сельскохозяйственном отношениях.

«Политические расчеты невозможны без знания народа < ... > поэтому возможно близкое изучение быта и мировоззрения горцев составляет для русских административных органов задачу, имеющую государственное значение», – считал секретарь комитета Григорий Абрамович Вертепов [3, 3]. Под его руководством начинают выходить «Терский календарь», «Терский сборник» и другие издания, в которых публикуются материалы по различным областям знаний: географии, археологии, этнографии, кустарным промыслам и пр.

Именно Терскому областному статистическому комитету вскоре выпадет трудная судьба стать организатором Терского областного музея – одного из первых на Северном Кавказе.

К середине 90-х годов XIX в. Владикавказ, административный и культурный центр обширной Терской области, все еще не имел собственно музея. В город периодически наведывались

различные популярные «музеи»: всероссийский музей М.А. Шульц, музей Лебзина с восковыми фигурами и коллекцией минералов с Урала. При музее была «народная» панорама и особое отделение с куклами-участницами комичных сцен. Музей Фец демонстрировал мифологические волшебные сцены, такие как «Таинственная пещера или чудеса черной магии». [4, 156–157].

Подобная ситуация не отвечала растущему интересу населения к истории края. К указанному периоду «археологический» бум, начавшийся в Осетии в 1869 году с открытием Кобанского могильника, сделал Владикавказ интересным для таких выдающихся исследователей, как Г.Д. Филимонов, В.Б. Антонович, П.С. Уварова, Р. Вирхов и др. Среди исследователей активно себя проявили и владикавказские археологи К.И. Ольшевский и, в особенности, преподаватель Владикавказского реального училища В.И. Долбежев.

Открытие в Москве в 1877 году антропологической выставки и 5-го Всероссийского археологического съезда в Тифлисе в 1881 году, на которых экспонировались богатейшие коллекции из Осетии и делались сообщения о находках, способствовали расширению археологических исследований в Терской области [5, 17–18].

В связи с интересом торговцев «от археологии» и кладоискателей (как местных, так и приезжих), со всей остротой встал вопрос об охране историко-культурных ценностей. Необходимость создания местного музейного учреждения как для удовлетворения культурных запросов населения, так и в целях сохранения культурного наследия становилась все более очевидной.

На заседании Терского областного статистического комитета 13 марта 1893 г. его председатель, начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска С.В. Каханов энергично поддержал предложение секретаря комитета Г.А. Вертепова, изложенное в памятной записке, представленной ему накануне. Григорий Абрамович, указав на важность принятых в то время комитетом работ этнографического характера, высказал мысль об уч-

реждении во Владикавказе музея. «Осуществление музея, – говорил Г.А. Вертепов, – потребует без сомнения крупных затрат, для чего Комитет в настоящее время не располагает никакими средствами, но это соображение не должно останавливать дела, так как можно упустить благоприятный момент» [6, 9].

«Настоящий момент – рубеж между прошлым и будущим. Невозможно предположить, что все остается по-старому. Ввиду этого полезно было бы сохранить памятники современной жизни туземцев и уцелевшие реальные остатки их исторического прошлого», – заявил начальник области [3, 25]. На заседании была избрана специальная комиссия для проведения предварительных мероприятий по организации музея, а также был открыт сбор денежных пожертвований и музейных коллекций по археологии, этнографии, истории, географии.

Уже в марте 1894 года на заседании комитета обсуждался вопрос скорейшей закладки музейного здания. Приглашенный на заседание с правом совещательного голоса инженер-архитектор В.И. Грозмани заявил, что отведенное городом место напротив колокольни Михаило-Архангельского кафедрального собора,¹ неудобно для этой цели, так как находится в глухой части города и имеет недостаточную длину по фронтальной стороне (всего 12 сажений)². Негативная оценка столь перспективного участка со стороны известного архитектора не может не вызывать удивления. По мнению Владимира Иосифовича, музею в большей степени соответствовала бы «оживленная площадка между Александровским бульваром, зданием конторы срочных сообщений по военно-грузинскому тракту и сквером перед старым собором»³ [7, 4].

Доводы В.И. Грозмани не нашли поддержки у большинства присутствовавших. Председатель комитета С.В. Каханов отметил, что предлагаемый Грозмани участок не так удобен, как может казаться на первый взгляд. «Чрез самую площад-

¹ Собор заложен в 1872 г., освящен 2 января 1894 г.

² Таким образом, ширина участка под постройку музея составляла 25 м 60 см.

³ Место, предлагавшееся В.И. Грозмани, примерно соответствует месту, где ныне расположено здание Правительства РСО-Алания.

ку постоянно проезжают почтовые и частные экипажи при въезде в город и выезде из него <...> для музея будет весьма неудобно соседство такого уродливого по внешности и грязного по содержанию здания, как почтовая станция». Место, выделенное городскими властями безвозмездно в 1893 году, было признано наилучшим. Соседние участки к тому времени уже были отведены под постройку зданий окружного правления, это вселяло уверенность в том, что предполагаемые к строительству новые здания будут соответствовать статусу учреждаемого музея. Убедительный аргумент начальника Терской области С.В. Каханова в пользу уже имевшегося участка стал решающим: «...коллекции музея могут быть доступны только входящим в него, а не проезжающим мимо» [7, 5].

Рядом с местом, отведенным под музей, располагался участок мужской классической гимназии. В нескольких десятках метров, по ул. Стрелковой (ныне ул. Церетели – Е.Г.) – резиденция начальника Терской области и наказного атамана (Атаманский дом) и, далее, резиденция епископа Владикавказского (Архиерейский дом). Несомненно, выбранное место было весьма перспективным со всех точек зрения: здесь формировался административно-культурный центр столицы Терской области, зримо соединявший светскую, духовную власти с главными культурно-образовательными институциями – гимназией и музеем.

Денежных пожертвований в первый год было собрано 1003 рублей 95 копеек, но затем приток средств сильно уменьшился. По рукам населения ходило много древностей из беспощадно расхищаемых кавказских могильников, однако в областной музей почти ничего не поступало. В 1893 году Г.А. Вертепов, находясь в поездке по области с целью изучения кустарных промыслов, лично занимался собирательской работой, в чем ему призваны были помочь распоряжения властей, предписывающие атаманам отделов и начальникам округов применять меры к охране исторических памятников. Из этой поездки было привезено 62 предмета и 28 фотографических снимков. В поездках 1895 и

1896 годов Григория Абрамовича сопровождал известный владикавказский фотограф Леонтий Иванович Рогозинский, который безвозмездно провел съемки достопримечательных мест и исторических памятников Осетии и Чечни и пожертвовал их для музея [3, 27]. Уже накопившиеся музейные ценности в запакованном виде хранились в доме начальника Терской области. Статистический комитет искал подходящее помещение для размещения, хотя бы временного, собранных материалов, остро стоял вопрос об их показе для широкой публики. Это, по мнению музейных энтузиастов, усилило бы общественный интерес к идее создания музея и приток средств для строительства здания. Таким образом, самым важным этапом в деле становления музея явилось обретение собственного дома.

На заседании 10 февраля 1896 г. комитет решил снять специальное помещение для доступа публики к музейным коллекциям. 8 апреля 1897 года музей был открыт для посетителей [5, 20]. Факт открытия первой музейной экспозиции был отмечен в местной и столичной печати. «Музей естественно-исторический, при Областном статистическом комитете, основан на пожертвования, собранные по подписке», – сообщалось в «Терском Календаре» на 1898 год [8, LVII]. Музей был также отмечен в числе крупнейших российских провинциальных музеев в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона» под № 16: «Владикавказский областной М. при статистическом Комитете (местные древности)» [9, 118].

Организаторы музея не ограничивались лишь археологией, продолжая пополнять музей коллекциями разного рода. На тот момент в музее имелись археологические и этнографические коллекции, коллекция старинного азиатского оружия, коллекция руд, добываемых на Кавказе, нумизматическая и энтомологическая коллекции, коллекция альпийских растений и др. [3, 28].

С целью увеличения средств для музея Г.А. Вертепов читает публичные лекции, в которых по результатам новейших исследований, в том числе и собственных археологических раскопок, знакомит местное сообщество с историей Терской области [10, 79].

Необходимость строительства специального здания для музея становилась все очевидней. Однако, и после, казалось бы, окончательного решения о местоположении будущего музея, музейная комиссия продолжала осматривать незастроенные участки города на предмет возможного строительства [11, 3]. Скорее всего, автор первоначального проекта музейного здания В.И. Грозмани так и не изменил своего мнения о неудобстве уже отведенного участка по Соборному переулку (ныне Музейный переулок – Е.Г.).

В 1899 году временно исполняющий дела председателя комитета генерал-майор граф Пилар обратился к Терскому казачьему войску с просьбой об ассигновании пособия в размере 15000 рублей на постройку для музея «специального здания по плану действительного члена Комитета инженер-архитектора В.И. Грозмани, рассмотренному и одобренному в заседании Комитета 29 марта 1899 г. От результата означенного ходатайства и будет зависеть дальнейшая судьба областного музея»⁴ [12, 3]. Приток пожертвований несколько оживился, но решение вопроса о пособии из войсковых сумм затянулось, несмотря на то, что новый председатель комитета, начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска С.Е. Толстов в 1901 г. вновь поднял этот вопрос. Чтобы сберечь скромные средства, уже собранные на постройку музея, в 1900 г. комитет прекратил наем для него особого помещения, а собранные коллекции, с разрешения генерал-лейтенанта Толстова, были временно помещены в Атаманском доме. [13, 11]. «Мелкия древности, в устроенных для них витринах, были помещены в жилом здании; остальные же предметы пришлось забить в ящики и сложить в сарае» [14, 38]. Опасение, что здесь они могут подвергнуться порче, как это действительно и случилось впоследствии, вынуждало торопиться с постройкой музея.

В 1901 году Общество по устройству народных чтений в городе Владикавказе и Терской области обратилось в городскую Думу с просьбой

⁴ План музейного здания, составленный В.И. Грозмани, на настоящий момент не обнаружен.

об отводе ему участка под постройку здания народной аудитории. «В виду того, что народная чтения и областной музей преследуют однородные просветительные цели и что в здании музея также проектирован зал для народных чтений, председатель Комитета предложил названному обществу соединиться с Комитетом и общими усилиями построить одно общее здание для музея и аудитории. Это предложение было чрезвычайно удобно и выгодно для обеих сторон, однако общество народных чтений от него почему-то уклонилось, сославшись на неудобство отведенного Комитету места, хотя лучшего места нельзя было найти» [6, 11].

Исчерпав все имевшиеся на тот момент возможности, комитет решил начать строительство на собственные средства, которые на 1 января 1901 г. составляли всего 3650 р. 53 коп. [15, 3]. Для начала необходимо было вновь закрепить за комитетом ранее выделенный участок, права на который были к тому времени утрачены. Необходимое удостоверение было получено 23 августа 1901 года. Городская Дума постановила «отчудить бесплатно в собственность Терскому Областному Статистическому комитету участок городской земли мерою 264 кв. саж., находящийся в 1 части города, против кафедрального собора» [16, 66 об.]. Общее собрание Терского областного статистического комитета 27 ноября 1901 г. постановило «1) приступить к постройке здания областного музея вчерне на отведенном для этой цели участке земли, для чего теперь же начать заготовку необходимых материалов; 2) постройку производить по плану гражданского инженера Рябикина хозяйственным способом». Была избрана строительная комиссия в составе членов комитета Г.Г. Тер-Барсегова, И.И. Тускаева, М.М. Далгата и А.А. Михайлова, при строителе И.В. Рябикине [10, 77]. Возглавил комиссию помощник председателя комитета генерал-майор С.И. Писарев.

Избранная комиссия на нескольких своих заседаниях горячо обсуждала вопрос, можно ли по эскизу плана, одобренному общим собранием, построить сколько-нибудь закончен-

⁵ Таким образом, площадь музейного участка составила 1 201 кв. м.

ное здание на имеющиеся к тому времени 5000 рублей. Архитектор И.В. Рябикин уверил, что на эти средства можно построить часть здания в три этажа, размером по фасаду 10 и вглубь 4 сажени и покрыть его без окончательной отделки, установив временные окна, полы и потолки на первых двух этажах, где можно будет разместить музейные коллекции [13, 2].

Начались подготовительные работы. После нелегких переговоров с несколькими заводчиками «кирпич приобретен и поставлен уже от завода Штенгаль и Грозмани по 12 руб. за тысячу в количестве 140.000 на сумму 1630 руб. из коих половина уплачена теперь-же, а остальное отсрочено на 6 месяцев без %». 3000 кирпича для постройки подарил некто Д. Васильев.

Здание Музея Терской области.

Вид с Музейного переулка.
Ориентировочно 1915-1916 гг.

Был сделан заказ на поставку 3000 пудов негашеной извести, доставлен песок и булыжный камень для фундамента и карнизов, заключен договор с подрядчиком и артелью каменщиков в количестве 6 человек. В целях жесткой экономии средств обсуждался вопрос об устройстве водопровода на паритетных началах с находящимся рядом Константиновским городским училищем.⁶ Предполагалось установить кран водопровода между училищем и музеем для общего пользования обоих учреждений. Тогда удавалось избежать достаточно затратной покупки и поставки бочками необходимой воды [13, 2 об.].

Председатель строительной комиссии постоянно обращался в различные инстанции с просьбой о помощи, яркий пример такого письма приводим почти полностью: «На постройку Областного музея нужно теперь же 16 балок в 3, 9 саж. длиною каждая. Не располагая средствами на наличную и даже в кредит покупку их, прошу усердно не может-ли наша областная же железная дорога подарить для сего общепользуемого учреждения означенное количество рельс отслуживших и ей не нужных. Преданный слуга Ваш С. Писарев». [10, 12].

Составленный И.В. Рябикиным проект музея председатель комиссии предложил рассмотреть инженеру-архитектору В.И. Грозмани, автору предыдущего проекта музея. По его мнению, в проекте И.В. Рябикина «значительно меньше полезных помещений и нет квартиры для заведывающего, как было в прежнем им составленном эскизе». Арку средней части здания он нашел слишком широкой, стену 3-го этажа над ней, где предполагается надпись «Музей» некрасивой. Несмотря на замечания, 5 марта 1902 г. строительная комиссия постановила представить проект И.В. Рябикина с объяснительной запиской и сметой начальнику Терской области и, в случае утверждения, приступить к его выполнению [13, 2 об.]. Уже 29 марта проект был утвержден начальником области [17, 164].

«Приготовив фундамент глубиною от 5 до 3-х

⁶ Ныне в здании размещается Союз кинематографистов РСО-Алания и Дом кино

аршин, сообразно склону местности, при ширине 2 аршин, и освятив закладку молебствием в высокотожественный день Тезоименитства Государыни Императрицы Александры Феодоровны 23 апреля 1902 года, постройка была начата по утвержденному плану»⁷[18].

Особый интерес для нас представляет не только сам проект здания, но и пояснительная записка к нему архитектора И.В. Рябикина, датированная 15 февраля 1902 года.

В ней автор кратко изложил концепцию будущего музея, которая и сейчас, по прошествии почти 120 лет представляется весьма актуальной: «Главной моей задачей в виду важности сооружения, поставить дело возможно шире. Зная же, что на этот предмет имеются весьма ограниченные средства, я задался целью осуществить дело постепенно, по мере сил.

Представляю я себе музей в законченном виде, как большой зал, занимающий почти весь отведенный нам участок и приспособленный для народных чтений, лекций и даже спектаклей. При этом должны быть приличный зданию вестибюль, помещение для раздевальной и уборных, канцелярия музея, библиотека, помещение для могущих быть при музее мастерских, рисовальных классов, кладовых и т.п. Предложенный мною проект есть первый шаг к осуществлению намеченной цели, спроектирован он в виде триумфальной арки, ведущей в будущий музей».

Предполагалось, что в объеме первой очереди строительства «приличным образом», хотя и временно, будут размещены имеющиеся коллекции. В интерьере третьего этажа был предусмотрен большой зал, на втором этаже спланирована канцелярия и библиотека, на первом – две небольшие комнаты под архив (библиотеку) и мелкие предметы, хранящиеся в шкафах, а также гардероб («раздевальня»). Под временную экспозицию отводились также двухсветный вестибюль и пространство вдоль лестницы под арками. В средней части подвального помещения устанавливался калорифер, две небольшие комнаты в боковых частях отдавались под вре-

⁷ Таким образом, фундамент был заложен на глубину от 3, 6 м до 2, 1 м, при ширине в 1, 4 м.

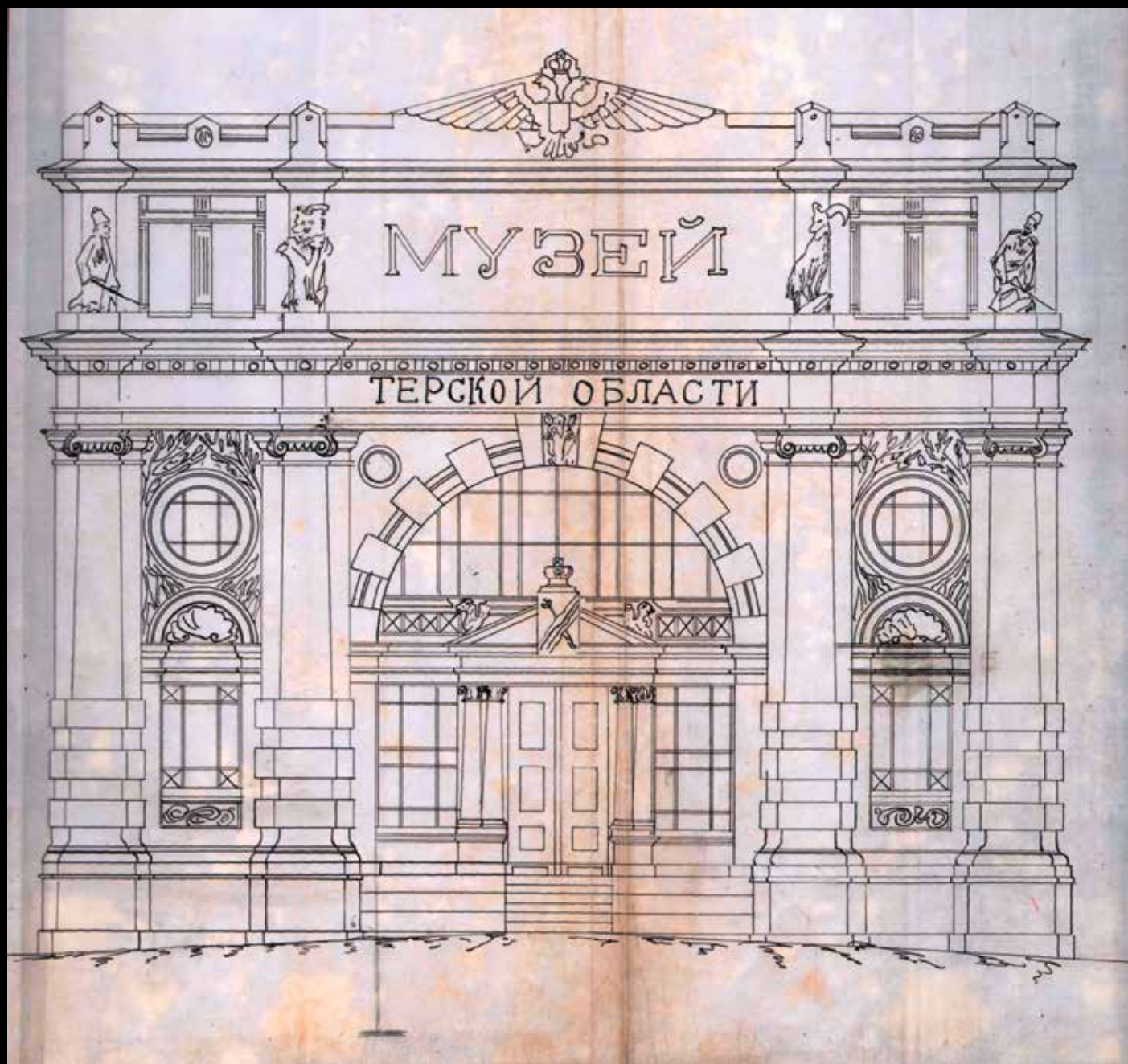
менное жилье музейным служащим. Проектирование второй очереди – основного объема музея было отложено до накопления необходимых для строительства средств.

Инженер-архитектор И.В. Рябикин с некоторой горечью констатировал: «Хотелось бы заняться более широким планом, но мне было поставлено условие дать проект на сумму 15–16 тысяч, а за 5 тысяч выстроить стены и покрыть здание. Однако считаю необходимым сказать, что за эту сумму, т.е. за 15–16 тыс. здание может быть отделано весьма скромно, что не помешает в будущем все-таки придать постройке более ценную обработку» [13, 4–4 об.]. Рябикин ошибся, но не кардинально, в конечном итоге стоимость первой очереди здания выразилась в сумме около 18000 рублей [5, 22].

Здание музея ставилось вплотную к границе участка Константиновского городского училища, отступая от него 5 саженей. Этого, по мнению строителей, было достаточно для света и воздуха с северной стороны. От участка, принадлежавшего мужской классической гимназии, музей отступал на 3 сажени («с целью дать вид и простор к югу как для самого музея, так и двора при нем почему желательно, чтобы гимназия эту часть своего участка, ныне свободно, в будущем не застраивала») [13, 1 об.].

В период с весны 1902 года по весну 1903 года был выполнен основной объем предусмотренных сметой работ за исключением того, что «крыша сделана не железная обыкновенной стропильной системы, а плоская бетонная на 4-х двойных двутавровых балках с продольным переплетом их железными прутьями диаметром 1,2 дюйма». Комиссия по постройке предпочла именно такую крышу для того, «чтобы, пользуясь ею, предоставить туристам, художникам и всем желающим наряду с музеем обозреть с этой высоты весь город и его красивые местности» [19].

Весной 1903 года строительство было остановлено «по израсходовании средств». Статистический комитет вновь ходатайствовал об отпуске из Терского войскового капитала все тех же 15-ти тысяч рублей на достройку здания и оборудование музея [17, 164].

Проект здания Музея Терской области.
Эскиз фасада. Автор И.В. Рябикин. 1902 г.

Вопрос о пособии разрешился лишь осенью, а в 1904 году «за отказом инженера Рябикина от надзора за постройкой и нежеланием кого-либо из других инженеров гор. Владикавказа принять на себя таковой, дело было возложено на Строительное отделение». Здание было передано строительному отделению в следующем виде: возведены 4 наружные стены и две поперечные внутренние, в подвальном этаже; здание покрыто бетонным, плоским потолком, последний был в трещинах и грозил обрушением.

Можно предположить, что отказ И.В. Рябикина от надзора за зданием был вызван целым рядом причин, в числе которых и внесение в его проект существенных изменений. Автор не был согласен с решением «главную лестницу, ведущую на второй и третий этажи, устроить в северной части I этажа не к западной стене, как показано на утвержденном плане, а посередине; лестницу, ведущую на крышу из третьего этажа поставить, сообразно входной будки, в северо-восточном углу крыши». По его мнению, перенесение лестницы уменьшало полезную площадь музея. Декорация фасада, предусмотренная в эклектических формах, – четыре большие колонны у парадного входа, скульптуры, таблицы с текстами и т.п. также откладывались до момента накопления необходимых средств [19].

Основные работы на этом этапе принял на себя грозненский архитектор А.В. Станевич, возглавлявший технико-строительную контору. Последний обязался «из собственных материалов, своими средствами и рабочими силами выполнить работы по постройке здания музея за исключением столярных работ». Столярные изделия было предложено выполнить А.Ф. Крейчи, владельцу фабрики строительных, паркетных и мебельных изделий [18]. Был демонтирован и заново устроен верхний потолок, заменены балки во всех потолках, произведены также и другие работы: построен сарай для дров и склада строительных материалов, ватерклозет с выгребом и пр. Пришлось на время отложить выполнение некоторых из намеченных работ, некоторые – удешевить, «в ущерб наряд-

ности их», как, например, деревянные полы и лестничные перила [17, 164 об.].

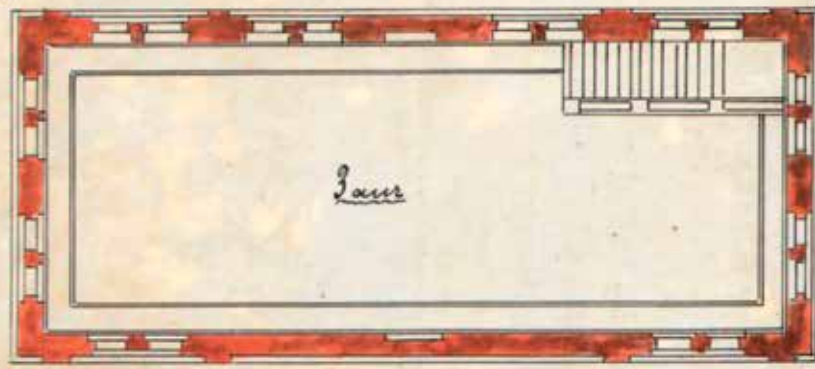
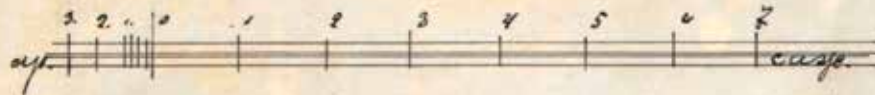
К концу 1906 года удалось-таки довести здание музея до состояния, когда оно уже могло служить своему назначению. Ввиду того, что в распоряжении комитета не было никаких средств на содержание музея, а для собранных коллекций достаточно было пока одного зала, в конце 1906 года второй этаж здания был отдан в наем художественному обществу за 300 рублей в год. Благодаря этому были получены средства на отопление. К началу 1907 года здание просушилось, появилась возможность перенести в него собранные коллекции, а затем и открыть его для публики [20, 4].

В эксплуатацию была сдана лишь вестибюльная часть трехэтажного здания. В дальнейшем предполагалось продолжить сооружение с западной стороны, по причине чего кладка западной стены была выполнена в полкирпича, что облегчило бы в дальнейшем ее разборку и соединение вестибюля с новыми залами.

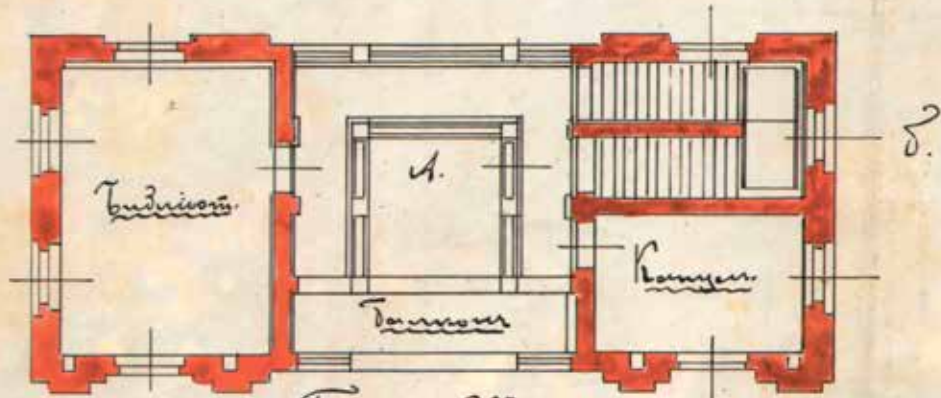
Торжественная передача нового здания музею состоялась 21 января 1907 года. На расширенном заседании Терского областного статистического комитета, проходившем в тот же день, были избраны: хранитель музея (Г.А. Вертепов), заведующие отделами – военным (М.А. Пржевальский), промышленным (В.И. Грозмани), естественно-историческим (Г.Г. Тер-Барсегов), этнографическим (Д.А. Вырубов), археологическим (Н.А. Поляков) [20, 4].

Такое общественно-значимое событие, как открытие Терского областного музея не было обойдено вниманием. Информация о музее публиковалась практически в каждом выпуске официальных «Терских ведомостей» [21].

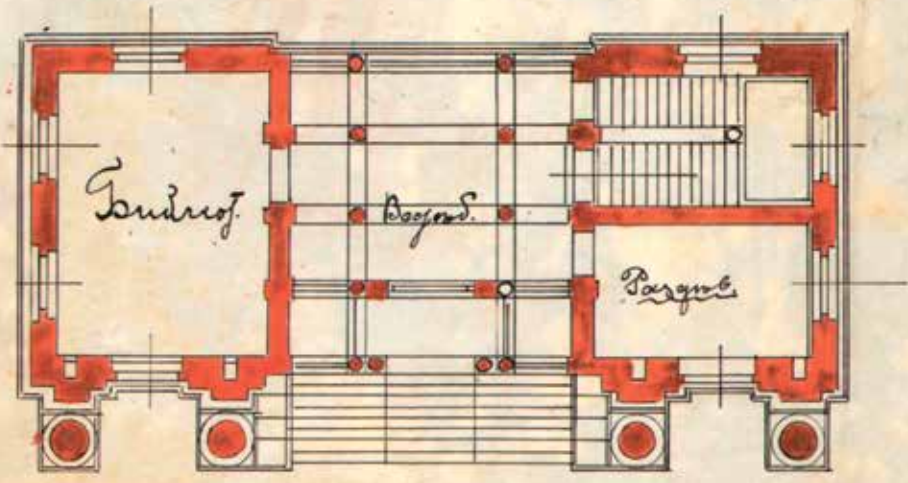
Обретение собственного здания имело определяющее значение в деле дальнейшего становления музея, он смог значительно расширить свою работу. Сотрудники музея проводили результативные экспедиции по Осетии, Кабарде, казачьим станицам Терской области. Были изготовлены модели памятников горской архитектуры, составлена обширная коллекция фотоснимков, приобретены ценные экспонаты пе-

План 3-го эт.

План 2-го эт.

План 1-го эт.

риода Кавказской войны. При музее открылась библиотека, состоявшая, в основном, из книг по кавказоведению. Все это способствовало превращению Терского областного музея в крупный научный историко-краеведческий центр обширного региона.

Однако на пути развития молодого музея стояла непреодолимая преграда – хроническая нехватка средств на его содержание, что вынуждало «отцов-основателей» искать приемлемый выход. В октябре 1909 года общее собрание членов статистического комитета постановило обратиться с ходатайством о принятии музея на баланс Терским казачьим войском, ходатайство это было удовлетворено в 1911 году и музей стал получать более регулярную поддержку [5, 27].

К глубокому сожалению, техническое состояние здания уже открытого музея оставляло желать много лучшего. Согласно Акту о состоянии здания от 7 марта 1910 года еще летом

1907 года было выявлено, что «верхнее бетонное покрытие здания имело много продольных и поперечных трещин, вследствие чего потолок протекал в 18-ти местах и во время дождей вода заливала внутренность здания, портила коллекции музея и грозила самому зданию серьезным повреждением». С целью устранения течи крыши, она была дважды залита асфальтовой смолой, но течь открывалась вновь.

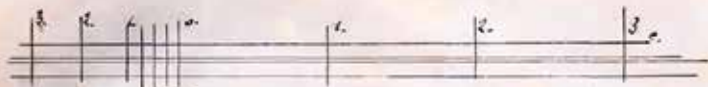
К числу серьезных недостатков следует отнести и некачественно устроенную систему калориферного отопления, отчего по всему зданию распространялся угарный газ. В акте отражены и другие серьезнейшие проблемы. Так, из четырех колонн, установленных по бокам парадных дверей, лишь одна оказалась цельной, остальные были треснуты в нескольких местах. Колонны заведомо были установлены в таком состоянии, так как имелись следы дополнительной шлифовки. Пол из цементных плиток в парадном вестибюле

был уложен неровно, многие плитки были уложены уже разбитыми; оконные рамы и коробки были установлены и закреплены столь некачественно, что выпадали, как и двери в подвальном помещении. В нарушение сметы не были установлены ряд навесов, ручек, шпингалетов, «не заделаны с западной стороны здания отверстия дыры в стенах, остающиеся после разборки реш-

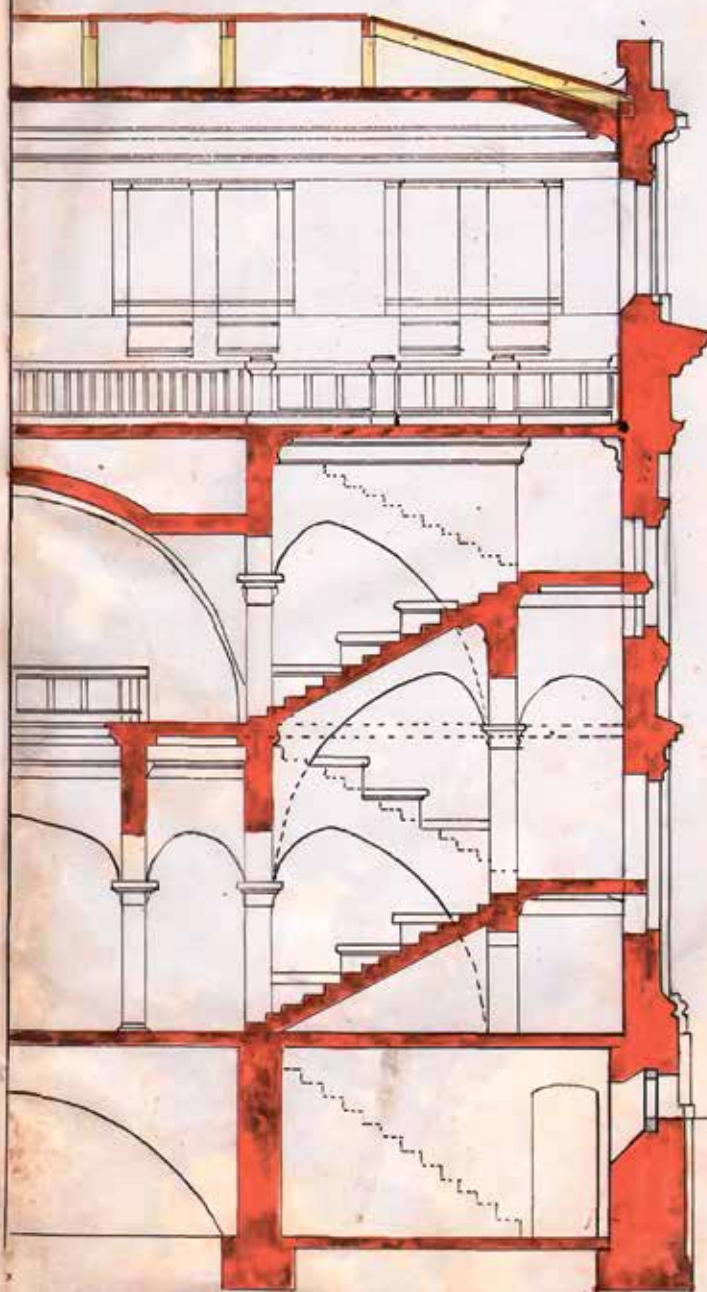

Фрагмент лицевого фасада здания Музея Терской области.

*Вид от входа в Михаило-Архангельский кафедральный собор.
Ориентировочно 1921-1928 гг.*

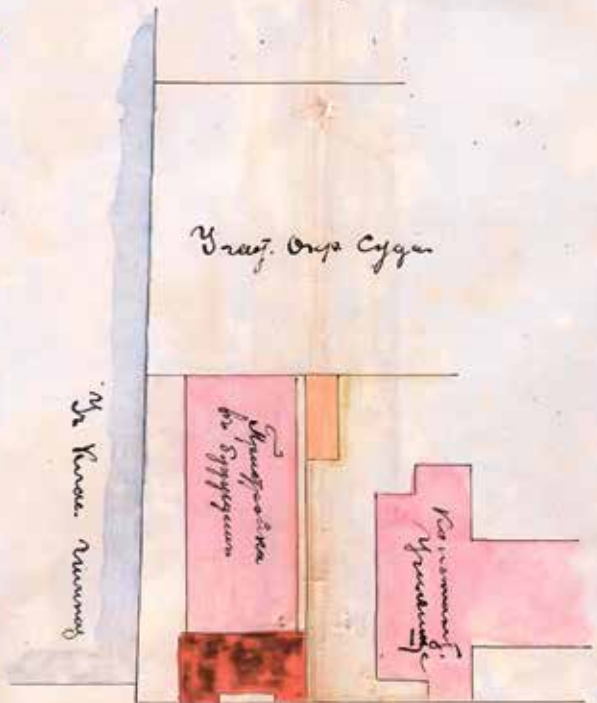

Разрез по АВ.

с восточной стороны:
Несколько впадин восточной
областной Канцелярии -

Сводчатая
столбчатая виадукт

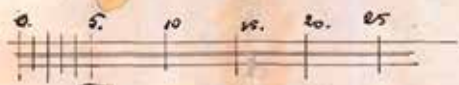

Угол. Окр. Суды

М. К. Кан. М. Кан.

Канцелярия
по Суда

Канцелярия
по Суду

Террасный этаж

Проект здания Музея Терской области.
Разрез по АВ. Автор И.В. Рябикин. 1902 г.

тований»⁸ [10, 72–73]. Разумеется, столь плачевное состояние нового здания – свидетельство хронической нехватки средств и недостаточного технического надзора, и, возможно, корысти подрядчиков. Статистический комитет вынужден был за собственные средства произвести ряд неотложных работ: по асфальтировке бетонного покрытия здания, переделке калориферной печи и др.

К продолжению строительства, по некоторым данным, приступили лишь в 1913 году. Тогда полностью были оформлены главный вход и вестибюль. [19]. Однако, начавшаяся в 1914 году первая мировая война вновь остановила строительство. В годы революции и гражданской войны Музей Терской области, в отличие от многих общественных зданий Владикавказа не подвергся разрушению, не был разграблен. В августе 1918 г. перешел в ведение Комиссариата Народного просвещения, в мае 1920 г. на базе музея был создан Северо-Кавказский институт краеведения. Музей перешел в его ведение и получил наименование «Научный музей г. Владикавказа». С 1928 по 1930 год музей именовался историческим музеем, затем, по 1936 год – Северо-Осетинским областным краеведческим музеем. В 1936 году получил наименование «Республиканский музей краеведения Северо-Осетинской АССР» [5, 28–40].

В 1966 г. Музей краеведения СО АССР был переведен в здание на проспекте Мира, 11, а по адресу «Музейный переулок, д. 3» разместился Музей осетинской литературы имени К. Л. Хетагурова.

Таким образом, здание Музея осетинской литературы им. К.Л. Хетагурова – ныне филиала ГБУК «Национальный музей РСО-Алания», по существу, лишь вестибюль и гардероб незавершенного здания Музея Терской области, спроектированного талантливым владикавказским архитектором Иваном Васильевичем Рябкиным.

Основной корпус должен был располагаться перпендикулярно вестибюлю, вглубь участка, но он так и не был возведен. Несмотря на это, построенная часть музея по своей выразительно-

сти носит завершенный характер. Трехэтажное с полуподвальным помещением здание имеет богатое архитектурно-художественное оформление: членение по вертикали по всему периметру пилястрами ионического ордера, полукруглые арки-раковины над окнами первого этажа, рустовка пилястр, сильно выступающий карниз на лепных кронштейнах, отделяющий третий этаж от второго. По периметру парапета расположены тумбы, продолжающие стволы пилястр. Над центральным входом – арочный проем, расчлененный выступающими объемами замковой формы. Портик входа покоится на четырех колоннах с пилястрами ионического ордера. Под прямоугольными окнами первого этажа – ниши по ширине окон, круглые окна второго этажа имеют мощное лепное обрамление [22].

Фасады здания сохранили свою историческую композицию, за исключением ряда немаловажных деталей. На фронтоне лицевого фасада лепной двуглавый орел был заменен серпом и молотом, утрачены фигуры по бокам центрального портика и «лошадиная голова» на замковом камне арочного окна над центральным входом. Место герба Терской области над портиком центрального входа занял барельеф Коста Хетагурова.

Весь массив изученных архивных документов, опубликованных источников, изобразительных материалов свидетельствует о крайне сложных перипетиях, связанных со строительством первого и, пока, единственного изначально спроектированного под музей здания в нашей республике. К счастью, земельный участок Музея Терской области на сегодняшний день не застроен, что открывает большие возможности для дальнейшего развития.

Достройка старейшего музейного здания с учетом потребностей современного посетителя представляется не только возможной, но и весьма своевременной. Район города, где находится Музей осетинской литературы, в последнее время вновь приобретает статус духовно-культурного центра в связи с восстановлением Архиерейского подворья возрожденной Владикавказской

⁸ Рештование – сборная конструкция из различных материалов, применяемая в строительстве, иначе говоря «строительные леса».

и Аланской епархии. Михаило-Архангельский кафедральный собор в 1930-е годы был разрушен, но сохранились Дом начальника Терской области (Атаманский дом), ныне занятый под госпиталь Министерства обороны⁹, здание старейшей мужской классической гимназии, в которой расположена гимназия № 5, здание Константиновского городского училища (Дом Кино).

Осмысленное расширение музейного пространства даст не только достойные площа-

⁹ В ближайшие годы госпиталь будет переведен в специально строящийся для него комплекс.

Использованные источники и литература:

1. Каспаринская С.А. Музеи России и влияние государственной политики на их развитие (XVIII- начало XX века) // Музей и власть. Ч. 1. М., 1991.
2. Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX века // Очерки истории музейного дела в России. Вып. 2. М., 1960.
3. Вертепов Г.А. Исторический очерк Терского областного статистического комитета. Владикавказ, 1897.
4. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2002.
5. Семенов Л.П., Кастуев А.Г. Музей краеведения Северной Осетии (1897–1947). Дзауджикау, 1947.
6. Вместо предисловия. Тридцатилетие Терского Областного Статистического комитета // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому календарю» на 1904 г. Владикавказ, 1903. Вып. 6.
7. Журнал собрания Терского областного статистического комитета: заседание 3 марта 1894 года. Владикавказ, 1894.
8. Терский календарь на 1898 год. Владикавказ, 1897.
9. Энциклопедический словарь: ред. Брокгауз и Эфрон. Кн. 39. 1898.
10. ЦГА РСО – А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 1351.
11. Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1898 г. Владикавказ, 1899.
12. Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1899 г. Владикавказ, 1900.
13. ЦГА РСО – А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 1347.
14. ЦГА РСО – А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 1357.
15. Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1900 г. Владикавказ, 1901.
16. ЦГА РСО – А. Ф. 17. Оп. 1. Д. 136.
17. ЦГА РСО – А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 1349.
18. Архив ГБУ «Наследие Алании». Паспорт на объект культурного наследия «Музей осетинской литературы». Орджоникидзе, 1989.
19. Архив ГБУ «Наследие Алании». Историческая справка на выявленный объект культурного наследия «Музей Терской области, позже Северо-Кавказский музей краеведения, ныне Музей осетинской литературы». Владикавказ, 2016.
20. Журнал заседания Терского областного статистического комитета 21 января 1907 года. Владикавказ, 1907.
21. Терские ведомости. №№ 62, 63. 1889; № № 10, 13, 19, 20, 29, 38, 39, 40, 64. 1894.
22. Архив ГБУ «Наследие Алании». Паспорт на объект культурного наследия «Здание, в котором в 1907–1966 гг. располагался Северо-Кавказский Музей краеведения». Орджоникидзе, 1980.

ди под современные экспозиционные залы и фондохранилища, прочие необходимые музею структуры, но обеспечит его развитие на длительную перспективу. В современных реалиях есть смысл вернуться к идейному замыслу Ивана Васильевича Рябикина: «Представляю я себе музей в законченном виде, как большой зал, занимающий почти весь отведенный нам участок и приспособленный для народных чтений, лекций и даже спектаклей. Предложенный мною проект есть первый шаг к осуществлению намеченной цели».

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ МАХАРБЕКА ТУГАНОВА

Архитектурный памятник Владикавказа

Для туристов, жителей Владикавказа тех, кто стремится попасть в художественный музей имени Махарбека Туганова, но не знает, как к нему пройти, объяснение простое – это самый красивый дом на проспекте Мира.

Действительно, в центре Владикавказа на проспекте Мира расположено одно из самых примечательных зданий города – старинный особняк рубежа XIX–XX веков, единственный архитектурный памятник во Владикавказе, интерьеры которого за столетие сохранились почти без изменений. Дом был построен в 1903 году известным на Северном Кавказе архитектором Иваном Васильевичем Рябикиным по заказу богатейшего владикавказского купца Богдана Григорьевича Оганова.

Двухэтажный особняк сам по себе представляет уникальный памятник русского модерна. Нарядный фасад с лепным декором, фигурами сфинксов, завершающих выступающие между окон пилоны, маскаронами, украшающими акротерии, рельефными знаками зодиака в тимпанах над 12 окнами и «древом жизни» между ними, характерен для модерна своей асимметрией в плане здания, выразительной пластикой и размером балкона, нависающего без дополнительных опор над парадным входом.

Жилые помещения второго этажа, расположенные анфиладой по одной осевой линии, роскошью и затейливостью убранства должны

были уподобиться дворцовому пространству. Неизвестно, кому пришла на ум идея придать каждому парадному помещению определенный исторический стиль, скорее всего – архитектору.¹ Поражает богатство фантазии, особенностей подхода к деталям и вариантам декора парадных интерьеров, решенных в стилях барокко, ампира, рококо, и собственно модерна, который объединяет и подчиняет себе художественную волю автора, прежде всего, удивительно красивыми изогнутыми переплетами окон парадного фасада, выходящих на липовую аллею.

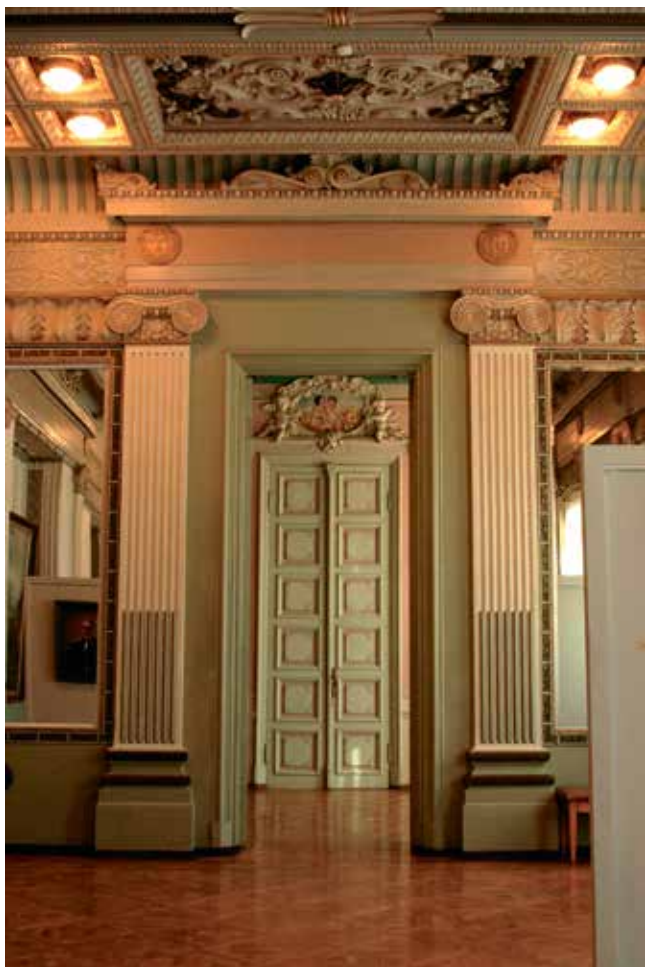
Проход по комнатам особняка подобен путешествию во времени: кабинет, оформленный в духе ампира, настраивает на серьезный, строгий лад и одновременно поражает своей нарядностью: орнаменты кессонов потолка, настенные рельефы, изображающие гениев плодородия и рачительного хозяйствования в стиле позднего классицизма (ампира), позолочены. Похоже, гостям напоминают о занятиях хозяина, его преуспеваю в торговом бизнесе. Антресошь, должна уточнить функцию помещения как кабинета,² обычно вызывает вопрос – для чего она устроена: для библиотеки, архива, для оркестра, услаждавшего гостей, проходивших в следующий, главный зал? Но инженерная хитрость архитектора просто позволила ему использовать пространство над лестничным проемом, чтобы увеличить объем комнаты. А само пространство лестничного марша осветить ок-

ном, который сегодня украшает витраж, созданный по рисунку дизайнера Ирины Кондратенко в стиле египетского орнамента фриза последнего пролета парадной лестницы.

Следующий, самый большой зал размером в пять окон, заявляет о своем статусе как главного парадного апартамента. Стены здесь украшает лепной занавес с бахромой (характерный элемент для интерьеров классицизма). Меж пары пилястр, фланкирующих окна – кариатиды, держащие на головах амфоры и подпирающие, как и ионические капители, карниз потолка. Кессоны роскошного, высокого потолка, подобно рамам, обрамляют рельефные изображения козлиных голов с винтообразными рогами, виноградные лозы. Углы массивного обрамления потолка украшают рельефные девичьи головки, тонированные под бронзу листья аканфа и завитки. Массивные листья аканфа и

античные «овы» фриза соединяют капители пилястр и придают залу избыточную пышность барокко. Особенности этого стиля подчеркивают четыре огромных зеркала, иллюзорно увеличивающих пространство и расписной овальный плафон с изображением неба и парящих среди облаков героев античной вакханалии. Стремление уничтожить верхний предел пространства зала и обращение именно к сцене праздника в честь бога вина – также особенность барокко. Строгость классических форм скульптур и обилие элементов причудливой декоративной лепнины, приемы увеличения пространства и создание «прорыва в небо» – все это характерно для французского варианта барокко. Находясь в зале, легко представить себе танцующие пары, нарядных гостей, расположившихся в креслах и диванах на фоне гипсового занавеса. Услышать звуки вальса...

Самая маленькая из комнат парадной анфилады, украшенная в стиле рококо, напоминает будуар. Стены – цвета розовой пудры, изящные белые десюдепорты со скульптурным и живописным изображением путти над входом, обрамленные рокайльным рельефным орнаментом, С-образными завитками, создают ощущение отдыха, уединения. В живописи потолка, украшенного также парящими фигурками на фоне небесной сини, больше легкости и прозрачности, обрамлен он рамой в виде гирлянды из лилий, очень тонкой, изящной лепки и нежной цветовой тонировки.

Третий зал органично вписывается в стилевую программу модерна. Здесь самый красивый и в плане декоративного решения, и мастерства выполнения плафон: характерные для модерна,

излюбленные художниками этого стиля цветы с большими и выразительными лепестками – лилии, маки – образуют вокруг люстры розетку, повторяют изгибы падуги, склоняя свои тяжелые головки. На стенах эти цветы даны в большом масштабе и насыщенном цвете.³

Возможно, эта комната служила спальней. В ряду парадных дворцовых помещений спальня занимала свое место, как покои, замыкавшие анфиладу парадных залов, за которыми следовали сугубо служебные и интимные помещения. Действительно, следующие две небольшие комнаты чередовались с коридорами, ванной, туалетом.

Совсем недавно был приведен в порядок четвертый из парадных залов – помещение, которое, возможно, выполняло функцию столовой-гостиной. Оно не только примыкало к «зимнему саду», но и ближе всего было расположено к кухне. Зал интригует зрителя своей визуально-символической программой.

Огромная, гнутая в виде овала рама, открывает вид на галерею «зимнего сада», расписанную мусульманскими («мавританскими») орнаментами, украшенную резными «сталактитами», которые превращают угловые стыки деревянных рам застекленного эркера в подобие грота. Здесь, в центре галереи, журчали струи фонтана, выполненного из речного камня, стразов горного хрусталя, украшенного веткой коралла. Сквозь окна эркера открывался вид на настоящий сад, протянувшийся до следующей, параллельной проспекту улицы, он продолжал и оживотворял тему природы, заявленную в интерьере на символическом уровне.

Стены самого зала украшены рельефным, тонированным в цвет бронзы, изображением четырех видов растений: виноградной лозы, лимона, грушевого и яблоневого деревьев. А по углам раскинули свои листья высокие стебли кукурузы. Можно предположить, что здесь собраны растения всех сторон света, а можно увидеть в этих плодах символическое изображение райского сада.

Этот зал также выполнен в стиле модерна. Но, по-видимому, не вполне был завершен ар-

хитектором и декораторами, или претерпел изменения в первой половине XX века. Большие плоскости, выделенные на стенах рельефным бортиком, скорее всего, были предназначены для зеркал. В 1937 годы они были заполнены пейзажами, знакомыми жителям Осетии: вид Терка с мельницей и большим валуном, русская крепость по Военно-Грузинской дороге, аул Нар и др. Росписи были выполнены Артемом Качияном (1886–1943), владикавказским художником и одним из первых авиаторов. Его авторские подписи, поставленные в нижнем углу панно, замараны, но не уничтожены окончательно, они – свидетели трагического итога его судьбы.⁴

Система росписей, сюжетных и декоративных, была разработана и выполнена чешским художником Генрихом Петровичем Клусачеком.⁵ Для работы над стенописями он подготовил группу местных мастеров.

Существует «городская легенда», рассказывающая, что жилые помещения второго этажа создавались для сына хозяина и его невестки-француженки, которым что-то не понравилось в городе «отставных военных» и они предпочли возвратиться во Францию. Никаких текстов, ни документальных, ни эпистолярных, подтверждающих эту историю не найдено. Но не случаен, возможно, французский акцент в декоре кабинета (стиль Наполеона Бонапарта) и большого зала (в духе французского барокко).

Постройка Рябикина отвечала модерну не только архитектурной планировкой и стилистикой декоративного решения, но и передовым для конца XIX – начала XX века техническим оснащением: паровое отопление, система вытяжных каналов, устройство кухни в мансарде, куда подавались продукты и спускались готовые блюда с помощью небольшого лифта. Даже сугубо технические элементы благоустройства особняка были выполнены по эскизам автора проекта или под его наблюдением: украшенные узором радиаторы парового отопления, поставленные на «львиные ножки», но при этом закрытые экранами с металлическими решетками, которые своими узорами и расцветкой связаны были с декоративным решением каждого зала. Вся

фурнитура окон и дверей также находилась в согласии с художественным решением здания. Собственно, в этом проявилось характерное для эпохи отношение к архитектурной постройке, как к синтетическому художественному памятнику. В нашем городе таких зданий было немало. Но только бывший особняк Огановых донес эту культуру строительства до наших времен, и во многом, благодаря существованию в его стенах художественного музея.

Так получилось, что частная жизнь на втором этаже особняка не сложилась. Наверное, он был слишком роскошен, параден и не очень подходил для личной жизни небольшой семьи. Зато на первом этаже удобно расположились торговые залы товарищества «Киракозов-Оганов», ювелирные мастерские Зинаиды Каджо-

янец, известные далеко за пределами России изделиями, выполненными в кавказском стиле. Здесь находилось фотоателье Садуллы Джанаева-Хетагурова. Долгое время помещения первого этажа занимал книжный магазин.⁶

История музея

Жизнь старинного особняка изменилась в XX веке. На его втором этаже в разные годы располагались различные учреждения. С лета 1918 по февраль 1919 года – Совет Народных комиссаров Терской республики, с 1941 по 1956 год – Президиум Верховного Совета СО АССР. С 1956 года – художественный музей, в 1971 году, получивший имя основоположника современного изобразительного искусства Махарбека Туганова.

Идея создания периферийных музеев для развития культуры регионов, для воспитания и

просвещения граждан советского государства, возникла в центре, в Совнаркоме СССР. Но обращение к власти должно было исходить из регионов, способных создать, содержать и совершенствовать музейную структуру.

7 апреля 1939 года на заседании Совета Народных Комиссаров Северо-Осетинской АССР было принято решение об организации картинной галереи (с 24 декабря 1939 года переименованную в художественный музей). В пункте 4 протокола значилось: «Просить Всесоюзный комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР о выделении соответствующего количества картин из союзного картинного фонда для организации картинной галереи Северо-Осетинской АССР в гор. Орджоникидзе». Документ был подписан Председателем СНК СО АССР Кубади Куловым.

И уже в 1939 году в Осетию, в созданную гале-

рею, поступают экспонаты из Госфонда СССР, ленинградской Государственной закупочной комиссии, Государственного Русского музея, Государственного Эрмитажа, Государственной Третьяковской галереи. Передаются художественные произведения из местного музея краеведения. Из одного лишь Государственного Русского музея было получено 70 произведений живописи и графики. Это пейзажи и этюды А.П. Боголюбова, В.В. Верещагина, М.К. Клодта, А.И. Куинджи, И.И. Шишкина, Ф.О. Юшкова; камерные и парадные портреты Ж.Б. Лампи Старшего, Я.Ф. Капкова, А.А. Харламова, А.М. Любимова; гравюры XVIII и XIX веков Ф.И. Байкова, С.Ф. Галактионова, А.О. Орловского и замечательные авторские офорты И.И. Шишкина.

В 1944–1950 годах музей приобретает более 80 произведений русской живописи и графики XVIII – начала XX вв. у семьи реставратора

В.В. Сафонова, оказавшегося в годы войны в Орджоникидзе (Владикавказе). Этими коллекциями было положено начало разделу русского дореволюционного искусства, в котором представлены практически все основные явления художественной культуры России.

Важной частью создания музейного фонда стала практика дарения музею произведений и художественных предметов. В 40-е годы в дар передают свои картины ведущие художники Москвы и Ленинграда: Бакшеев В.Н, народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Государственной премии СССР; Герасимов С.В., народный художник СССР, лауреат Государственной премии СССР; Грабарь И.Э., народный художник СССР, действительный член Академии наук и Академии художеств СССР и многие другие известные художники. Формируется раздел советского искусства.

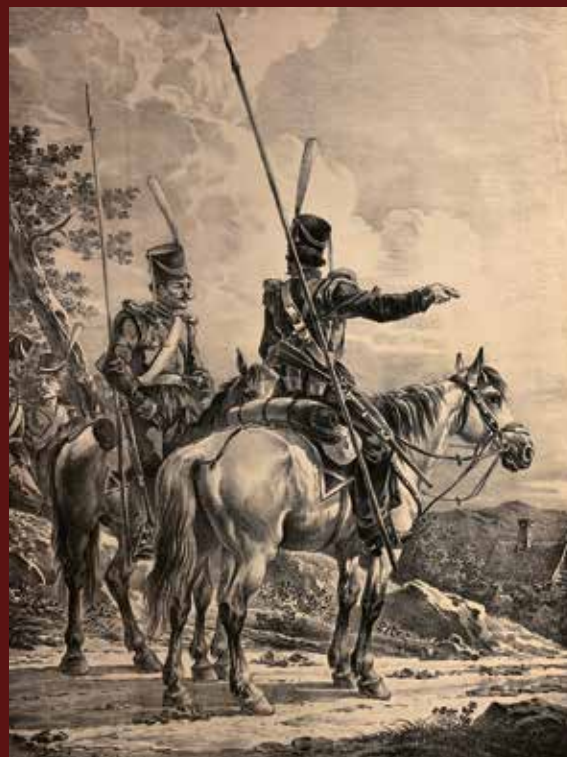
В 1981 году в дар музею были переданы картины и рисунки русских художников XIX века московским коллекционером, инженером Григорием Моисеевичем Галковским⁷, уроженцем Владикавказа.

Особо ценно, что уникальные разделы осетинского искусства складываются также из принесенных в дар работ: это, прежде всего, собственные скульптуры, переданные в музей Сосланбеком Тавасиевым (рабочая модель памятника Салавау Юлаеву, «Мститель», «Голова горца»); портрет Адильгерее Шанаева кисти Махарбека Туганова, подаренный его сыном, скульптором Б.А. Шанаевым; портрет Батырбека Туганова, также созданный М. Тугановым – дар дочери Батырбека Валерии. А в дальнейшем среди дарителей мы находим имена О. Малтызовой, Л. Гадаева, И. Лотиева, А. Харебова, Ю. Побережного и многих других авторов или владельцев предметов искусства.

Первым директором музея был Тимофей Васильевич Золотухин-Ростовщиков, проработавший до июля 1941 года. В годы Великой Отечественной войны музей был эвакуирован в Ереван, в Государственный музей изобразительных искусств Армении. Эвакуацией руководил

Верещагин В.В. 1842-1904.
Индус. 1872. Х., м. 29х19.
Получено из Госфонда СССР в 1939 г.

Орловский А.О. 1777-1832.
Казачи. 1820.

Автолитография

Лампи Джованни Баттиста Старший. 1751-1880.
Портрет графа А.И. Лазарева. Х., м. 108х42.

Получено из
Государственного Русского музея в 1940 г.

Туганов М.С. 1881-1952.
Портрет Адильгерее Шанаева. 1910 г.

директор Роман Кузьмич Сикоев (август 1941 – июнь 1942 г.). В марте 1943 года экспонаты возвращаются в Орджоникидзе.8 Временно, с 15 апреля по 5 июня 1943 года, обязанности директора исполняет Джанаев Аким Казбекович, заместитель начальника Управления по делам искусств республики. С июня 1943 по сентябрь 1947 года директором становится Яковенко Ф.М.

С сентября 1947 года по август 1968 года музей вновь возглавил Р.К. Сикоев, сыгравший большую роль в создании раздела осетинского искусства в музее. Почва для этого была. Не только богатое наследие народного искусства, которое сотрудники музея собирали, открывая подчас новые имена мастеров. В конце XIX – начале XX века в Осетии жил великий поэт и первый профессиональный художник, ученик Петербургской Академии художеств, Коста Хетагуров. В 1957 году решением министерства культуры республики 18 его живописных и графических произведений были переданы музею. В 40-е годы приобретаются скульптуры и резные чаши самобытного художника Сосланбека Едзиева, заложившие основу коллекции его произведений и пополненную в 70-80-е годы. Именно при Р.К. Сикоеве в 1948 году был заключен договор между художественным музеем и Махарбеком Тугановым на создание картины «Пир нартов». Несмотря на то, что творчество Туганова негативно воспринималось чиновниками от искусства Северной Осетии (об этом убедительно говорит тот факт, что произведения этого выдающегося деятеля культуры стали поступать в музей только после его смерти), именно художественный музей собрал лучшую коллекцию его живописи, графики, сценических эскизов.

В этот, начальный период формирования собрания в музей поступают, приобретаемые республикой произведения художников Сосланбека Тавасиева, Аслан-Гереея Хохова, Сократа Кусова, Н.Е. Кочетова, В.В. Лермонтова, Михаила Томаева, братьев Дзантиевых – Инала, Давида и Александра и др.

Собрание национального искусства в послевоенные годы пополняется произведениями художников, возвращающихся в республику по

окончании художественных вузов страны. Это Азанбек Джанаев, Батр Калманов, Сергей Санакоев, Юрий Дзантиев, Умар Гасиев, Умар Кануков, Заурбек Абоев, Борис Шанаев, Чермен Дзанагов, Борис Тотиев, Юрий Бигаев.

С сентября 1968 по октябрь 1975 года музей возглавлял профессиональный искусствовед Борис Казбекович Дзарасов, с приходом которого перестраивается экспозиционно-выставочная, активизируется научно-просветительская работа музея. Не сумев добиться помещений для хранения фондов, он меняет вид залов второго этажа: использует щиты с натянутым холстом для того, чтобы скрыть декоративное убранство залов, мешающее картинам, заказывает новое современное оборудование для демонстрации скульптуры, графики, декоративно-прикладного искусства. Требует обязательной профессиональной подготовки для научных сотрудников (все сотрудники музея, в бытность Б.К. Дзарасова директором, окончили отделение истории и теории искусств института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина при Академии художеств), следит за повышением их квалификации.

С его приходом изменилась выставочная деятельность, получили развитие различные ее формы и, главные – передвижные, обменные выставки, позволившие показывать в залах нашего музея искусство Индии, Японии (из фондов музея искусств народов Востока, Москва), картины голландцев XVII века (из Государственного Эрмитажа), экспозицию русской иконы (из фондов ГТГ) и многочисленные выставки современного искусства. Произведения художников Осетии, собранные в групповые, персональные блоки, вывозились за пределы республики. К выставкам в музее издавались каталоги, буклеты, сотрудники музея были авторами статей в периодической печати, авторами и участниками телепрограмм, посвященным вопросам искусства.

Деятельность Б.К. Дзарасова успешно продолжала, сменившая его на посту директора Алла Акимовна Джанаева, по образованию филолог и искусствовед, много лет проработавшая главным хранителем музея и хорошо знавшая

все его проблемы. Ее деятельность пришлось на благополучные 80-е годы, позволившие освоить новые маршруты передвижных выставок (Ленинград, Москва, Ужгород, Эчмиадзин, Тбилиси, Иркутск, Нальчак), пополнить фонды удачными приобретениями. В качестве своеобразного «подарка» судьбы можно считать возвращение музею первого этажа особняка, которое осуществил волевым решением А.С. Дзасохов, на тот момент Первый секретарь Северо-Осетинского Обкома КПСС. Это просторное и свободное помещение торговых залов позволило осуществлять смелые экспозиционные проекты. Шла работа над двумя филиалами (мемориальные Дома-музеи Сосланбека Едзиева в Синдзикау и Махарбека Туганова в Дур-Дуре). Первый был лишь спасен от разрушения (да и то – после вмешательства в его судьбу Фаризы Борисовны Дзасоховой), второй был открыт в 2002 году. К деятельности А.А. Джанаевой добавилась компетенция эксперта в области произведений изобразительного и прикладного искусства.

Темная полоса 90-х и нулевых отразилась отсутствием финансирования музея, угрозой необратимого старения, разрушения самого здания, утратой надежды на его ремонт и строительство хранилища. Более 20 лет музей не имел возможности закупать произведения с выставок, и творчество целого поколения молодых художников осталось не зафиксированным в нашем собрании.

Но, тем не менее, современное искусство Осетии в музее представлено достойными работами ведущих художников 70–90-х годов: живописью Казбека Хетагурова, Шалвы Бедоева, Эльбруса Саккаева, Мурата Кабулова, Магреса Келехсаева, Юрия Абисалова, Ахсара Есенова и др.; скульптурой Лазаря Гадаева, Заурбека Дзанагова, Юрия Кцоева, Руслана Тавасиева, Алана Корнаева и др.; графикой Батраза Дзиева, Мурата Джигкаева, Валерия Цагараева; произведениями прикладников Людмилы Байцаевой, Вадима Джиеова и др.

Музей – это сотрудники, те, кто реставрирует и хранит предметы музейных коллекций, картины (реставраторы Зинаида Рубаева, Руслан

Пораев, Юрий Кцоев; хранители: Зарина Туаева, Надежда Джанаева, Юлия Кочиева, Залина Дарчиева).

Благодаря поисковой, собирательной и научно-исследовательской деятельности научных сотрудников, особенно в 60–90-е годы, музей пополнился ранними скульптурами Тавасиева, уникальными произведениями Сосланбека Едзиева, драгоценными для истории осетинской нартиады графическими листами Туганова, изделиями народных мастеров. Более того, те коллекции, которые сложились в 60–70-е годы, нередко являлись спасением для многих произведений от гибели, уничтожения, уготовленного им чиновниками и не сведущими в вопросах изобразительного искусства сотрудниками родственными нашему музею структур. Главная заслуга здесь Биазарти Кромвеля.

В экспозиционно-выставочных проектах начиная с 40-х годов и в последующие периоды принимали участие Говоркова Т.А., Коваль Ф.Д., Аникина Л.Ф., Адельберг Е.И., Гуриева Э.Д., Цогоева-Газданова З.Т., Джанаева А.А., Биазарти К.К., Бязрова Л.В., Джанаева Н.А., Кочиева Ю.З., Остаева Т.А., Цопанова Т.Д., Дарчиева З.Д., Гусейнова Н.С., Кочиева Л.Ш., Саутиева Ф.Т. и др.

А за спасение и преобразование музея должно выразить благодарность нашим спонсорам: Георгию Зелымхановичу Кцоеву, директору объединения «Экстракт», за ремонт здания музея и оплату реставрации залов в 2000–2002 годах. И меценату Владимиру Валерьевичу Гуриеву за капитальный ремонт здания в 2019–2020 годах.

Почетный статус

Не удивительно, что «Дом Огановых» в 1995 году приобрел статус памятника истории и культуры федерального значения. Именно пребывание в особняке художественного музея гарантирует архитектурному памятнику сохранность. А самому музею возможность жить и развиваться может дать только выделение дополнительных площади для хранения экспонатов, выставочные пространства для современного искусства (XX–XXI вв.), а все остальное он может добыть своей деятельностью.

Примечания:

¹ Во второй половине – конце XIX века прием использования стилей различных эпох в одной постройке, так называемый «эklekтизм» или, принятый в последних исследованиях, термин «историзм», был популярен, предшествовал модерну или встраивался в него. Один из самых известных примеров тому – жилые покои семьи Николая II в Зимнем дворце, состоявшие из готического кабинета, столовой в стиле рококо, мавританской «курительной» комнатки и т.д.

² Лестница выполнена известным («наивным») художником и резчиком по дереву Хаджумаром Сабановым вместо устаревшей; В новоделе он мастерски воспроизвел балясины ограждения антресоли.

³ Когда пространство особняка занял музей, стены этого зала пришлось затянуть зеленой тканью, чтобы можно было на их фоне экспонировать картины. Для использования стен зала в экспозиционных целях, в дальнейшем решено применять щиты, экраны различного размера и формы, временно закрывающие стены, витрины для декоративно-прикладного искусства.

⁴ И хотя эти панно также, как и вольные копии картин Буше неизвестного автора, не гармонируют с декором всего зала, особенно с графическими заполнениями плафона в стиле чешского художника Альфонса Мухи, композиции Кацияна необходимо сохранить.

⁵ Gindrich Klusacek, 24 февраля 1874 – 6 января 1944, во Владикавказе жил с 1898 по 1920-е годы, учился в Праге, Мюнхене.

⁶ Торговые заведения во Владикавказе до сих пор являют пример правильного, грамотного устройства пространства с точки зрения рекламы, привлекательности для покупателя, клиента. А также и уважительного отношения к пространству бульвара. Здесь, чтобы попасть в торговый зал, нужно просто перешагнуть порог, в крайнем случае, подняться на низенькую ступень. Широкие застекленные окна позволяют проходящим потенциальным клиентам видеть предлагаемые товары, интерьеры.

⁷ Галковский Григорий Моисеевич (1928 – 2004). Родился во Владикавказе. С 21 июня 1941 года жил в Москве, в квартире тети, куда его привезла мать. С 1945 по 1950 годы учился в Автомеханическом институте. Затем 4 года работал инженером на Урале, в Златоусте. В 1954 году – приезд во Владикавказ, работал главным инженером ОЗАТЭ. В 1972 году – вернулся в Москву. С этого года начинает собирать подлинники в антикварных магазинах Москвы и Ленинграда. Часть произведений (Занковского, Зоммера, Кисилева) приобрел у профессора Добровольского.

⁸ Акт № 14. Эриванский Государственный музей изобразительного искусства Армянской ССР, г. Ереван. 12 марта 1943 г.

ИСТОРИЯ

З.Т. Кануков

АЛАНО-ПЕРСИДСКИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

История Алании средних веков является ярким примером политического противостояния между крупными державами Восточной Европы, Ближнего Востока и Малой Азии. Местоположением Аланского государства в этот период являлась территория Центрального Кавказа, горные и предгорные его части. Данный регион всегда был стратегически важным, и борьба за политическое влияние в этих землях всегда была неотъемлемой частью внешней политики не только региональных, но и мировых держав, что было обусловлено геополитическим положением Кавказа. Будучи мостом из Европы в Азию, эта территория располагалась между крупнейшими мировыми державами того времени, являясь, при этом, своеобразной буферной зоной. Исторически, в эпоху раннего средневековья, основными политическими игроками на территории Северного Кавказа являлись Византийская империя, Хазарский каганат, Арабский халифат и Персия.

При осуществлении внешней политики большую роль играли географические данные, описывавшие местоположения стран (а также внутренние описания самих государств), находящихся по соседству или же в зоне дипломатических отношений. До наших дней дошли некоторые документы персидской географии с описанием местоположения стран, расположенных на территории Кавказа, в том числе и Алании. Некоторые из этих документов, относя-

щиеся к периоду арабских завоеваний и активному распространению ислама на Ближнем Востоке и Закавказье, были написаны на арабском языке.

Стоит отметить, что первые предпосылки к появлению географии как науки относятся к эпохе Античности. Географические сведения о соседних землях у древних греков назывались «периодами». Подобная информация, безусловно, была крайне полезной как для торговцев, так и для военных экспедиций, так как помогала ориентироваться на местности. Географические сведения о соседних государствах и других регионах земли были крайне необходимы для реализации геополитических целей. И хотя само понятие «геополитика» появилось лишь в XIX веке в Германии, но ее категории, характеризующие данный термин, имели место быть еще в эпоху зарождения первых цивилизаций. Сама же геополитика характеризует теорию и практику международных отношений, основанных на взаимоувязывании географических, геостратегических, социально-политических, военных, демографических, экономических и других факторов [1, 467 – 468].

До наших дней дошел текст персидской географии под названием «Области мира» (*Ḥudūd al-`ālam*), написанный в X веке неизвестным автором и посвященный иранскому миру и кочевникам Центральной Азии. Он был передан в 1893 г. неким самаркандским бахаитом рус-

скому военному и востоковеду А.Г. Туманскому. Манускрипт представляет собой 39 листов размером 28 на 18 см, содержащих по 23 строки каждый.

Наиболее интересным для нас отрывком является глава «Рассуждение о стране Аллан и ее городах» (*soĥan andar nāhyat-e Allān va šahrhā-ye veu*):

«К востоку и югу от нее находится Сарир, к западу Рум, а к северу море Гурз и хазарские печенеги. Эта страна среди пропастей и гор, и это приятное место. Царь их христианин. У них тысяча больших селений. Среди них есть христиане и идолопоклонники. Часть народа живет в горах, а часть на равнине.

1. Кашак это земля Аллана, расположенная на берегу моря Гурз. Это приятное место, и там имеются торговцы.

2. Хайлан это город, где размещается царское войско.

3. Дар-и Аллан это город, подобный крепости на вершине горы, и каждый день тысяча человек несут поочередно караул на стенах этой крепости» [2].

Из приведенного текста становится ясно, что автор данной рукописи причисляет касогов (черкесов) к аланам. Вероятнее всего, это утверждение ошибочно. Примеров, когда малые народы по ошибке причисляются к более сильным и влиятельным соседям предостаточно даже сегодня, в век информационных технологий. Становится ясно приблизительное местоположение аланского царства – это территории Центрального Кавказа, которые, как уже было отмечено, являлись стратегически важным регионом, в том числе и из-за Дарьяльского прохода, который обеспечивал транспортное сообщение между Кавказом и Закавказьем.

Алания занимала особое место во внешней политике Персии. Аланские племена принимали активное участие в войнах персов с римлянами (византийцами). Но тут следует добавить, что Алания эпохи раннего средневековья не являлась единым государством, а аланы, условно, делились на западных и восточных. При этом, опираясь на различные письменные источники

того времени (например, на работы известного византийского писателя Прокопия Кесарийского, который также являлся и секретарем полководца Велисария), можно предположить, что различные группы алан имели разную политическую ориентацию. Западные Аланы, судя по всему, были ориентированы на византийцев, в то время как восточная часть аланских племен состояла в союзе с персами. Так, например, в своей книге «История войн» Прокопий Кесарийский писал:

«Река Воа вытекает из пределов армян, живущих около Фарангия, недалеко от пределов цанов. Сначала она довольно долго течет направо, будучи неширокой и для кого угодно легко преодолимой, вплоть до того места, где по правую сторону находятся границы Иверии, а прямо – заканчивается Кавказский хребет. Тут живет много различных племен, в том числе аланы и авасги, являющиеся христианами и издревле находящиеся в дружбе с римлянами, затем зихи, а за ними гунны, которые называются савирами» [3].

Прокопий Кесарийский также описывает один из эпизодов противостояния персов с византийцами. Когда в 548 г. персы вознамерились вторгнуться в Лазику, царь лазов Гуваз попросил помощи у римлян. Император Византии Юстиниан отправил на помощь лазам своего полководца Дагисфея:

«Теперь же Гуваз, узнав о походе персов, наказал Дагисфею послать туда кого-нибудь с тем, чтобы они тщательно охраняли ущелье, расположенное ниже реки Фасис, но ни в коем случае не снимая осады до тех пор, пока не захватят и Петру, и находящихся в ней персов. Сам же он со всем войском колхов двинулся к границам Лазии, чтобы всеми своими силами охранять имеющиеся там теснины. Задолго до этого ему удалось заключить союз с аланами и савирами, которые за три кентинария согласились не только вместе с ним охранять от опустошения землю лазов, но и так обезлюдить Иверию, что в дальнейшем персы не смогут двигаться отсюда. Он пообещал, что эти деньги даст василевс. Сам он, сообщив василевсу Юстиниану о

заключенном им договоре, просил его прислать варварам деньги и как-то помочь до крайности разоренным лазам. Он говорил, что и ему самому казна задолжала жалование за десять лет, так как он, причисленный к придворным силенциариям, не получил оттуда ничего с того времени, как Хосров вступил на землю Колхиды. Василевс Юстиниан намеревался исполнить его просьбу, но, занятый в это время другими делами, не успел послать деньги в надлежащее время. Вот что предпринимал Гуваз» [3].

При этом, в аналогичный период, в частности в 541 и 550 гг., некоторые группы аланов выступают уже на стороне персов. В 550 г. персидская армия при поддержке алан также вторгается в Лазику. Персидско-аланское войско в той войне потерпело поражение, а остатки их, как писал Прокопий, бежали в отечественные пределы [4, 234].

Из приведенной выше информации становится ясно о разной политической направленности различных групп аланских племен. А последний упомянутый в статье отрывок из работы Прокопия Кесарийского дает нам понять, что аланы, зачастую, выступали на стороне какой-либо из сторон в качестве наемников за определенную плату. Подобная практика, когда крупные и богатые державы того времени за деньги (или другие блага) использовали военный ресурс соседних государств (в нашем случае аланов) являлась вполне стандартным явлением. К сожалению, частые упоминания об аланах в качестве наемников, скорее всего, говорят об их слабой (по сравнению с другими странами, такими, как Византия и Персия) социальной организованности.

Одним из свидетельств присутствия персов на территории Алании и Кавказа в целом является факт строительства крепости Дарьял в Дарьяльском ущелье персидским царем Исбандийаром б. Биштасфом и крепости Дербент на территории Дагестана. Подобные укрепления служили искусственной защитой от племен Северного Кавказа, которые часто совершали набеги на государства Передней Азии в случае смены политической ориентации.

Данные сооружения помогали персам от-

стаивать на Северном Кавказе и свои экономические интересы. Через Северный Кавказ в Закавказье (и обратно) шли караваны с торговцами, которые по большей части проходили через территорию современной Осетии: Дарьяльский проход (Военно-грузинская дорога), из Стыр Дигории в верховья р. Риони (перевал Гезæвцæг), через Гезæвцæг (также в верховья реки Риони), через Мамисонский перевал (Военно-осетинская дорога) и др. [5]

К числу основных перевалов относятся (с востока – на запад) Дарьяльский проход – Крестовый перевал, Бæхвæндаг, Сыбайы вцæг, Ручъы вцæг, Зикара, Дзедо, Хъæуселтæвцæг, Мамысон, Гезы вцæг. Остальные – второстепенные перевальные тропы. Через эти перевалы осуществлялись военно-торговые предприятия, а также осуществлялся контроль со стороны властных институтов: осуществлялась охрана границ и, вероятно, торговых центров, через которые проходили караваны. Например, в VI-VII вв. сасанидские завоеватели Грузии поставили в ряде населенных пунктов на торговой трассе гарнизоны, причем из местных жителей, надо полагать за плату. Например, в Едысе [6].

Имеются археологические данные, которые могут, в некоторой степени, затрагивать тему торгово-экономических связей Алании и Персии. Так, например, в Едысском раннесредневековом могильнике во время раскопок в период с 1981–1984 гг., помимо различных керамических изделий и предметов украшения, были обнаружены так же и сасанидские монеты [7, 342–343].

После объединения Алании в единое государство с централизованной властью, ее позиции во внешней политике, по имеющейся информации, начали больше носить провинциальный характер. Такой вывод мы можем сделать, например, по имеющимся персидским письменным источникам X века, написанным на арабском языке. В промежутке между 903–913 гг. иранский автор Ибн Руста писал: «Царь аланов (*malik al-Lān*) – христианин в сердце (*sa naṣṣrānī*), но все люди, населяющие его царство – язычники, поклоняющиеся идолам

(wa-`āmmat ahl mamlukathu kuffār ya`budūna al-aṣṇām). Затем проходишь расстояние в десять дней пути среди рек и лесов и достигаешь крепости (qaḻat), называемой «Аланские ворота» (Bāb al-Lān). Она стоит на вершине горы, у подножия которой проходит дорога; крепость окружена высокими горами. Тысячи людей из числа ее обитателей охраняют ее стены днем и ночью. Народ аланов состоит из четырех племен (qaba`il), но благородство и царская власть (al-aṣṣraf wa`lmulk) принадлежат племени, называемому D.ḥsās. Царь аланов называется B.ḡāy.g, имя, которое носят все их цари (ism li-kull min mulk `alaihum)» [2, 342–343].

Опираясь на этот источник, мы можем сделать некоторые выводы. Во-первых, в приведен-

ном отрывке отсутствует какое-либо разделение на западных и восточных аланов, из чего можно предположить, что аланские земли на Центральном Кавказе уже были объединены. Во-вторых, царь Алании упоминается в качестве христианина, что говорит о том, что он, скорее всего, был союзником византийцев, а Алания являлась частью «византийского христианского мира». То есть персы к X веку окончательно утратили свои позиции в Алании. Последнее, во многом, связано с незавидным положением самих же персов во второй половине первого тысячелетия нашей эры, что было обусловлено поражением Сасанидов в войне с римлянами, восстаниями внутри самого государства Сасанидов и неудачах в борьбе с арабскими завоевателями.

Использованные источники и литература:

1. Коновалов В.Н. Политология. Словарь. Ростов-на-Дону, 2010.
2. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.
3. Прокопий Кесарийский. История войн. Война с персами. Книга 2. Глава XXIX.1993.
4. История Осетии. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. Владикавказ, 2012. Том 1.
5. Пчелина Е.Г. Крепость «Жилде машип» // Советская этнография. 1934. № 3.
6. Дзаттиаты Р.Г. Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дистанций на Северном Кавказе: Материалы Международной научной конференции. Ставрополь, 2016.
7. Дзаттиаты Р.Г. Элитные погребения Едысского могильника // Сборник Международной научной конференции ЮОГУ по алановедению. Цхинвал, 2015.

БЕСЛАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС РАННЕАЛАНСКОЙ ЭПОХИ

Этногенез осетинского народа уходит корнями в глубокое прошлое и связан с древним населением степей сарматской эпохи. Важным этапом истории предков современных осетин является освоение носителями ранне- и среднесарматской археологических культур равнинной части Северного Кавказа в последних веках до н. э. – I в. н. э. Именно в это время на территории равнин и предгорий северокавказского региона распространяются археологические памятники, которые могут рассматриваться в качестве основы при сложении во II в. н. э. аланской археологической культуры. Для понимания истории алан – предков осетин – особенно важен период II – IV вв. н. э., когда на равнинной части центральных и восточных районов Северного Кавказа возникает большое количество (в том числе крупных) городищ со сложной структурой, высокой плотностью их расположения и связанных с ними значительных по площади курганных катакомбных могильников. Данный культурный феномен не имеет аналогий в регионе, ни в предшествовавшее время, ни позднее. Этот период можно назвать, с одной стороны, героическим периодом истории алан Северного Кавказа, с другой – «эпохой обретения родины» для осетинского народа. Одним из таких памятников этого времени, демонстрирующих величие аланской культуры Северного Кавказа, является археологический комплекс, включающий древний город (Зилгин-

ское городище) и его некрополь (Бесланский могильник).

Бесланский подкурганый катакомбный могильник аланской культуры находится на северо-восточной окраине г. Беслана. Памятник оставлен населением Зилгинского городища, одним из крупнейших городищ аланской культуры Северного Кавказа раннего этапа. Некрополь расположен к востоку от Зилгинского городища на древней речной трассе, сложенной из глины (мощностью до 10 м), и занимает площадь около 700 га. Курганные насыпи в значительной степени уничтожены распашкой. На могильнике имеются значительные по размерам курганы высотой до 7 м.

С 1988 г. на памятнике проводятся охранно-спасательные археологические раскопки Бесланским отрядом, возглавляемым Дзуцевым Ф.С., Института истории и археологии РСО-Алания. Охранно-спасательный аспект работ связан с тем, что на территории могильника находится карьер, обслуживающий два кирпичных завода, что требует ежегодно освобождать для них от археологических памятников площадь около 1 га.

Погребальные сооружения представляют катакомбы: входные ямы прямоугольной или трапециевидной в плане (глубиной от 1 до 10 м), как правило со ступеньками у задних стенок и входом в камеру в северной стенке, ориентированы меридионально. Камеры овальной или

прямоугольной в плане формы со сводом, понижающимся от входа к передней стенке или вынесенным вверх (стрельчатой или купольной формы). Дно входной ямы переходит в дно камеры через ступеньку. Вокруг подкурганых катакомб фиксируются ровики кольцевой формы с двумя меридионально расположенными перемычками в соответствии с ориентировкой входных ям. Изредка встречаются рвы прямоугольной формы с аналогично расположенными перемычками. Грунт из ровиков использовался для создания насыпей, что объясняет незначительную высоту большинства курганов. Бескурганные катакомбы не имели ровиков и были расположены между курганами.

Большая часть погребений (подкурганные катакомбы) ограблена в древности. В катакомбах совершались одноразовые, чаще индивидуальные, захоронения; значительно реже встречаются погребения двух или трех человек. Погребенные, как правило, ориентированы головой на восточный сектор. Изредка на дне камеры устраивалось возвышение под голову погребенного. В ряде катакомб дно камеры посыпано древесным углем.

В погребениях, несмотря на ограбление, встречено значительное количество инвентаря; безынвентарные погребения редки. Можно отметить присутствие керамических сосудов (миски, кружки, кувшинчики, кувшины, корчаги и горшки), железных (мечи и кинжалы, уздечные наборы, ременная гарнитура, ножи, шилья, фибулы и др.), бронзовых (фибулы, ременная гарнитура, зеркала, кольца, бляшки и др.), серебряных (фибулы, ременная гарнитура, украшения и др.) и золотых предметов (бляшки, бусы, подвески, серьги, браслеты, конские украшения, детали парадной конской сбруи), а также многообразие стеклянных, каменных и фаянсовых бус и подвесок.

В общей сложности на сегодняшний день исследовано более 800 погребальных комплексов аланской культуры II – V вв. н. э., а также около 20 захоронений поздне-катакомбной культуры, комплекс раннескифского времени и около 10 погребений II в. до н. э. – I в. н. э.

В предлагаемой работе были исследованы и введены в научный оборот три комплекса парадной конской сбруи (курганы № 150, 186 и вещи из разрушенного погребения) с опорного памятника аланской культуры Северного Кавказа. В данных комплексах представлены артефакты, относящиеся к парадному снаряжению боевого коня. Конь, как известно, занимал очень важное место в аланском мире, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и археологические материалы. Конь сопровождал аланского воина-всадника как при жизни, так и в загробном мире. Обряд посвящения коня всаднику у осетин (бæхфæлдисын) уходит корнями в древнюю индоевропейскую эпоху.

Находившиеся около двух тысячелетий в земле и возвращенные Осетии как яркое свидетельство ее древней культуры сбруйные наборы изготовлены с использованием золота и серебра. Обращает на себя внимание необычайно широкое применение драгоценных металлов для украшения коня. В частности, в комплекс кургана № 150 входят 5 больших фаларов, 36 накладок прямоугольной формы и ряд других ювелирных изделий. Еще больше впечатляет высокий уровень изобразительного искусства аланских мастеров, работавших над нарядом коня богатого аристократа. Фалары, накладки, подвески и колокольчики крепились к кожаным ремням и составляли полную парадную сбрую. Их художественный стиль, динамичность, экспрессия, смысловая нагрузка, мастерство исполнения поражают и наводят на серьезные размышления.

Что мог бы без труда отметить специалист-археолог, историк, искусствовед – это принадлежность по стилю, манере изображения и тончайшей ювелирной работе публикуемых предметов к шедеврам скифского и сарматского искусства. В случае с парадными сбруйными наборами поиски различий между аланским и скифским изобразительным искусством сводятся к большей стилизованности аланских предметов. В остальном сходство двух художественных традиций столь велико, что они могут рассматриваться в рамках проявлений близкой идеологии. Важно и другое. Найденным на могильнике Зил-

гинского городища произведениям искусства присуща необычайная изощренность, свидетельствующая о близости произведений аланских мастеров традициям Кобанской культуры. Видимо, столь древние корни культурной эволюции могли обеспечить аланскому искусству тот высокий уровень художественного мышления, которым обладали мастера из безымянного аланского города первых веков н. э.

Отдельно стоит остановиться на обстоятельствах находки комплекса из тайника кургана № 150, в котором была обнаружена парадная конская сбруя. По странному стечению обстоятельств, почти всегда заключительный комплекс в сезоне преподносит сюрпризы. Катакомба кургана № 150 в 1997 г. была последней. Это уже было глубокой осенью. После расчистки погребения, как положено по методике, в довольно глубокую входную яму катакомбы залез чертеж-

ник для фиксации. Поскольку конструкция катакомбы была сложная, чертежник потратил на ее фиксацию довольно много времени. Примерно в 16 часов он завершил работу. Мы с удивлением переглянулись между собой, имея в виду, что в это раз обходится без сюрприза. И тут чертежник Виталий Гергиев сообщил нам, что во входной яме, ближе ко дну последняя ступенька частично не докопана. Я попросил сотрудника это проверить. И действительно, зачищая указанное место, он обнаружил хорошо замаскированный тайник, представляющий собой глубокое отверстие, в котором были обнаружены предметы парадной конской сбруи. Далее необходимо было закончить работу по фиксации формы камеры и находок в ней. С наступлением темноты мы уже добрались до базы. Приняли решение доставить находки в Институт истории и археологии.

Реконструкция парадного конского снаряжения III в. н. э. аланского коня

На рис. 1 представлен вариант реконструкции парадного конского снаряжения из кургана № 150, выполненный одним из авторов. Остановимся на этом несколько подробнее.

На груди лошади были расположены четыре крупных фалара, декорированных рельефными изображениями четырех фантастических хищных животных с оскаленной пастью, двигающихся против часовой стрелки (рис. 2). В центре композиции расположен свернувшийся в кольцо дракон (?). Фалары чередуются с 12-ю прямоугольными накладками, на которых изображен крылатый фантастический зверь с оскаленной пастью. Вдоль крупа располагался ремень, украшенный 16-ю прямоугольными накладками с изображением бегущего псового хищника с оскаленной пастью.

Ремень с изображением на накладках псовых хищников был соединен над крупом поперек с еще одним ремнем, декорированным 8-ю крупными накладками, расположенными вплотную друг к другу, с изображением грифона с оскаленной пастью (рис. 3).

На месте соединения двух ремней находились две серебряные накладки с рельефными изображениями четырех золотых ежей на каждой, к которым прикреплены серебряные

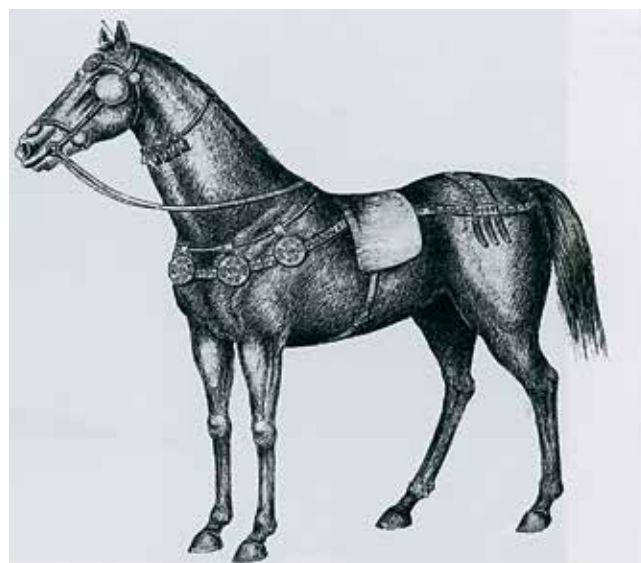

Рис. 1. Бесланский могильник. Реконструкция парадного конского снаряжения III в. н. э. (по материалам кургана № 150).

Рис. 2. Бесланский могильник. Курган № 150. Погребальный инвентарь.
Сбруйный набор из тайника: бронзовые фалары, плакированные золотой фольгой.

Рис. 3. Бесланский могильник. Курган № 150. Погребальный инвентарь.
Сбруйный набор из тайника: бронзовые накладки, плакированные золотой фольгой.

Рис. 4. Бесланский могильник. Курган № 150. Погребальный инвентарь.
Сбруйный набор из тайника: изображения ежей – из золотой фольги на бронзовой основе.

Рис. 5. Бесланский могильник. Курган № 150. Погребальный инвентарь.

Сбруйный набор из тайника: 1 – серебряные подвески; 2 – серебряные бусы; 3 – серебряные пряжки; 4 – серебряные наконечники-подвески; 5 – серебряный нащечник; 6 – серебряные бляхи-подвески.

подвески (рис. 4). Оголовье было украшено серебряными накладками и подвесками круглой формы. На лбу лошади находился крупный золотой фалар с рельефным изображением фантастических животных. В центре его – стилизованный, свернувшийся в кольцо дракон (?), вокруг которого, против часовой стрелки, расположены псовые хищники с оскаленной пастью.

Два крупных серебряных нащечника крепились к ремням в районе глаз лошади и, возможно, выполняли функцию шор (рис. 5). Шею лошади украшал ремень с серебряными бусами, чередующимися с подвесками усеченно-пирамидальной формы. Там же были расположены три золотых наконечника ремней со стеклянными вставками.

ПОГРЕБЕНИЕ САРМАТСКОГО ВОИНА В КУРТАТСКОМ КУРГАНЕ (II – I вв. до н. э.)

В процессе строительных работ в июле 1976 г. на территории второй тракторной бригады колхоза им. Ленина Пригородного района Северо-Осетинской АССР была снесена часть древнего кургана, расположенного в 2 – 2,5 км к северу от с. Куртат. Ко времени нашего приезда на место разрушенного памятника работы были закончены, а строительная площадка полностью забетонирована. В результате опроса рабочих мы выяснили, что курган представлял земляную насыпь, покрытую тонким слоем камней и затянутую дерном.

Высота кургана достигала 1,45 м, диаметр – около 20 м. в центре его, на глубине 1,20 м от древней поверхности строителями было выявлено погребение, вытянутое, в прямоугольной яме. Погребенный был ориентирован головой на восток. Под костяком отмечены остатки подстилки растительного происхождения, возможно камышовой. Следует учесть, что древнее русло р. Камбилеевки находилось поблизости от исследуемого памятника, и можно предположить, что камыш произрастал в пойме реки.

Характер трупоположения остается невыясненным, а кости погребенного были перезахоронены в другом месте строителями. По словам рабочих, в насыпи кургана, на уровне древней поверхности выявлен череп коня [1, 79 – 89, 101]. К сожалению, к нашему приезду он не сохранился. При осмотре был зафиксирован фрагмент прикипевшего трехгранного наконечника

стрелы (рис.1). Длина его без черенка – 2,5 см, ширина – 1 см.

Второй наконечник стрелы, зафиксированный в погребении, утрачен рабочими при перезахоронении костяка. По мнению М.П. Абрамовой, аналогичные трехлопастные черешковые стрелы появляются со II в. до н. э. [2, 62].

В погребении найдены также железные удила. Они, несомненно, связаны с погребением коня и представлены двумя хорошо сохранившимися образцами. Первый тип удила имеет псалии с четырехугольными отверстиями и расплюснутыми концами (рис. 2). Вторым типом удила представлен крестообразными псалиями на концах с округлыми выступами (рис. 3). Ближайшие аналогии этим образцам находим в памятниках, происходящих с исторической территории расселения сарматских племен. Так, псалии с прямоугольными отверстиями и расплюснутым концом известны из Антиповского клада Воронежской области. Н.Н. Гущина датирует этот клад на основании материалов из двух курганов близ Зубовского хутора Прикубанья концом I в. до н. э. [3, 246]. Форма керамики и остальной инвентарь из раскопок Е.К. Думберга обнаруживают явно сарматский характер, и они могут быть датированы II – I вв. до н. э. [4, 98]. Ближайшую аналогию удилам с крестообразными псалиями находим в сарматских памятниках Северного Кавказа и, в частности, Северной Осетии.

Этот тип удила известен из погребения № 28 у станицы Усть-Лабинской и датируется III – II вв. до н. э. [5, 184].

В экспозиции Национального музея РСО-Алания хранятся удила того же типа. Единственным отличием удила из Национального музея и из описываемого погребения является то, что приплюснутый выступ у первых находится в конце, а у вторых – в центре (рис. 3). К сожалению, место находки удила из экспозиции музея определить не удалось. Известно только, что они с территории Северной Осетии. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что в Куртатском кургане находилось погребение сарматского воина. Датировать его, по всей вероятности, можно II – I вв. до н. э.

Думается, что данная датировка не противоречит исторической действительности. Роль верхового коня в быту сарматов была весьма значительна. Так, древнегреческий писатель и географ II века Павсаний пишет: «Лошадьми они пользуются не только на войне, но также приносят их в жертву своим местным богам и иногда употребляют в пищу» [6]. Об этом же мы находим сведения в «Географии» античного историка и географа Римской Греции Страбона. «Особенностью всего скифского и сарматского племени является обычай выхолощивать своих лошадей, чтобы сделать их более сми-

ными. Действительно, хотя их лошади и малорослы, но весьма ретивы и непослушны» [7, 285].

Несмотря на свой маленький рост, сарматские кони были известны своей выносливостью и быстротой. Так, древнеримский историк Аммиан Марцеллин сообщает о сарматах: «Они проезжают огромные пространства, когда преследуют неприятеля, или бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый ведет еще в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы, пересаживаясь с одной на другую, сохранить силы коней, и давая отдых, восстанавливать их бодрость» [8].

Описывая тактику и вооружение сарматов, Аммиан Марцеллин отмечал: «У этих племен больше сноровки для разбоя, чем для открытой войны, они вооружены длинными пиками, носят панцири из нарезанных и выглаженных кусочков рога, нашитых наподобие перьев на льняные одеяния ... лошади у них по большей части выхолощены, чтобы не бросались при виде кобыл, и, когда приходится засесть в засаду, не бесились, выдавая ездовых усиленным ржанием» [9, 12].

Судя по немногочисленным археологическим данным и достаточно ярко описанному быту и нравам кочевых сарматских племен, можно сделать вывод, что погребенный в Куртатском кургане сарматский воин был убит во время одного из набегов вышеуказанными стрела-

Удила конские. Сарматская культура. Железо. II – I вв. до н. э.

Коллекция национального музея РСО-Алания.

ми. Тогда обнаруженные наконечники стрел не являются успокойными приношениями.

Положение наконечника стрелы на обломке ребра убитого (под углом) позволяет предположить, что последний был пеший, а преследовавший был на коне. Лишь в этом случае стрелы могли поразить человека сверху вниз, правее срединной сагиттальной плоскости.

Вполне вероятно, что всадник настиг свою жертву, смертельно ранил его в затылок, а когда раненый потерял сознание или равновесие и отклонился назад, добил его второй стрелой, скользнувшей между ребер и оставшейся на внутренней стороне одного из них.

Нет никаких сомнений, что убитый не был облачен в доспех, иначе остатки последнего сохранились бы в погребении. Ограниченность конкретных данных из исследуемого кургана не дает возможности судить о том, между представителями каких сарматских племен произошло столкновение, окончившееся для одного из них столь трагично. Не исключено, что убитый принадлежал к оседлым (или оседающим на земле сарматам). Во всяком случае, письменные и археологические данные говорят о том, что, начиная с конца II в. до н. э., сарматы уже переходят к оседлому образу жизни. Одновременно с этим процессом на Северном Кавказе и тер-

ритории Северной Осетии появляются сарматские поселения.

Доказательством может служить городище, находящееся в 2 – 3 км к северу от села Куртат, где встречаются обломки аланской керамики на поверхности; культурный слой этого городища в отдельных местах доходит до одного метра и более. На раннем этапе это городище могло быть обитаемо сарматами. «Спускаясь к предгорьям, – читаем у Страбона, – попадаем в область, расположенную севернее, но с более мягким климатом. Дело в том, что эта область прилегает к равнинам сираков» [10, 479].

Переход к оседлости у сарматов был весьма длительным и носил спорадический характер. Именно об этом процессе сообщает тот же автор: «при таком географическом положении первую часть (от северных стран и океана) населяют некоторые скифы-кочевники, живущие в кибитках, а еще дальше от них, в глубь страны – сарматы, также скифы, аорсы, сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор: они частью живут в шатрах и занимаются земледелием» [10, 468].

По всей вероятности, наши предположения о возможной стычке оседлых и кочевых сарматов имеют под собой реальную основу, а погребение в Куртатском кургане лишь наглядно иллюстрирует его.

Использованные источники и литература:

1. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.
2. Абрамова М.П. Сарматская культура II в. до н. э. – I в. н. э. по материалам Нижнего Поволжья. Суловский этап. – СА, 1961, № 2.
3. Гушина Н.Н. Случайная находка в Воронежской области. СА, 1961, № 2.
4. Думберг Е.К. Раскопки курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. НАК. Вып.1, 1901.
5. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинск. МИА, № 23. М.–Л., 1951.
6. Павсаний. Описание Эллады. 1, 21, 5.
7. Страбон. География. М., 1964, VII, IV.
8. Аммиан Марцеллин. История. XVII.
9. Ванев З.Н. исторические известия об аланах-оссах. Сталинир, 1941.
10. Страбон. География. М., 1964, XI, гл. V.

К ИСТОРИИ ПШАЛТÆ-БЫЦЕНТÆ

Вопросы материальной и духовной культуры населения Западного Кавказа в контексте погребального обряда и погребальных памятников представляются весьма актуальными и важными при изучении древней и средневековой истории. Очевидно, в ряду источников по данной проблеме в виде погребальных комплексов, особое место следует отводить памятникам устного народного творчества и, прежде всего, нартовскому эпосу.

Как известно, тексты сказаний дают красочное описание жизни и деяниям множества племён, с которыми дружили или враждовали наши эпические герои. В данной работе мы хотим обратиться к материалам, связанным с одним из самых интересных и загадочных этносов, о котором говорится в Нартиаде кавказских народов.

Яркое и реалистическое описание духовной и материальной культуры испов во множестве фольклорных памятников и утверждение причастности карликов к строительству дольменов в разных концах земного шара, не оставляет сомнений не только в историчности ацанов, но и возможности определения их этнического лица. Это, в свою очередь, позволяет считать наше исследование вполне обоснованным и перспективным.

В обществе эпических племён испов характеризуют как чрезвычайно вспыльчивых – «хæд-маст Пшалтæ» [1, 15; 2, 5; 3, 60; 4, 133]. Кроме того, во всех нартовских сказаниях особо под-

чёркивается низкий рост представителей племени [5, 397; 4, 131; 6, 250; 7, 96; 8, 94; 9, 41; 3, 61; 2, 61,62; 10, 278].

Для обозначения карликов применяются самые различные этнонимы. Из них наиболее часто используются испы-Пшалтæ [3, 61; 1, 15; 7, 96; 2, 5] и ацаны-Быцентæ [2, 9,14,19,22,36,38; 3, 60; 4, 131,237; 7, 94]. В отличие от остальных существующих фольклорных текстов народов Северного Кавказа, в осетинских сказаниях фиксируется ещё целый ряд других наименований сородичей матери нартовского Батырадза. Так, например, Камбадатæ [2, 27,31], Донбеттыртæ [2, 42], Дзанкатаæ [2, 47], Сыбыдтæ [2, 59], Дзестæ [2, 60], Дзабелатæ [2, 70] и др.

Особый интерес для нас могут представлять также те тексты Нартиады, в которых карлики Камбадатæ [2, 27] обозначены в ряду сотворённых Великим Богом племён четвёртыми. По абхазской же версии – ацаны первыми обитали на земле [7, 94].

За исключением нескольких сказаний все тексты нартовского эпоса, в которых упоминаются «низкорослые», указывают на их оседлый образ жизни. В этом русле необходимо рассматривать информацию фольклорных памятников по экономике и материальной культуре испов-Пшалтæ. Наиболее яркое описание хозяйственных занятий племени карликов дают абхазские тексты. Ацаны пасут стада коз [4, 235]. Определённую роль в их жизни играла охота

[2, 36,8]. Обитают они в горах и предгорьях, на лесных полянах. По одним текстам карлики живут в землянках, под землёй, в жилых холмах [2, 19,34,42,57], а по другим – у Быцентае большие горские дома [2, 65]. Ацаны абхазских текстов живут в горной местности. У них сто каменных домов [4, 148]. Они не только свои дома строили из камня, но и обносили их прочными каменными оградами [4, 132–235; 3, 60]. В отличие от кавказских испов, германские цверги живут на полях Мрака, в одном доме [9, 41].

По представлениям черкесов карлики построили дольмены и жили в них [7, 96]. Как известно строители дольменов избегали возводить свои постройки в степной части Западного Кавказа, и вне пределов гор и лесов предпочитали не селиться [11, 318]. О дольменах Индии также сохранилось общеизвестное предание о том, что они служили жилищами для карликов [10, 278]. Эти утверждения фольклорных памятников о связи «низкорослых» с дольменами представляются чрезвычайно важными при рассмотрении вопросов истории и культуры испов и в определённой степени могут служить основанием для выяснения территории их расселения в древности и средневековье. Одновременно такое видение вопросов происхождения и истории племени карликов предполагает соединение их со всей проблематикой научного исследования дольменной культуры Западного Кавказа.

Можно уже считать доказанным сам факт создания этих мегалитических строений протоабхазскими племенами, известными в источниках как апшилы-абешла, родственные испанским баскам [7, 80; 11, 324]. Как известно, по преданиям черкесов, эти дома карликов (СПЭ-уне) снабжены отверстиями для того, чтобы испы, которым они приписывают их строительство, могли проникнуть внутрь верхом на зайце [7, 96].

Однако, как это нам представляется, до рассмотрения вопроса о времени и месте возникновения дольменной традиции захоронений и архитектуры этих сооружений, появлении дольменников на территории Западного Кавказа,

необходимо уточнить этнокультурную ситуацию в регионе. Едва ли у кого-то может вызывать сомнения сам факт наличия энеолитического населения на территории Черноморского побережья Абхазии, но оно, очевидно, очень быстро слилось со строителями дольменов [12, 43]. Под таковыми предшественниками испов исследователи предполагают носителей традиций дарквети-мешоковской культуры, памятники которой занимали большую часть Западного Кавказа – приблизительно от Новороссийска до Кавминвод к северу от Главного Кавказского хребта, горную и прибрежную зоны Причерноморья до Лихского хребта, включая часть Абхазии, Мегрелии и Имеретии. Памятники этой культуры представляют разновидность традиций, характерных для восточноанатолийских памятников конца эпохи раннего – начала позднего халколита.

На втором этапе развития территория дарквети-мешоковской культуры сокращается за счёт распространения в подгорной зоне Северного Кавказа памятников майкопской культуры. Можно говорить об их синхронном существовании. Бытование Дарквети-Мешоко прекращается с появлением на Западном Кавказе дольменной культуры и памятников типа Очамчирского поселения [13, 193]. В свою очередь, уже с первых шагов по кавказской земле строители дольменов попали под воздействие носителей традиций майкопской культуры [11, 318].

Исследователи предполагают иберо-картвельскую атрибуцию для дарквети-мешоковской культуры, во всяком случае – для её южной части [14, 123]. Это, в свою очередь, требует отведения роли субстрата картвельскому этносу для племён абешла-апшилов. Такое видение на уровне имеющихся в современном кавказоведении разработок по этногенетической истории абхазо-адыгейцев маловероятно. Более обоснованным представляется определение некоего протоадыгейского начала для дарквети-мешоковских племён.

Считается, что наиболее ранние дольмены находятся в Португалии и сооружались они в 4000-3500 гг. до н. э. [7, 76]. При этом памятники Волынской возвышенности, по мнению учёных,

совершенно отличаются от западнокавказских сооружений. Они содержат инвентарь, связанный с культурой шаровидных амфор и генетически могут восходить к мегалитам северонемецких земель [11, 311]. Наибольшее сходство с западнокавказскими дольменами удаётся обнаружить в сооружениях стран средиземноморского побережья, включая памятники, расположенные на территории Западного Причерноморья, а на востоке – среди дольменных построек Деканского полуострова [11, 313].

В конце V тыс. до н. э. в Палестине сформировалась гхассульская культура, оказавшая значительное влияние на цивилизации последующего тысячелетия. В её погребальных сооружениях фиксируются дольмены и каменные ящики. Керамика носит следы северных влияний. Скупая роспись напоминает изделия Убейда и некоторые мотивы на глиняных сосудах из юго-восточной части Малой Азии [15, 149–150].

На большей части территории распространения культуру Гхассул-Беершево в IV тыс. до н. э. сменяет первая городская культура Палестины – Эдрелон. Эдрелонцы почти не проникают на юг далее широты Иерихона, Южная Иудея и Негев. Погребения новой культуры совершаются в искусственных или естественных пещерах. Количество погребённых в одной пещере достигает более ста. Ещё более разительны различия между гхассульцами и эдрелонцами в антропологическом отношении. Если первые – брахицефалы, относимые к арменоидной или анатolianской расе, то вторые – средиземноморцы, долихоцефалы протосредиземноморского или евроафриканского типа. Смена культуры происходит здесь со сменой антропологического типа оставившего их населения. Север сирийской пустыни считается возможным центром, откуда эдрелонцы распространились в Палестину и Северную Анатолию [16, 97] и вынудили гхассульцев покинуть свою родину. Закономерен вопрос об отношении этих племён к древним этнообразованиям Западного Кавказа.

Как известно, самые ранние западнокавказские дольмены восходят к XXVIII–XXVII вв. до н. э. и расположены в Абхазии. Последний же период

в заполнении дольменов приходится на период VIII–VII вв. до н. э., когда в них появляются «впускные захоронения» с инвентарём кобанского типа [12, 16]. Последнее весьма символично и указывает если не на полное слияние испов с предками осетин, освоившими территорию Верхнего Прикубанья ещё в начале эпохи ранней бронзы, то уж как минимум их культурного схождения и включения, тем не менее, какой-то части испов в состав древнеосетинских племён региона.

Таким образом, дольменники представляют собой значительный массив племён, строения которых разбросаны на огромных пространствах от Португалии до Деканского полуострова, от Германии до Палестины. В северных районах Германии и Польши, а также в Южной Скандинавии первые земледельческо-скотоводческие общины входили в культуру воронковидных кубков второй половины IV – первой половины III тыс. до н. э. [17, 287].

С появлением КВК на севере Европы – в Дании и Южной Швеции утверждается производящее хозяйство и в этих районах. Дольмен и кубок считают археологическим выражением этноса, принёсшего земледелие на север. В качестве «ядра» культуры воронковидных кубков учёные видят чешскую подгруппу. Это исходная территория КВК до расширения и теории происхождения её не просто указывают на древнейшую группу в Чехословакии, но и на связь с лендьельской культурой. В свою очередь, происхождение культуры Лендьел, по мнению ряда учёных, связано с железовской культурой – результата переоформления остатков распавшейся общности КЛЛК на территории Венгрии и Словакии [18, 62–64]. В центральной части КЛЛК, как продолжение её, формируются культуры накольчатой керамики и лендьельская (внутри восточной части накольчатой) [19, 147].

Среди энеолитических культур Средней Европы несколько особняком стоит культура шаровидных амфор, в которой сочетаются и северные, и южные элементы. Погребения совершались под курганами в мегалитических цистах или грунтовых могилах. Многие учёные склоня-

ются к предположению, что КША явилась следующим этапом в развитии восточной группы памятников КВК. В дальнейшем, в ряде районов Европы КША сменилась КШК [20, 278–279]. Очевидно, как это представляется ряду учёных, проблема исчезновения КВК связана с проблемой развития КША, одним из основных компонентов которой и явилась указанная культура [21, 262]. Географически КША покрывала почти всю прародину славян. На севере она охватывает всё южное побережье Балтийского моря. С запада на восток это земли от Лейпцига до Киева [19, 149–150].

Вопрос об этническом родстве или чужеродности создателей дольменов Западного Кавказа и КВК уже давно рассматривается учёными и требует привлечения новых источников. Именно в этой роли, например, могут использоваться тексты Нартиады. Непосредственное размещение первоначального ядра культуры воронковидных кубков в Чехии и общеизвестную на Северном Кавказе и в Абхазии связь племён низкорослых с дольменами заставляет вспомнить многократно упоминаемого в осетинской Нартиаде карлика по имени Чех (Дзех), живущего то ли возле моря, то ли в самой морской пучине.

Собственно племена карликов-козопасов известны всем народам Северного Кавказа и Абхазии как создатели дольменной культуры испы-филистимляне, живущие в каменных домах [22, 143–144]. Территория, занятая «дольменовидными гробницами», близка землям абазин – племени *тъæпæнтæ* (Тъæпæнтæ – земля абазин) [12, 50]. По мнению ряда учёных, абазиньки уже с VIII–IX вв. н. э. начали своё проникновение в Закубанье [23, 327]. В данной связи следует отметить, что имя племени *тъæпæнтæ* хорошо переводится с осетинского как «низкорослые», «приземистые». Очевидно, абазиньки, как часть абхазцев, переместившись на территорию дольменников в период средневековья, ассимилировали остатки племени карликов и уже на них, соответственно, осетинами было перенесено имя *тъæпæнтæ*.

Здесь, как это нам представляется, необходимо обратиться к образу главной представи-

тельницы Пшалтæ-Быцентæ. Великой богиней племени карликов оказывается покровительница охотников и хозяйка зверей Лада-Лето-Латона. Она же известна как мать кавказского Прометея – Амирана, нартовского Батырадза, греческих Аполлона и Артемиды и т.д. Её образ выводит нас на целый цикл охотничьих мифов, вплетённых в десяток эпосов мира, в которых она со своим племенем противостоит данам-дарданам (Даредзанам-Дордзукам), восходящим этнически к титанам-тинтæ (Тинетам) [24, 146; 22, 143]. Важным, в данном случае, оказывается тождество нашей героини и грузинской богини охоты и зверей [25, 45; 6, 250]. В абхазских текстах даётся вариант её имени в виде Зылха [3, 60; 4, 132].

Как известно, в эпосе Амираниани именно встреча охотника с Дали предшествует рождению героя прометеевского цикла [20, 76]. Имя же богини непосредственно ведёт нас к текстам Ветхого Завета. Во всех сказаниях и мифах в роли супруга и возлюбленного богини с удивительным постоянством оказывается слепой или ослеплённый врагами герой Хныс–Анхыз–Дхритараштра–Самсон (Шамаш). К ним примыкают охотники Хамыц и Беткил (Меписа). Герой встречает свою будущую супругу или возлюбленную во время охоты в лесу, либо встречает её брата и тот отдаёт за него сестру.

Лесную дриаду берёт себе в жёны иранский Кави-Каус, и она родит ему героя Савра-Сявара (Сиявуша). Появление на свет героя, как и в кавказских версиях, стоило жизни его матери [20, 76; 26, 87]. Известно ослепление Кави-Кауса дэвами [27, 270]. Полное соответствие имён и образов нартовского Хамыца и его супруги с библейскими Самсоном и Далилой, а также тождество сюжетов, связанных с этими персонажами, предполагают рассмотрение вопроса единства племён, к которым они принадлежат: испов-Пшалтæ и пелешет-филистимлян. Это, в свою очередь, позволяет расширить зону почитания Лады-Лето-Латоны по Б.А. Рыбакову [19, 416] и добавить к землям протобалтославян, крито-микенцев, латинян и других индоевропейцев, территорию ариев, Кавказ и Переднюю

Азию (Палестину). В данном случае, особое звучание обретает соответствие между балтославянским Диди-Ладус (Великая Лада) и грузинским Диди-Дали (Великая Лада).

Следовательно, для утверждения этнической связи между гхассульцами и дольменниками Западного Кавказа у нас появляется определённое основание. Скорее всего, в их лице мы имеем некий этнический массив, своего рода доиндоевропейский субстрат, который занимал в Старом Свете значительные пространства и являлся носителем мифозэпических знаний о богине Дали-Ладе-Латоне. Остаётся вопрос об отношении этих племён к Трояде. Даже при учёте относительно позднего сооружения дольменов на этой территории, представляется вполне обоснованной не только причастность испов к строительству Трои I, но и освоению земель Элады уже, как минимум, в неолите. Догреческим населением здесь, как известно, являются племена пелазгов [19, 364; 28, 162]. Такой вывод противоречит мнению Б.А. Рыбакова о возникновении образов Лады и её детей у гипербореев, а у пелазгов – Деметры и Персефоны (Коры) [19, 364]. Перед нами персонажи двух разных мифов – охотничьего и земледельческого. Их зарождение и формирование должно было проходить и у одного племени, но в разные эпохи. Мегалиты КVK Польши и Чехии позволяют говорить об обитании здесь испов-пелешет. Следовательно, сложение культа Лето можно предполагать, в том числе, и у пелазгических племён, населявших Крит. К ним возводят исследователи и героический образ Ахилла [29, 13], арийского Арæхдзау-Арджуну [22, 145].

На территории Палестины филистимляне-пелазги выделяются, обычно, в эпоху нашествий «народов моря». При этом они предстают истыми критянами [16, 136]. Одновременно, древнеассирийские письменные источники чётко фиксируют пребывание в Митанни племён «абешла-кашков» в конце XIII в. до н. э. Современные учёные вполне обосновано сопоставляют данный этноним с наименованием апшилов-абхазцев [29, 76]. О связи испов и филистимлян говорят и совместные с индоарийцами-сирданами

Митанни походы пелешет в составе «народов моря» этого же времени. Воины их отличаются в своём одеянии только шлемами: с перьями – у филистимлян и с рогами быков – у сирданов [30, 90].

Вместе с индоарийцами-сирданами племена абешла-испов и филистимлян-пелазгов демонстрируют свою связь с Митанни. Данный термин служит не только для наименования государства, но и для обозначения племён в него входящих. Следовательно, абешла и филистимляне могут обозначаться как митанны (индоар. битанны-Быцентæ) и, конечно же, здесь закономерно обращение к племенам меотийцев [31, 37], в числе которых, вместе с другими предками абхазо-адыгейцев, пребывали и дольменники испов-Пшалтæ. Именно этим, как нам представляется, было обусловлено двойное наименование племён карликов в памятниках фольклора наших предков.

Имя митаннов хорошо представлено в этнокультурной истории древней Средней Азии. Речь идёт о реликтовой этнографической группе «Митан», связанной единством ранних этапов этногенеза каракалпаков-мюитенов Хорезма и узбеков-митанов долины Зеравшана. Многочисленные параллели в фольклоре мюитенов-митанов и в нартовском эпосе делают закономерным и вполне обоснованным обращение к их этноистории. В роли родоначальницы племени называется Ак-Шолпан (Белая Венера) [32, 151]. Древнейшие исходные корни этой группы ведут на юг и юго-запад [32, 144].

Горы Кап-тау (Кавказ) называют мюитены-митаны местом обитания предков и своего пра-родителя [32, 148]. В преданиях южных башкир, включая усерганов, считающих своим предком-родоначальником Мюитен-бия, Средняя Азия и Приаралье фигурируют как древние места поселений их предков [32, 160]. Однако, как это нам представляется, не Кавказ и Средняя Азия, а древний Иран может быть означен как первоначальная территория формирования и обитания ацанов-Пшалтæ. Об этом, в определённой степени, говорят два факта. Все тексты нартовского эпоса так или иначе указывают на

пастьбу коз ацанами, как их основное хозяйственное занятие. Местом же domestikации дикой козы учёные называют горы Загроса. Загросские козопасы оставили нам неолитическую культуру (Джармо, Сораб, Тепе-Гуран) [33, 61]. Согласно библейским текстам, Самсон ослеплён филистимлянами. Среднеазиатского «Самсона» (Кави-Кауса) ослепляют в иранском Мазендеране [27, 270], Загросе.

Важным представляется и тот факт, что как на Северо-Восточном Кавказе, так и в Прикубанье отмечается преобладание культур и можно не сомневаться в принадлежности дольменников именно к предкам абхазо-адыгейских племён, с незапамятных времён почти безраздельно господствовавших на указанной территории [7, 80]. Все иноэтнические группы населения, в разное время поселявшиеся здесь, так или иначе включались в среду протоабхазо-адыгейцев [34, С.39; 35, 88]. Определённая часть их в лице испов-Пшалтаэ продолжала обитать на территории Верхнего Прикубанья вместе с западными аланами-осетинами и в эпоху раннего средневековья, погребая своих умерших в дольменообразных склепах. Это вполне соответствует тезису В.А. Кузнецова о двух основных компонентах населения верховьев Кубани для данного времени [36, 71].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, следует ещё раз отметить историчность эпического племени испов-Пшалтаэ как части более крупного этнообъединения ацанов-Быцентаэ. Древние источники знают испов как пелазгов-абешла-пелешет (филистимлян), а ацанов – как меотов-митаннов-митанов-мюте-нов. В виде разночтений для рассматриваемых этнонимов можно отметить на разных территориях наименования баски, абзги, апшилы и т.п.

Почти повсюду места их обитания фиксируются наличием отмеченных этнонимов в сочетании с мегалитическими строениями в виде, прежде всего, дольменов, разбросанных от Польши до Палестины и от Испании и Португалии до Индии и Средней Азии. Внутри означенного пространства Западный Кавказ предстаёт центром территории Пшалтаэ-Быцентаэ.

На большинстве территорий обитания племён Пшалтаэ-Быцентаэ их языки характеризуются обилием шипящих звуков. Наиболее ярко это особенность фонетики испов отмечается на Западном Кавказе и в Польше.

Племена испов предстают носителями мифологических представлений и знаний о богине Лето-Лада-Дали-Зылха как главной представительнице данного этнообъединения. Рядом с ней в фольклорных памятниках разных народов мы видим остальных персонажей охотничьего мифа, имена и образы которых вместе со связанными с ними сюжетами демонстрируют единство своих истоков на всей территории бытования.

Несколько особняком стоит главный герой племени Пшалтаэ-Быцентаэ – Ахилл-Арсэхдзау-Эрехшу-Арджуна-Баедынохьо. Повсеместно он выступает на стороне греко-арийских этнообразований и включается в число их героев.

Исходной для племён Пшалтаэ-Быцентаэ предстаёт территория Ирана, Загросские горы. Здесь, уже в эпохи мезолита и, особенно, неолита зарождается и формируется горное и предгорное производящее хозяйство, базирующееся, прежде всего, на козеводстве. Очевидно, не позднее неолита они появляются на землях сынов Эллады.

Временем наиболее интенсивного процесса освоения новых территорий для племён испов следует, очевидно, обозначить IV–III тыс. до н. э., то есть эпохи энеолита и ранней бронзы. Это предопределило то, что в большинстве случаев они становятся своеобразным субстратом для последующих переселенцев на занятые ими территории. Для осетин испы стали одним из этнокомпонентов в процессе их формирования. При этом Западный Кавказ предстаёт в наши дни регионом, где Пшалтаэ-Быцентаэ сохранились как самостоятельное этническое явление в составе абхазо-адыгейских народов в лице абазин-тзэпсэнтаэ.

Использованные источники и литература:

1. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1881.
2. Нарты кадджытæ. Дзæуджыхъæу, 2005. Т.3.
3. Гаглойти Ю.С. Абхазо-осетинские нартские параллели // Известия ЮОНИИ. Цхинвал, 1969. Вып. XVI. С.57–71.
4. Приключения нарта Сасрыквы и его 99 братьев. Абхазский нартский эпос. М., 1962.
5. Хойслер Андреас. Германский героический эпос и сказания о Нибелунгах. М., 1960.
6. Вирсаладзе Е.Б. Нартский эпос и охотничьи сказания в Грузии // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969. С.245–254.
7. Инал-Ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории Абхазов. Сухуми, 1976.
8. Инал-Ипа Ш.Д. Нартский эпос абхазцев // Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957. С.91–109.
9. Стеблин-Каменский М.И. Миф. М., 1976.
10. Уваров А.С. Мегалитические памятники в России // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1876. Т.6. Вып.3. С.269–290.
11. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
12. Марковин В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгейцев. Нальчик, 1974.
13. Трифонов В.А. Дарквети-мешоковская культура // Третья Кубанская археологическая конференция (тезисы докладов). Краснодар-Анапа, 2001. С.43-49.
14. Дьяконов И.М. Алародии // ВДИ. М., 1995. №1. С.116–123.
15. Бурхард Брентъес. От Шанидара до Аккада. М., 1976.
16. Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С.89–145.
17. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
18. Сафронов В.А. Проблемы индоевропейской прародины. М., 1983.
19. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994.
20. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
21. Энеолит СССР. М., 1982.
22. Козаев П.К. Кавказ – древняя родина осетин. Владикавказ, 2012.
23. Алексеева Е.П. К вопросу о происхождении абазин по данным археологии/ Труды КЧ НИИ, Ставрополь, 1970, вып.6. С.295-330.
24. Козаев П.К. Даны: мифы и история // XVI Фелицинские чтения. Краснодар, 2014. С.138–148.
25. Чиковани М.Я. Амираниани. Тбилиси, 1960.
26. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л., 1948.
27. Мифологический словарь. М., 1991.
28. Гордон Чайлд. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М., 2007.
29. Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954.
30. Ильинская Л.С. Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье. М., 1988.
31. Трубочёв О.Н. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // ВДИ, М., 1978, № 4. С.34–42.
32. Толстова Л.С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа/ Этническая история и фольклор. М., 1977. С.141–164.
33. Массон В.М. Древнейший Ближний Восток: история земледельческо-скотоводческой экономики // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С.58–67.
34. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. М., 1978.
35. Бетрозов Р.Ж. К древней истории племён Центрального Кавказа (Энеолит и ранняя бронза). Нальчик, 1982.
36. Кузнецов В.А. Археология и этногенез осетин // Этногенез и этническая история осетин. Владикавказ, 2013. С.14–24.
37. Миминошвили В.С. Пелазги и «Илиада». Автореферат. Тбилиси, 1960.

ХОЗЯИН ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В ОСЕТИНСКОЙ ОХОТНИЧЬЕЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Традиционная духовная культура осетинского народа – сложная и самобытная система. Она сложилась в ходе длительного развития осетинского народа. Для более глубокого и всестороннего его изучения большую роль играет исследование субкультур, существовавших в рамках традиционной осетинской культуры. Их исследование позволит нам лучше понять ментальные особенности осетин. Кроме того, работа в этом направлении позволит восполнить некоторые лакуны в этой области, а также разрешит ряд дискуссионных на данный момент вопросов.

Как известно, охота возникла в глубокой древности, раньше земледелия и скотоводства. Вследствие определенной закрытости и медленной трансформации субкультура охотников или охотничья субкультура донесла до настоящего времени ряд архаических обычаев и обрядов. Под «охотничьей субкультурой» мы понимаем комплекс традиций: особенности образа жизни, обычаи и обряды охотников, стереотипы поведения, суеверия, а также символику и атрибуты.

Важным элементом охотничьей субкультуры являются религиозные представления о духе-хозяине, боге диких зверей, который часто является и покровителем охотников. Как правило, почти у всех народов, в жизни которых охота играла значительную роль, существовала вера в духа-покровителя охотничьего промысла.

Образ покровителя диких животных, являвше-

гося одновременно и божеством охоты, затронут в работах по этнологии, фольклору и языку осетин. Рассмотрение различных аспектов образа Афсати обнаруживается во многих осетиноведческих работах [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18].

Анализ работ и высказанных разными авторами мнений по рассматриваемой проблеме демонстрирует неоднозначность позиции исследователей по вопросу о хозяине диких зверей. Довольно слабо затронут вопрос об эволюции образа Афсати и связанных с ним религиозных представлений. Этим определяется актуальность данной работы.

Вера в духа-покровителя диких животных, суеверные представления, поверья, приметы и запреты в охотничьей среде необычайно устойчивы как в древности, так и в настоящее время. Объясняется это тем, что в охотничьем промысле всегда большую роль играла удача. Данный вид деятельности всегда был связан с опасностью и риском не только для здоровья, но и самой жизни человека. Охотники более, чем люди из других отраслей хозяйства чувствуют себя во власти, не поддающейся регулирующему воздействию человека среды, а иногда прямо осознают свою беспомощность [19, 54].

Вера в духов-хозяев покровителей различных видов животных сформировалась в глубокой древности. В ходе эволюции общества, а вместе с ней и религиозных представлений появился

культ бога охоты – хозяина зверей и мест охоты. Определенное влияние на эти представления оказали физико-географические и социально-исторические условия проживания осетин. При изучении эволюции и выявлении особенностей содержания веры в хозяина зверей, невозможно игнорировать такое общекультурное явление, как религиозный синкретизм, который представляет собой объективный процесс объединения, слияния различных, как рациональных, так и иррациональных, элементов. В ходе их взаимодействия друг с другом образуется новая целостная система мировоззрения, мироощущения и культа со своей специфической структурой [20, 13]. В процессе взаимодействия разных религиозных систем формируется органическая синкрета, отражающая внутреннюю сторону эволюции религии. Религиозная система во всех фазах своего развития воссоздает предшествующие предпосылки своего генезиса. Такие элементы религиозной системы, как религиозные представления и обряды, единожды возникнув, проявляют особую устойчивость. В случае же изменения породивших их условий, они не исчезают, а, трансформировавшись, продолжают функционировать и благодаря вековой традиции, влиять на образ жизни людей. Создание новой гармоничной религиозной системы предполагает избирательный отбор в нее старых элементов, которые переосмысливаются в соответствии с содержанием и функциональной направленностью новой религии [21, 36]. При этом главный критерий отбора старых религиозных элементов в создающийся синкретический комплекс определяется их способностью удовлетворять возникающие запросы общества. В ходе трансформации старый религиозный материал согласовывается с новым и начинает гармонично с ним функционировать. Наглядным примером преемственности и генетической взаимосвязи форм религии является промысловый культ. Он сочетает в себе верования и ритуалы, гарантирующие успешность того или иного промысла (охотничьего, рыбного и пр.). В процессе эволюции промысловый культ объединял в единое целое идеи и элементы обрядности, усво-

енные из сосуществующих верований и культов. Существование типологически аналогичных элементов обеспечило легкость сближения и взаимной адаптации в ходе создания органического синкрета. Значительный исторический период времени природно-климатические условия обуславливали постоянство хозяйственных основ и уклада жизни людей. Сильная зависимость человека от природы способствовала одухотворению им окружающего мира.

Наделение предметов и явлений природы (солнце, ветер, радуга и т.д.) человеческими качествами предполагало возможность их воздействия на людей и животных. Антропоморфизация окружающей действительности явилась причиной формирования слаборасчлененной целостности анимистических, магических, тотемических и фетишистских представлений.

Развитые анимистические представления и обряды отражали веру во множество духов (добрых и злых), обитающих в окружающем мире (отдельных местностях, скалах, реках, лесах и т.д.). Они требовали особого отношения к себе. Считалось, что человек не находился в полной зависимости от воли сверхъестественных существ. Кроме того, в представлении анимистов люди обладали возможностью разными способами воздействовать на духов. Взаимодействие с ними находилось в прямой зависимости от выполнения ими своих функций. Человек мог просто сосуществовать, общаться, договариваться, задабривать, обращаться к ним с просьбами, заключать сделки, но он также обладал возможностью заставлять исполнить некоторые свои желания, конфликтовать, бороться и даже наказывать духов.

Анимистические представления о духах и божествах находились в непосредственной связи с воззрениями о структуре Вселенной. В картине мира многих этносов распространение получила идея трех уровней, на которые она делится: небесный мир (верхний), земной мир (средний), подземный мир (нижний). Вселенная населена божествами и духами, находящимися в иных мирах. Они оказывают воздействие на все процессы, происходящие на земле. При этом верхний уровень населен высшими духа-

ми, создателями мира и людей, в то время как в нижнем или подземном (подводном) мире обитают злые, вредоносные божества.

Религиозный культ предусматривал установление хороших отношений с духами и боже-ствами в независимости от представлений об их силе. По этой причине с большим размахом распространилась магия. Она включала множество обрядов, вызванных верой человека в возможность сверхъестественным способом воздействовать на духов. Магические ритуалы являлись доминирующей формой взаимодействия с ними, и они имели разные формы – моления, заклинания, принесение в качестве жертв животных, ритуальной еды, кусочков металла, материи и пр. Архаическая религиозная практика сочетала магические манипуляции вместе с элементами изобразительного, танцевального, музыкального искусства, словесного творчества. Органический синтез анимистических, магических, фетишистских и тотемических верований и обрядов стал ядром промыслового культа [19, 4].

Промысловый культ содержал всевозможные способы и приемы охотничьей (рыболовецкой) магии. Охотник произносил магические слова и выражения над промысловым инвентарем для улучшения его качеств во время охоты. Для удачи на охоте исполнялись специальные танцы с характерными телодвижениями промыслового животного и с облачением в его шкуру. Охотник строго следовал определенным табу: не есть мясо перед охотой, не называть зверя по имени, во время промысла говорить на особом языке, не оскорблять животное и не причинять ему страданий, не иметь половых отношений с женщиной перед отправлением на охоту и т.д. Постепенно, по мере общего исторического развития, вера в сверхъестественную силу магического человеческого действия трансформируется в персонификацию магических представлений. Они начинают принимать форму анимистических образов [19, 55].

Очень важную роль в религиозной системе начинают играть образы духов-хозяев. В честь духов-хозяев устраивались умиловительные и благодарственные обряды, с жертвоприно-

шениями. Они должны были обеспечить людей нужными ресурсами и способствовать сохранению и приумножению их материального благосостояния.

Дух-хозяин – очень важный термин в ранних формах религий, позже перешедший в качестве синонима божества во все высшие религии. Так, в Гималаях у лепча, являвшихся горными охотниками, покровитель охоты называется Чумунг, который также является духом ледников. На Кавказе у осетин хозяин зверей – Афсати; у адыгейцев – Мезытх, у абхазов – Ажвейпшаа и Айргь – духи-хозяева дичи, которые живут в лесу и стерегут зверей. У сванов покровительницей охоты – считается богиня Дали; она дает добычу на промысле; ей молятся тайно. Мифологические образы божеств – покровителей охоты сохраняются и в некоторых религиях классовых обществ; черты такого характера влились в образ греческой Артемиды-охотницы, римской Дианы, царицы леса. В христианстве подобные образы получили очень слабое отражение. Это объясняется тем, что христианство зародилось и распространилось, преимущественно, среди земледельческих народов. Однако у некоторых этносов, например у северно-русских поморов – с их выраженным промысловым направлением хозяйства – развился культ св. Николая Чудотворца как покровителя морских промыслов [19, 56].

Мнение о том, что культ духов-хозяев есть господствующее содержание религий охотничьих народов разделяется как отечественными, так и зарубежными этнографами, историками религии.

В осетинской мифологии животный мир делится на несколько групп, каждая из которых имеет своего духа-хозяина / божество-покровителя. Так, все дикие животные, а из птиц горная индейка находятся во власти Афсати. Младшим собратом Афсати был Хуыджыры – покровитель кабанов и медведей [17, 55]. Надо отметить, что имя последнего духа-хозяина было редко употребляемо. Чаще в качестве хозяина медведей и кабанов выступает также Афсати. Вероятно, это является свидетельством того, как один из духов-хозяев покровитель конкретного вида животных постепенно вытеснил духов-хозяев

Афсати

Картина художника И.В. Лотиева

других животных и превратился впоследствии в божество охоты – владыка стад всех диких животных. Волки имеют своим патроном Тутыра. Духом-хозяином птиц и зайцев является Карчиклой (Кæрчиклой). К началу XX века имя данного духа-хозяина постепенно стало забываться. Ихтиологическая фауна находится под патронажем Донбеттыра [18, 188].

По мнению Л.Я. Штернберга, самое раннее значение понятия дух-хозяин – это хозяин того или другого вида животных, существо, распоряжающееся ими на таких же началах, на каких человек распоряжается принадлежащим ему скотом или владычествует в кругу себе подобных [22, 216-218]. На осетинском материале в определенной мере отражением этого является то, что дикие животные, иносказательно, назывались скот Афсати (Æфсатийы фос) [23, 443-444]. По представлениям осетин все они (кроме волка и

зайца) в полной власти Афсати, так как он является их создателем. Главнейшими из этих животных считались олень и горный тур. Без соизволения хозяина на диких животных никому не позволено было охотиться. Охотники должны были строго соблюдать охотничьи обычаи и обряды. В противном случае их ждало суровое наказание. По представлениям осетин, на нерадивых охотников Афсати может спустить своего свирепого и исключительно сильного кабанчика, который безжалостно с ними расправляется [4, 13].

Хозяин диких животных обитает в особой области, которая называется страной Афсати (Æфсатийы бæстæ, Æфсатийы бынат). Это гористая и лесистая местность. На этой территории охотник должен разговаривать только на охотничьем языке. Это соответствует распространённому в архаических религиях представлению о том, что всякая, более или менее обособленная область природы, или явлений, даже отдельные территории (горы, лес, река, рощица и т. д.), имеют своего духа-хозяина. Причем не только крупные духи-хозяева земли, неба, воды, моря, ветра, солнца, луны, но и бесчисленные духи ручья, утеса, вершины, рощи и т. п. Существование множества явлений приводят к идее, что духи специально заняты благодетельствованием человеку. Первоначально они не имеют ничего общего между собою, не имеют они и общего духа-хозяина, а совершенно автономны [22, 216-218].

Почти все древние мифологии рисуют духов-хозяев в образе глубоких старцев и старух, ведущих усердную хозяйственную жизнь [22, 216–218]. Не исключение в этом плане и осетинский бог диких животных и охотников. По представлениям осетин, Афсати считается старшим по возрасту среди небожителей. У него есть семья. В написанной классиком осетинской литературы С. К. Гадиевым сказке «Афсати» упоминается его жена [24, 378]. В фольклорных текстах говорится, что у него семь сыновей и дочь. Дочь зовут Аханат или Хайыркыз, а одного из сыновей Будзумар [10, 80; 17, 60].

В осетинских фольклорных текстах встречается мотив похищения дочери Афсати. Ее спасает земной охотник Дзамболат, являющийся

сыном его побратима Комая, который затем на ней женится [10, 80].

Дух-хозяин может представляться в форме того или другого животного или растения, только с физическим или интеллектуальным перевесом. Позже он полностью становится антропоморфным, но при необходимости может принимать звериную форму. Еще позже он уже не превращается в зверя, но имеет определенного зверя своим спутником [22, 216-218].

В нартовском эпосе осетин Афсати однозначно божество диких животных. Однако многие из его черт говорят о том, что ранее он был духом-хозяином какого-то конкретного вида животных (медведь, олень, горный тур, кабан). На эту мысль нас наталкивает, во-первых, то, что в одном из текстов нартовского эпоса Афсати превращается в белого медведя. Во-вторых, то, что его главными животными являются олень и горный тур. В-третьих, в качестве животного, который наказывает нарушителей охотничьих обычаев, выступает кабанчик.

Согласно мифологическим представлениям, без дозволения бога охоты ни один охотник не мог добыть зверя. По представлениям осетин, охотникам Афсати позволял убить того зверя, которого он до этого зарезал и съел сам. Это говорит о том, что первоначально Афсати обладал абсолютной властью над дикими животными, а также местах их обитания. Однако с распространением среди предков осетин монотеистической идеологии представления об Афсати начинают претерпевать трансформацию. По мнению В.И. Абаева, идея единого бога вошла в духовный мир алан вместе с христианством [25, 255]. Афсати из самостоятельного архаичного божества превращается в одного из подчиненных единому богу ангелов (необходимо отметить, что это перевоплощение произошло в неполной мере). Так, согласно одному из осетинских мифов, после создания мира бог каждому зэду (в дохристианский период божество, отраслевой бог, дух-покровитель, после христианизации – ангел) даровал из своего скота: нынешний домашний скот получил Фалвара, урожай – Уацилла, пчел – Анигола, зверей – Афсати. Когда же бог создал

людей, тогда зэды собрались и решили: «Давайте отдадим подарки нашего отца людям» [26, 280 – 281]. Здесь, как мы видим, Афсати представлен как сын бога-отца, что в представлениях осетинских охотников нетрадиционно.

Свидетельством влияния монотеистической идеологии на охотничью субкультуру в целом и роль в ней хозяина зверей являются отмеченные в разных районах Осетии формы молитвы перед началом охоты. В некоторых местах молились только Афсати. В других упоминали имя единого бога и Афсати, в-третьих, сначала наряду с единым богом, упоминали и Уастырджи, а лишь потом Афсати. Есть тексты, в которых наряду с Афсати молились и духу-места, где располагались охотники. Так, в Уаллагкоме каждый охотник, отправляясь на охоту, брал с собой три маленьких продолговатых пирога с начинкой из сыра (гуылтæ). Рано утром старший из охотников возносил молитву единому Богу и Уастырджи, и только после этого у пышноусого Афсати просил мясо на шашлык [7, 96]. В то же время при проведении осеннего охотничьего праздника в Куртатинском ущелье молились только Афсати [7, 90].

В некоторых районах Осетии молодой охотник из туши первого добытого животного должен был сделать пир во славу единого Бога, Афсати и других небесных покровителей и духов, так как он считал, что именно благодаря им ему улыбнулась удача на охоте. Он благодарил их всех за дарованную удачу, хотя охотничье счастье находилось в руках Афсати.

В одном из текстов нартовского эпоса мы видим синтез образа Афсати и единого бога (хуыцау), который ведает дикими животными, хотя они по-старому называются «скотом Афсати». В сказании говорится: «С этого дня пусть бог не дает тебе доли из скота Афсати» [23, 443–444]. Здесь мы видим вытеснение Афсати из сознания сказителя и замену единым богом.

Традиционно осетинские охотники своему товарищу, который добыл зверя, говорили благопожелание: «Чтобы Афсати тебе дал много». Однако в селениях, где монотеистическая идеология заняла сильные позиции, в данной формуле вместо имени покровителя охоты употребляли имя единого бога.

Данные примеры говорят о том, что постепенно монотеистическая идеология начинала проникать в охотничью мифологию и субкультуру.

Таким образом, религиозные представления осетин, связанные с хозяином зверей, своими корнями уходят в глубокую древность. Хозяин диких зверей относится к божествам – дарителям благ. С древнейших и до настоящего времени

именно от него, по представлениям осетинских охотников, зависит успех на охоте. В ходе многовекового исторического развития образ хозяина диких животных в осетинской охотничьей субкультуре эволюционировал, плавно сочетая в себе определенные политеистические и монотеистические религиозно-мифологические представления.

Использованные источники и литература:

1. Алборов Б.А. Язык осетинских охотников // Научный архив СОИГСИ. Ф.19. Оп.1. Д. 140.
2. Багаев А.Б. Охотничьи обычаи осетин /Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Вып.21. 2019.
3. Гаглоева З.Д. Охота в верованиях и обычаях осетин и сванов // Известия ЮОНИИ. Цхинвали, 1987. Вып. XXXI.
4. Гуриев Т.А. Наследие скифов и алан. Владикавказ: Ир, 1991. 178 с.
5. Дзаттиаты Г.П. Образ Афсати в осетинской народной песне и в одноименном стихотворении Коста Хетагурова // Известия ЮОНИИ. Цхинвали, 1971. Вып. XVII.
6. Калоев Б.А. Осетины. М.: Наука, 2004. 473 с.
7. Кесаев В.А. Обряды и язык осетинских охотников. Владикавказ: Ир, 1998. 148 с.
8. Кусаева З.К. Мифо-фольклорные традиции в осетинской литературе // Фундаментальные исследования. 2013. № 4.
9. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968. 568 с.
10. Накусова Н.Т. Образ покровителя охоты в осетинской мифологии // Духовная культура осетин и современность: проблемы и перспективы. Сборник научных статей. Материалы республиканской научно-практической конференции. Владикавказ, 2009.
11. Сокаева Д.В. Бог зверей Афсати в осетинской волшебной сказке // Фольклор народов России. Фольклорные традиции и фольклорно-литературные связи: Межвузовский научный 57 сборник. Уфа, 1993.
12. Техов Ф.Д. Охотничий язык у осетин // Известия ЮОНИИ. Вып.17. 1972.
13. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ, 1915. 441 с.
14. Цаголов Г.М. Охотничий язык и обряды у осетин // Терские ведомости. 1895. № 58.
15. Цаллагова И.Н. Семантическая и денотативная характеристика соматической лексики дигорского варианта осетинского языка // Известия СОИГСИ. 2017. № 24 (63).
16. Цаллагова И.Н. Паремии осетинского языка: язык осетинской загадки. Владикавказ, 2010. 230 с.
17. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2008. 599 с.
18. Чурсин Г.Ф. Осетины / Юго-Осетия. Тифлис. 1925.
19. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
20. Капустин Н.С. Особенности эволюции религии. М.: Мысль, 1984. 222 с.
21. Демченко О.Н. Религия: взаимодействие рационального и иррационального. Норильск: НИИ, 2008. 216 с.
22. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. 603 с.
23. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Кн. 3. Владикавказ, 2005. 712 с.
24. Гадиев С.К. Избранные произведения. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1959.
25. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л., 1989. 325 с.
26. Осетинское народное творчество. Т.II. Орджоникидзе, 1961. 692 с.

ХМЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ: ПИВО (Бæгæны) и АРАКА (Арахъ) В СЕМЕЙНЫХ ОБРЯДАХ И ОБЫЧАЯХ ОСЕТИН

Пиво и арака были весьма значимы в семейных обрядах и обычаях осетин. На **традиционной осетинской свадьбе** во время торжественного застолья пиво играло коммуникативную и семантическую роль. Старший брал в правую руку чашу с пивом, произносил молитву за Бога (Хуыцау), затем давал младшему пригубить из него и отведать кусок пирога. Молитвословия старшего с чашей пива произносились обычно в определенном порядке. Первый тост посвящался Богу, второй – Уастырджы (покровителю мужчин и путников), третий – за жениха и невесту, следующие тосты – за родителей и т.д.

Пиво играло важную роль также в ритуале прощания невесты с родительским очагом. Она трижды обходила его, касалась надочажной цепи, а старший с чашей пива в руках, произносил молитву божеству домашнего очага – Сафа. После этого обряда молодые люди заходили к старшей хозяйке дома (æфсин) с тремя пирогами и пивом в большой чаше, чтобы она благословила невесту. После этого, шафер давал молодой пригубить из бокала с ритуальным напитком [1, 54 – 55].

Пиво на осетинской свадьбе выполняло также символическую и знаковую функции, кроме того, оно являлось обязательной частью различных даров и всевозможных подношений. Перед уходом невесты в дом жениха, готовились пироги, три правых ребра жертвенного животного, ритуальный напиток – пиво [1, 114].

Если по пути к дому жениха имелось святилище, из дома невесты брали специально приготовленные для этого места напитки, пироги и шашлык. Здесь невеста с подругами возносила молитву святому и причащалась ритуальным пивом из святилища [2, 13–14].

В доме жениха невеста вновь обходила три раза очаг, совершала поклоны божеству Сафа, дотрагивалась губами или рукой цепи, чтобы получить у него покровительство. Старший здесь также произносил молитву с чашей пива в руках [3, 362].

Первый выход невесты за водой сопровождался обрядовым угощением. У реки освящались ритуальные пироги и напитки. По возвращении домой, старший с чашей пива в руках произносил молитву, а затем все причащались водой, которую принесла невестка [4, 265].

Пиво и арака особое место занимали также в **родильных обрядах и обычаях** осетин. У плодового дерева роженица поклонялась *Мады Майраем* (Богоматери / Матери Марии), благодарил ее за то, что она послала ей мальчика, в это же время одна из женщин с чашей пива произносила молитву.

На празднике наречения новорожденному имени – *номæвæрсæн*, традиционные напитки – пиво и арака – приносились гостями в качестве даров и угощения. На следующий день *номæвæрсæг* посылал матери новорожденно-го приношения (*хуын*) из большого количества

араки, пива, трёх пирогов, одного барана или бычка [5, 97 – 99].

За две недели до праздника *Кæхцгаенæн* невестку, родившую первенца-мальчика, отправляли в родительский дом. Там родственников и соседей угощали привезенными ею пирогами и аракой, возносили молитву Богу за здоровье, долгую и счастливую жизнь младенца.

Чаша (*кæхц*), которую невестка брала с собой в родительский дом, предназначалась не только для сбора подарков, она являлась важнейшим ритуальным атрибутом, ею мать просила для своего сына покровительства у небесных сил. Накануне праздника, она в сопровождении двух подруг заходила в то место, где хранилось пиво. Зачерпнув полную чашу, она обращалась к высшим силам. Чтобы не навредить праздничному молению она чашу с пивом сливала обратно [6, 122].

В день праздника *Кæхцгаенæн* молитву за ребенка с чашей пива (или рогом араки) возносил старший мужчина, возглавлявший застолье, а затем старейшая из женщин. К святилищу *Мады Майрам* приносили «котел пива, араку, 3 – 4 большие тарелки с *дзыкка*, три больших пирога с сыром и т.д.» [7, 260–261].

Пиво и арака являлись важнейшим атрибутом также в **погребально-поминальной обрядности**. В день похорон резали крупный и мелкий рогатый скот, пекли пироги, а также изготавливали пиво и араку [8, 332].

Попрощавшись с покойником, первыми из дома выходили родственники и соседи. Старший, держа в одной руке свечи, в другой рог с аракой, произносил молитву за покойника со словами: «Будь светел!» (*Рухсаг у!*) и выливал несколько капель араки на гроб, освящая его [9, 384]. Обряд посвящения совершался также с помощью пива, потому что оно служило ритуальным напитком [10, 249].

Важную роль напитки играли в обряде посвящения коня. Старик-посвяtitель выходил из толпы, брал уздечку и проводил ею по рукам покойника (что означало передачу коня умершему), затем с рогом араки или чашей пива произносил напутственную речь. После этого проливал

Ритуальная чаша для пива с зооморфными ручками в виде фигуры тура с завитыми рогами.

с. Горный Дзуарикау (Северная Осетия).
Фото И.А. Бедоевой, 2012 г.

несколько капель напитка сначала на голову коня, затем на покойника и разбивал посуду с напитком о голову или подкову правой передней ноги коня [11, 80].

Подобный ритуал был описан Шегреном в 1840 г. в Южной Осетии. Взяв в левую руку уздечку, а в правую – чашку с пивом или рог с аракой, посвяtitель коня (*бæхцфæлдисæг*) произносил речь. Он описывал предстоящий покойнику путь по стране мертвых и предостерегал его от грозящих опасностей. Затем обращаясь к покойнику, посвяtitель говорил, что пища и одежда, оружие и лошадь даются ему для того, чтобы он не нуждался в них в стране мертвых. Произнося речь, старец обводил коня три раза вокруг могилы и становился у ног покойника. В это же время ему подносили на овчине ячмень и пиво в деревянной чаше. Старец давал коню ячмень, пиво выпивал сам, а чашу разбивал о голову коня [12, 74].

Этот обряд был унаследован от алан, однако они не разбивали чашку или кувшин с содержимым, а укладывали их целыми с покойником

в могилу. В чаше содержался ритуальный напиток (пиво или ронг) [13, 256]. Со временем, «бутылку разбивали о камень, ее содержимое выливали на могилу, а пироги разбрасывали по сторонам» [13]. Родственники снабжали покойника бутылкой араки и пирогами, чтобы он во время своего путешествия в загробный мир не испытал голода и жажды [14, 73].

У осетин-мусульман оседланного коня, покрытого траурным покрывалом, подводили к изголовью покойника, затем один из старших брал в руки чашу с аракой или пивом, произносил посвящение, давал отведать коню напиток, после чего выливал его ему на копыта [15, 364–365].

Традиционные напитки – пиво и арака – играли символическую, обрядовую, знаковую и ритуальную роль также в поминальных обрядах и обычаях. На *Цыппурс* приготавливались пироги и напитки, которые посвящались покойникам.

Во время *Великого поста* жена надевала на крестообразную палку одежду покойного мужа. Перед этой фигурой ставили постные блюда и напитки. В присутствии гостей один из старших произносил молитву аракой или пивом [16].

По другим сведениям, в этот день родные покойника, приносили на его могилу разные яства, в том числе пиво и араку. Раньше всех у могилы собирались всадники, принимающие участие в скачках. После причитаний старшие женщины приглашали старшего всадника, давали ему чашу с пивом (или рог араки), он произносил «*Рухсаг у!*» («Будь светел!»), затем проливал несколько капель напитка из чаши или рога на могилу, оставшееся выпивал [17, 404].

Родственники или соседи, не имевшие возможности присутствовать на поминках, получали свою долю из еды и напитков (*хисты хай*). Особая доля из ляжки вола и кувшина пива, предназначалась общественному кузнецу (*куырды хай*). Если мимо дома, где справлялись по-

Турий рог.

с. Горный Дзуарикау (Северная Осетия).
Фото И.А. Бедоевой, 2012 г.

минки, проходил или проезжал путник, то его также приглашали помянуть покойника [18, 74].

Перед скачками старшему давали рог с аракой, чтобы он благословил всадников. После его напутствий, каждый из них окунал свою плет в рог с напитком [19, 33]. Во время больших скачек всадники выпивали только по одному рогу. Когда они проезжали мимо села, где жили родственники покойного, им выносили квас (*къуымæл*). Всадники окунали свою плет в сосуд с этим напитком, а коням давали его пить только во время скачек.

Во дворе умершего при приближении первых всадников собирались люди. В середине двора стоял один из старших, который держал в руках чашу с пивом. Всадник, прибывший первым, спешивался и подводил коня старику, который давал сначала коню пиво, затем поздравлял самого победителя. Иногда вознаграждения получали первые три всадника. Считалось большой честью участвовать на скачках, так как за поминальным столом провозглашались фамилии участников, и произносился специальный тост в их честь [19, 37].

По другим сведениям, накануне скачек хозяева заводили своих коней во двор организа-

тора скачек. На следующее утро старший поминальной трапезы выходил к коням с большой деревянной чашей с пивом и начинал громко произносить молитву [20, 197]. После этого, он выливал из чаши немного пива на землю, затем подносил ее к каждому коню и предлагал молодым людям отпить, те отпивали и возвращали чашу обратно старику.

Почетной чаши пива в качестве награды удостоивался и победитель хьабхь (стрельба в

цель). Первоначально это состязание устраивалось в день похорон, а позже – во время годовых поминок.

Традиционные напитки, в частности, пиво и арака, являлись сопровождением обрядовых действий, связанных со свадьбой и рождением ребёнка, а во время трапезы являлись важнейшим атрибутом во славу божественных сил. Кроме того, они занимали значительное место в погребально-поминальной обрядности осетин.

Использованные источники и литература:

1. Газданова В.С. Традиционная осетинская свадьба: миф, ритуалы и символы. Владикавказ, 2003.
2. Калоев Б.А. Осетины Восточной Осетии и районов Грузии. Историко-этнографические очерки. Владикавказ, 2012.
3. Каргиев Б. Как справляется свадьба в доме невесты и в доме жениха / ПНТО / Сост. Т.А. Хамицаева. Вл., 1992. Т.1. Трудовая и обрядовая поэзия.
4. Хозиты Ф. Уæлладжыры комыл – Туалтæм. Дзæуджыхъæу, 1999.
5. Пчелина Е.Г. Родильные обычаи у осетин // СЭ. 1937. № 4.
6. Алдтатты Виктор. Кæхцæгæнсæнтæ // Мах дуг. 1990. №11. С.122 – 124.
7. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. 2-е изд. Орджоникидзе, 2011.
8. Калоев Б.А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. 4-е изд. М., 2009.
9. Осетины / Отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания. М., 2012.
10. Бесолова Е.Б. Язык и обряд. Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте её текстуально-вербального выражения. Владикавказ, 2008.
11. Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII веке – нач. XX в. // КЭС (М). 1984. Вып. VIII. С. 72 – 105.
12. Шегрен А. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // ППКОО. Кн.1. Цхинвали, 1981. С. 50 – 80.
13. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Вл., 2008.
14. Калоев Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.
15. К-ев. Похоронные обряды у осетин / ПНТО / Сост. Т.А. Хамицаева. Владикавказ, 1992. Т.1. Трудовая и обрядовая поэзия. 1992.
16. Берзенов Н. Очерки Осетии // ППКОО. Кн.1. Цхинвали, 1981. С. 103 – 106.
17. Миллер В.Ф. В горах Осетии / Сост. Т.А. Хамицаева. Владикавказ, 1998.
18. Гаглоева З.Д. Культ мертвых у осетин // Известия ЮОНИИ АН ГССР. Вып. XVIII. Сталинир, 1974.
19. Кокоева А.Б. Из истории погребальных обрядов у осетин / ИЮОНИИ АН ГССР. Вып. XXIV. Тбилиси, 1979.
20. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // ППКОО. Кн.3. Цхинвали, 1987. С. 149 – 215.

КУЛЬТ ОГНЯ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ ИРАНСКИХ НАРОДОВ

Параллели в обрядности между осетинами и остальными иранскими народами являются перспективными и интересными, но малоисследованными вопросами этнологической науки. Одним из основных схожих ритуалов, имеющих общее происхождение у арийцев, является культ огня.

Огонь – одна из самых главных природных стихий, играющих в жизни человечества огромную роль.

Огонь – та природная стихия, которая всегда завораживала человека, вызывая уважение и страх. Именно поэтому в обычаях и традициях подавляющего большинства народов мира существует культ огня. Но в обрядности иранских народов огню отводится еще большее значение.

Помимо очистительной функции огня, в обрядности иранских народов эта природная стихия представляется как предохраняющая от влияния злых сил материя.

Поэтому священный огонь, с одной стороны, не должен касаться усопшего, потому что огонь символизирует жизнь, а покойник – смерть. Вот почему в обрядности рассмотренных нами иранских народов пока покойник находится в доме, огонь не разводят.

С другой стороны, в течение трех дней на могиле покойного разводят огонь, выполняющий вышеуказанные функции. Особенно данный обряд распространен у курдов-езидов и осетин,

сумевших сохранить свои традиции в большей степени.

Таким образом, несмотря на множество дифференцирующих факторов (влияние мировых религий, значительные расстояния между народами), рассмотренные в работе параллели служат ярким примером родства иранских народов и их происхождения от общего предка.

Огонь является одной из самых почитаемых природных стихий, потому что с древнейших времен имел огромное значение в жизни человека. Огонь обогревал, освещал ночью, и на нем готовили еду. Именно поэтому практически у всех народов мира существуют обряды, связанные с огнем. В рамках данного научного изыскания рассмотрено значение огня в погребальных обрядах иранских народов, проведены параллели в исследуемой обрядности, показаны общие черты, являющиеся показателем родства арийских народов.

Огонь в истории и обрядности иранских народов всегда имел огромное значение. Не зря в среде иранских народов зародилась религия огнепоклонников – Зороастризм (Маздеизм). Огонь, по представлениям зороастрийцев, – священная природная стихия, являющаяся Богом на земле, помогающая обратить мысли к Богу. Эпитеты огня – «вечно благоухающий», «вечно горящий». Огонь считается воплощением божественной справедливости – арты (по-осетински «огонь») – «арт»). Священный огонь не должен был

гореть рядом с умершим; на время прощания с покойным огонь выносили из дома [1, 36]. По словам известного ираниста В.И. Абаева: «Единственная стихия природы, которая у Зороастра сохранила свое религиозное значение, это – огонь. Представление об огне, как высшей всепроникающей и всеочищающей стихии, слишком глубоко укоренилось в мировоззрении каждого иранца, и Зороастр, являясь иранцем, не мог не быть огнепоклонником» [2, 29]. Следовательно, огонь представляется у иранцев стихией, которая является символом жизни.

Так, в зороастризме существует 16 видов огня, взятых из домашних очагов. Одним из них был огонь от погребальных костров, который был самым трудным для получения. Так как сами зороастрийцы считали сжигание трупа осквернением священной материи (огня), то сжигание трупа у них было строжайше запрещено. Для получения огня от погребальных костров маздеисты отправлялись в Индию, где пытались получить огонь от погребального костра брахмана [3, 16].

В то же время, по представлениям таджиков и народностей Памира, огонь избавляет от вредного влияния нечистых сил. Огонь – это очищение [4, 131]. Такое же значение имеет огонь в осетинской традиционной культуре. Именно эти функции, приписываемые огню, являются причиной появления культа огня в погребальных обрядах. У таджиков глагол «мурдан» означает не только смерть человека («умирать»), но и угасание огня («угасать») [5, 10]. Для сравнения: по-осетински «умирать» звучит, как «мæлын». М.С. Андреевым зафиксировано образное выражение таджиков долины Хуф: «Покуда человек жив, его жизнь горит как пламя огня, и разом угасает, как угасает огонь» [6, 195]. Это убеждает в мысленном переносе свойств огня на человека. Схожие представления об огне имеются и у осетин. Касаясь погребальных обрядов иранских народов Средней Азии (таджиков, памирцев и т.д.) отношение к огню в «траурном пространстве» было очень почтительным. Так, разжигание огня в семейном очаге в указанный период было запрещено в течение первых трех дней [7, 116].

Наличие схожих обрядов зафиксировано у

таджикского и пуштунского населения Афганистана. Об устойчивости поверий и представлений о нежелательности пламени огня в семейном очаге свидетельствуют данные, зафиксированные у представленных народов. Так, в первые три дня из дымохода (мури) дома умершего не должен выходить дым. Иначе он (дым), как знак огня, будет свидетельствовать о том, что члены семьи покойного не соблюдают установленный обычным правом (адатом) запрет на разжигание огня в течение трех дней. Этот обычай характерен и для населения Памира. Семью усопшего в течение трех дней горячей пищей и у таджиков, и у пуштунов, и у памирцев кормят соседи [7, 119–120]. Схожие поверья бытовали у осетин до недавнего времени, и в редуцированном варианте сохраняются до сих пор.

Ишкашимцы и ваханцы (памирские народы) после похорон при наступлении ночи в ногах у покойника, в нижней части могилы, разводят костер из кизяка; огонь должен тлеть всю ночь; с этой целью посыпают вокруг могилы порох, бросают также немного пороха в огонь [8, 18]. Смысл этого обряда состоит в том, чтобы отпугнуть диких зверей и обезопасить покойника от влияния злых сил. У этих народов, а также хуфцев и бартангцев (памирские народы; прим. автора) после похорон на могиле усопшего в течение трех вечеров жгли костер, а в том месте, где мыли покойника, ставили свечи, которые горели в течение трех вечеров [9, 133]. Практически идентичные обряды бытуют до сих пор у осетин.

Очень примечательными являются обряды курдов-езидов. Езидизм – синкретическая религия езидов (курдского субэтноса), включающая в себя элементы зороастризма, ислама, иудаизма и христианства [10, 73].

Согласно религиозным представлениям езидов, одним из примечательных обрядов, символизирующих наличие в их обрядности культа огня, является разжигание костра в течение трех ночей на могиле умершего. Это делалось из следующих соображений: во-первых, чтобы не дать хищным зверям приблизиться к могиле; во-вторых, чтобы пресечь попытки злых духов похитить нашедшую

там временное пристанище душу усопшего, которую в скором времени ангел Азраил должен был переместить по своему усмотрению либо в рай, либо в преисподнюю; в-третьих, душа покойного на том свете должна общаться с огнем точно так, как на этом свете [11, 88].

Рассмотренный выше обряд обязательно проводится даже среди езидов, живущих за пределами мест их компактного проживания. Так, когда похоронили известного в определенных кругах Аслана Усояна в Москве, курда-езида по национальности, то по традициям этого народа на могильном холме развели небольшой костер.

Огонь фигурирует еще в нескольких погребальных обрядах курдов-езидов. Так, спустя три дня после погребения умершего на его могиле еще раз разжигали костер. Молотильную доску, на которой производилось омовение тела покойника, переворачивали, на нее клали кусок меди и сверху ставили лампаду. Лампада беспрестанно горела три дня [12, 18]. То есть огонь выполняет в этих обрядах очистительную функцию.

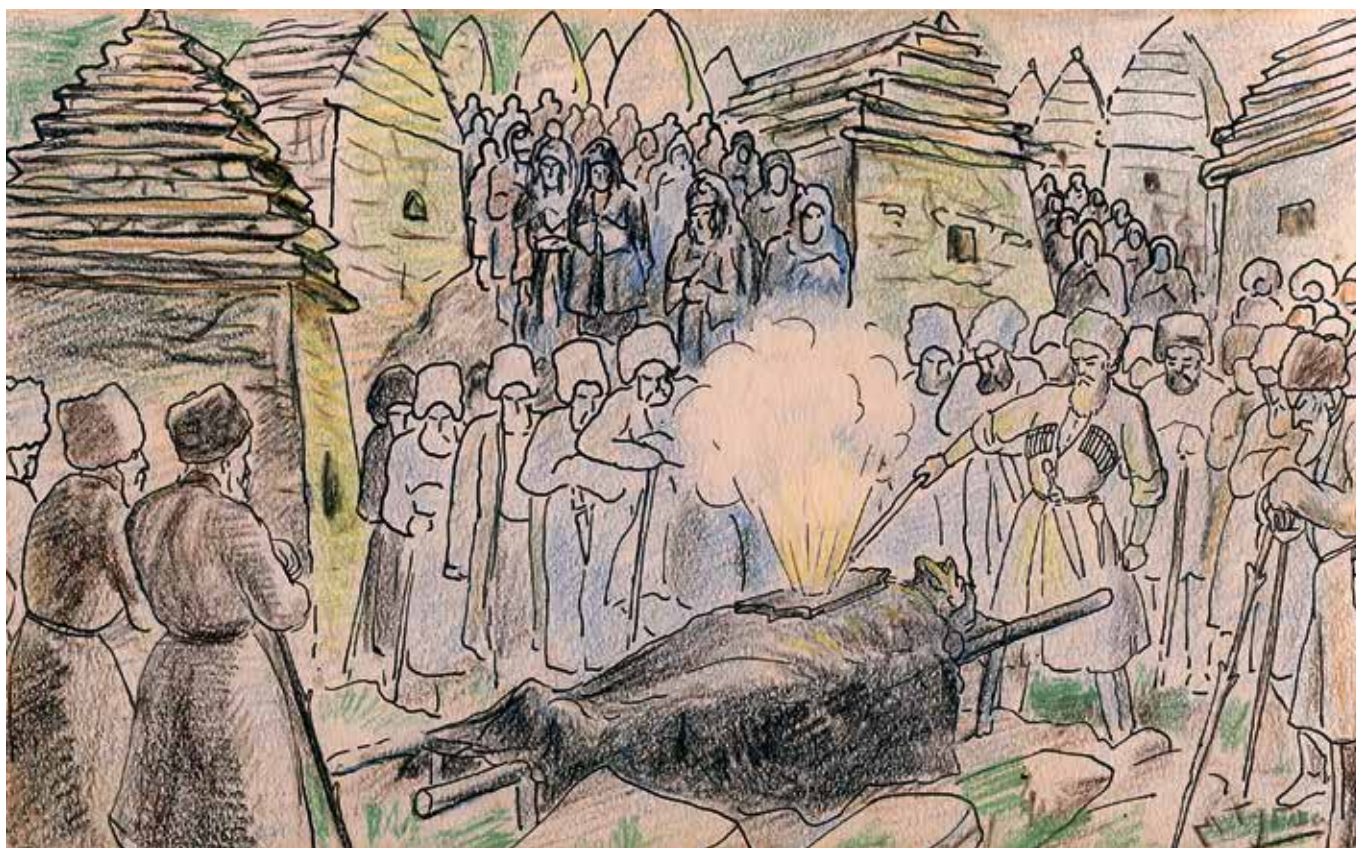
По представлениям езидов, огонь в очаге дома должен поддерживаться постоянно, так как очаг (оджах), помимо основного значения, подразумевается, как дом и семья. Дом курдов-езидов, в очаге которого постоянно поддерживался огонь, считался родовым гнездом, очагом (оджахом) предков. Если вдруг огонь угасал, то считали, что эта семья или род вместе со своим очагом, членами семьи, родственниками и домашним скотом стоят на краю гибели. Проклиная кого-то, они произносят: «Да разрушится твой оджах». У них существует характерная поговорка об огне: «Если в доме потухнет очаг с огнем, то погаснет и сам оджах». По их обычаям осквернение огня считается большим грехом, нельзя плевать в огонь, ругаться в его адрес [13, 5–6]. Из приведенных поговорок видно, что основой дома является огонь – очаг. А основным смыслом приведенных пословиц является то, что если потухнет очаг с огнем, то и семья вымрет. Практически идентичные представления об огне существуют и у осетин.

Более подробно нужно сказать о сакрализа-

ции огня у осетин. Так, предки осетин считали, что огонь представляет собой чудодейственную силу, которая может предохранить человека от многих несчастий. Огонь представляется сверхъестественной материей, которая может облагодетельствовать человека или навредить ему. Суеверные осетины считали огонь самым почитаемым духом. Об этом красноречиво свидетельствуют проклятия именем огня, например: «Да угаснет доля твоего огня» («Дæ зынг ахуысса»). Почитая огонь, как источник очистительных и целебных сил, наши предки старались держать его в чистоте и не осквернять. Огонь нельзя было ругать. Запрещалось плевать в огонь, гасить его как попало, не разрешалось обливать горящее полено водой, бросать в него мусор и другие отходы. Говоря об огне, старались избегать выражений, могущих оскорбить дух огня [14, 94–96].

Однако, по высказыванию К.Л. Хетагурова, очаг является «величайшей святыней каждого осетина» вместе с неугасающим в нем огнем [15, 273]. Очаг (кьона) был местом, с которым связано множество разнообразных ритуалов. Так, именно у очага было принято давать клятву, к очагу подводили жертвенное животное перед заклинанием и т.д. [16, 24].

Огонь, как очищающая стихия, нашел свое важное место в похоронных обрядах осетин. Так, одним из основных погребальных обрядов, в котором фигурирует огонь, является обряд сжигания пороха на груди покойника. Этот обряд генетически связан с арийским культом огня, выполнявшим ритуально-очистительную функцию. Совершался он только над покойниками-мужчинами. Описываемый обряд проходил следующим образом: ставили сланец на грудь покойника, насыпали порох и поджигали его. По одной версии этот обычай означал, что так покойника очищали от его земных грехов. По другой – этот обычай гадания, по которому определяли, достоин ли человек места в раю. Если усопший был чист перед Богом, за свою земную жизнь он попадал в рай/дзæнæт (дым был направлен вверх). Если же дым уклонялся (вправо или влево), то покойник считался грешником и попадал в ад/зындон (по поверьям). В

Сжигание пороха на груди покойника.

Картина М.С. Туганова. Коллекция Национального музея РСО-Алания.

то же время немаловажное значение имел цвет исходящего дыма: если он был темных оттенков, то покойник попадал в ад, если светлых – в рай. Существовал еще один способ гадания по дыму: если дым поднимался вверх, то считали, что умерший был человек блаженный, а если распространялся в стороны или опускался вниз, то, наоборот, был грешным [17].

Рассматриваемый обряд бытовал до 20–30 гг. XX века, пока не началась борьба против устаревших пережитков, обычаев и обрядов. К нашему времени данный обряд перестал бытовать [18, 132]. Сохранился он только благодаря этнографической зарисовке М.С. Туганова (1881–1952) – первого профессионального осетинского художника. Благодаря представленной ниже зарисовке «Сжигание пороха на груди покойника», выполненной великим художником

в 30-е гг. XX века, мы можем с фотографической точностью и в мельчайших подробностях визуализировать исследуемый обряд. Конечно же, обряд проводили мужчины, так как только у них имелся порох. Поскольку М.С. Туганов был не только художником, но и исследователем осетинских обычаев и традиций, то информацию для написания представленной картины он собирал сам во время поездок по ущельям Северной и Южной Осетии.

Таким образом, из всего вышесказанного следует, что на представленной картине покойник был благочестивым человеком и попал в рай.

Остальные обряды у осетин, в которых фигурирует огонь, до сих пор строго исполняются, проводятся всем, независимо от половой принадлежности.

Так, все личные вещи, которые кладут с покойником в гроб, впрочем, как и сам гроб, должны быть посвящены покойнику (по-осетински «ныффæлдисын»). В настоящее время этот обряд проводится следующим образом: зажженной спичкой касаются савана, гроба и всего остального, имеющегося в нем. Огонь в этом обряде выполняет охранительную и очистительную функции. Это действие именуется посвящение «дома вечной жизни» («æцæг хæдзар»). Проводится перед тем, как положить гроб в могилу для того, чтобы предохранить покойника и все, что лежит в гробу (то есть его «настоящий дом»), от влияния злых сил.

Помимо этого, вся пища, посвящаемая покойнику, должна быть также подвержена действию огня.

Еще одно применение огня в похоронно-поминальной обрядности осетин – «доля огня покойника» («йæ зынджы хай»), который выполняется на могиле усопшего, где в первые три дня после смерти, рано утром, разжигают небольшой костер со стороны ног покойника. По поверьям осетин, этот обряд имеет смысл «согревание» покойника.

В то же время тяжелую утрату – смерть человека в самом расцвете сил – по-осетински именуют «судзæггаг мард» («жгучая утрата»). В причитаниях над такими безвременно ушедшими произносят фразу: «судзæг бадай» («горящим сиди») [19, 186]. Все эти выражения, как нам кажется, являются еще одним показателем культа огня в погребально-поминальной обрядности. Однако до сих пор в такой осетинской семье, где случилось горе – умер человек, все три дня, пока покойник находится в доме, не готовят горячую пищу, а кормят их соседи.

Таким образом, у осетин к огню отношение двоякое: с одной стороны, идет противопоставление огня и покойника, как символов жизни (огонь) и смерти (покойник); с другой стороны, огонь является той природной материей, которая «очищает» покойника от влияния злых сил. По нашему мнению, такое отношение к огню в поминальной обрядности у осетин восходит к общеиранской традиции.

Культ огня прослеживается и в поминании «старых» покойников / зæронд мæрдтæ. Так, у осетин за неделю до Нового года / Ног аз устраивается поминание душ умерших – Цыппурс зæронд мæрдтæн. Одной из главных составляющих этих поминок являлись обрядовые костры во дворе и за воротами, жаром которых «усопшие обгреваются» / «зæронд мæрдтæ сæхитавынц». То есть основной смысл этого обряда в том, чтобы души давно ушедших предков получили свою долю огня, той природной стихии, которой они лишены в потустороннем мире. Для осетина нет худшего упрека, чем то, что «твои предки голодают» или «в чем-то нуждаются».

Практически схожий ритуал проводят зороастрийцы до сих пор. Накануне Новруза (иранский новый год) вечером разжигаются костры на крышах домов в честь усопших, которые горят до рассвета [20, 142–143]. Этот обряд имеет, скорее всего, такой же смысл, что и его осетинский аналог, чтобы души умерших предков получили свою долю огня.

Таким образом, представление об огне, как высшей всепроникающей и всеочищающей стихии, слишком глубоко укоренилось в мировоззрении каждого иранца. Помимо очистительной функции, в обрядности иранских народов эта природная стихия представляется как предохраняющая от влияния злых сил материя. Поэтому священный огонь, с одной стороны, не должен касаться покойника, потому что огонь символизирует жизнь, а покойник – смерть. Вот почему в обрядности рассмотренных нами иранских народов пока покойник в доме, огонь не разводят. С другой стороны, в течение трех дней на могиле покойного разводят огонь, выполняющий вышеуказанные функции. Яркое проявление данного действия мы находим у курдов-езидов и осетин, сумевших лучше сохранить свои обряды.

Одним словом, несмотря на многочисленные дифференцирующие факторы (влияние мировых религий, значительные расстояния), которые не способствовали контактам между народами, основа рассматриваемого культа огня в исследуемой обрядности восходит к общеарийской основе. Доказательством этому

является множество параллелей в приведенных погребальных обрядах у всех рассмотренных народов, а в большей степени у курдов-езидов и осетин, сумевших сохранить свои традицион-

ные религиозные воззрения. Рассмотренная обрядность может служить ярким примером родства иранских народов, их происхождением от общего предка.

Использованные источники и литература:

1. Крюкова В.Ю. Зороастризм. СПб.: Азбука, 2005. 288 с.
2. Абаев В.И. Скифский быт и реформа Зороастра // Избранные труды. В 2-х томах. Владикавказ: Ир, 1990. Т. I. С. 25–38.
3. Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране. М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. 133 с.
4. Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. М.: АН СССР, 1959. 268 с.
5. Марданова А. Традиционные похоронно-погребальные обряды таджиков Гиссарской долины (конец XIX – нач. XX вв.). Душанбе: Таджикская АН, 1996. 320 с.
6. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинобад: АН Таджикской ССР, 1958. 247 с.
7. Жизнь и смерть розового племени (огонь в погребальной обрядности). Гл. V. СПб, 2010. 128 с. // [электронный ресурс]. URL: <http://www.kunstkamera.ru>.
8. Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии (ишкашимцы и ваханцы). СПб.: Сборник МАЭ, 1911. 222 с.
9. Рахимов Р.Р. Коран и розовое племя (размышления о таджикской культуре). СПб.: Наука, 2007. 388 с.
10. Авдоев Т. Историко-религиоведческий аспект Езидизма. В 2-х томах. Т. I. М.: Наука, 2000. 275 с.
11. Амине Авдал. Культы и верования курдов-езидов. В 2-х частях. Ч. II. Ереван: Армянская АН, 2006. 136 с.
12. Амине Авдал. Культы и верования курдов-езидов. В 2-х частях. Ч. I. Ереван: Армянская АН, 2006. 35 с.
13. Культы и верования курдов-езидов. В 4-х частях. Ч. IV., 2009. 36 с. // [электронный ресурс]. URL: <http://www.Ezid.ru>.
14. Чибилов Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2008. 600 с.
15. Хетагуров К.Л. Особа // Избранное. Дзауджикау: Ир, 1953. С. 263–309.
16. Салбиев Т.К. Сакральность осетинской надочажной цепи (истоки и семантика культа) // Вестник ВШЦ РАН. Т. 19. № 4. 2019. С. 23–30.
17. Полевой материал автора. Харебов Паата Леванович 1967 г.р.
18. Битиев Б.А. Похоронные обряды в зарисовках М.С. Туганова // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Вып. 15. 2016. С. 129–137.
19. Бесолова Е.Б. Язык и обряд (похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения). Владикавказ: Ир, 2008. 387 с.
20. Бесолова Е.Б. О духовной сущности в воззрениях иранцев и осетин // Известия СОИГСИ. Вып. 34 (73). 2019. С. 139–148.

О ТРАДИЦИОННОМ ШЁЛКОВОМ ПЛАТКЕ (ЦЫЛЛӘ ХЫЗ)

Изготовленные из сырцевой шёлковой нити, скрученной вручную, сеточные вуали *цыллае хыз* (букв. сетка из шёлка-сырца) были треугольной, квадратной и прямоугольной формы в виде широких платков, покрывающих не только голову, но и плечи. Размер ячейки сетки (узла), толщина нити (кручение пряжи) различались, хотя, отмечено, что особо ценились платки с мелкими петлями (клетками), поскольку изготовление их занимало намного больше времени и требовало особой сноровки.

Праздничные (свадебные) платки плелись из натурального светло-бежевого цвета с золотистым отливом некрашенных шёлковых ниток, также плели платки, которые носили женщи-

Шелковый платок.

Коллекция Национального музея РСО-Алания

Шелковый платок.

Коллекция Национального музея РСО-Алания

ны постарше, окрашенные настоем ольховой коры и/или раствором железного купороса в черный цвет. Особо отмеченными признаками, отличающие один платок от другого, являются нанесенный на него орнамент, вышитый на его сетке, и вид обработки краев изделия – выбиралось либо плетеное кружево, либо обрамление бахромой.

Шёлковая сеточная вуаль плелась с помощью собственно шёлковой сырцевой нити, филейного челнока в виде металлической спицы с раздвоенными концами с обеих ее сторон, и закругленной или плоской филейной палоч-

ки и деревянная рама (пяльцы) для натягивания готовой сетки и заполнения ее орнаментом. Весь процесс изготовления шёлкового платка детально описан З.С. Дауровой [1].

Плетеные шали с вышивкой по сетке были известны практически на всей территории Кавказа, например, в чеченском языке они имели название *Хири бой*, букв. осетинская шаль.

Количество и разнообразие лексики и терминологии, связанной с шёлком, подтверждает, что шёлк и изделия из него были известны осетинам издревле. Осетинский язык содержит следующую парадигму: *цыллоэ* шёлк, шёлковые нитки, сырец; *цилле* шёлковый, шелк-сырец; *дари* шёлковая ткань, канаус; *дарий* шёлковая ткань; *зоелдаг* шёлк, шёлковый; *зоелдагсө* шёлк, шёлковая ткань, шёлковый; *зоелы* шёлковый; *изоелу* шёлковый платок; *глази* шёлковая материя; *глеси* дорогая шёлковая ткань; *лоудансө* шёлковый платок; *харсө* шёлковая ткань; *гаернадур* плотная шёлковая ткань; *хуысар* дорогая шёлковая ткань; *хусар* вид шёлковой ткани; *кьуыбарзөелдаг* комковатый сырой шёлк; *хоердгөехуыд хьуымац* парча; *крепдешин* крепдешин; *сатин* сатин; *креп* креп; *атлас* атлас, атласная ткань и т.п.

Лексика шелка этимологизируется в основном на персидской почве. Присутствуют также кавказизмы, русизмы [2, 3, 4].

Итак, к усвоенным из персидского словам относятся: *дари* (обозначает плотную шёлковую ткань, канаус), этимологизируется через перс. *dārāī* род шёлковой материи, которую изготавливали в Иране; *цыллоэ* (обозначает сырой шёлк, шёлковые нитки), идет из перс. (возможно, инд.) *çilla* тетива лука; *харсө* (обозначает плотную шёлковую ткань с волнообразными переливами разных цветовых оттенков), этимологизируется через перс. *xāra* сорт богатого муарового шелка; *хуысар* (дорогая шёлковая ткань), данное наименование шёлка возможно закрепилось в языке во время торговых связей Алании с Ираном, т.к. идет из *xurasan*, букв. хорасанская ткань.

Слова *гаернадур* (тяжелая плотная шёлковая ткань), *глази* (парчовая шёлковая ткань), *крепдешин* (крепдешин), *сатин* (сатин), *креп* (креп), *атлас* (атлас) относятся к русизмам; ср. русск.

Шёлковый платок.

Коллекция Национального музея РСО-Алания

глазет («вид парчи с шёлковой основой и гладким золотым или серебряным узором; ср. русск. *гродетур* «плотная шёлковая ткань»).

Слово *зоелдаг* может обозначать шёлк в целом, шёлковую ткань, и также быть прилагательным шёлковый. Этимологизируется из *zoel-tag*, букв. шёлк и нить. Элемент *зоел* может быть соотнесен с таким обозначением шёлка как *желл*, которое упоминает Марко Поло. Данный корень (*зоел*) следует сопоставить с другими известными названиями шёлка. Напр.: манджур. *sirge*, монг. *sirkek*, лат. *sericum*, венг. *selyem*, русск. *шёлк*, англ. *silk*, причем вторая часть лексемы *зоелдаг* – *таг* имеет иранское происхождение, восходит к **tāka-* < и.е. **tek-* «ткать», «плести».

В языке функционирует следующим образом: *зоелдаг хыз* шёлковая фата; *зоелдаг сөербөеттөен* шёлковый платок на голову; *зоелдаг көелмөерзөен* шёлковый платок; *зоелдаг сасыг* шёлковая косынка; *зоелдаг фөелыст* шёлковый наряд; *зоелдаг дарсөс* шёлковая одежда; *зоелдаг разгом кьаба* шёлковое распашное платье.

Что касается слов *изоелу* и *зоелы*, которые являются синонимами, обозначая «шёлковый платок» или «шелк в целом», то они также содержат корень *зоел*.

Кавказские заимствования, связанные с названиями шёлка, составили: *лоудансө* (вид шёлковой ткани, шёлковый платок). В.И. Аббаев объясняет, что слово состоит из топонима *läwä*

Шелковый платок.

Коллекция Национального музея РСО-Алания

«Лоо» и адыг. *danä* «шёлковая ткань»), таким образом, что получается буквальный перевод «Лоовский шёлк». Одним из торговых пунктов на Черноморском побережье, через которые адыги поддерживали связи с другими причерноморскими странами, был Лоо северо-западнее Сочи. Весь этот район, как известно, до 60-х годов прошлого века был населен адыгскими племенами. В числе других товаров через Лоо поступали к адыгам также шёлковые ткани из Закавказья и Турции.

Известно, что из Крыма поступали сафьян и шёлк, а из Персии — шёлковые, атласные и бархатные ткани. «Из Турции и стран Западной Европы привозили хлопчатобумажные ткани, шёлк, кисею (для женских покрывал), нитки, полотно» [5, 4]. По всей видимости, именно с этим и связаны особенности названий шёлка в осетинском языке.

Лексика, связанная с шёлком, как и то, что она обозначает, появились в момент всестороннего подъема аланской феодальной державы (10-13 века). Известно, что шёлковые ткани различных видов, в том числе и наиболее дорогие, использовали женщины из феодальной знати, а шёлковый платок, разумеется, был обязательной принадлежностью абсолютно каждой обеспеченной женщины.

Ткани из шёлка использовали не только в изготовлении различных бешметов, платьев, головных уборов, но и шили из них постельные принадлежности [3, 294-295].

Словарный пласт, связанный с шёлком, его производством и изготовлением из него различных предметов одежды и быта, еще совсем недавно активно функционировавший в языке, теперь перешел в разряд архаизмов: *цылсеы куыст* шелководство; *цылсегаенæг калм* шелковичный червь; *цылсеуафæн* шёлкоткацкий. В шелководческой лексике осетинского языка словообразующей является лексема *цылсе*.

Известно, что особое место шёлковый платок занимал в свадебной обрядности осетин [6, 100].

В свадебном обрядовом тексте осетин *цылсе коелмæрзæн* «шёлковая шаль» имела апотропейную функцию. Известно, что был распространён и *хауджын цылсе хыз* ажурный свадебный шёлковый платок с длинной бахромой. Б.А. Калоев пишет: «особенно славятся шёлковые орнаментированные платки с длинными кистями (*хауджын калмарзан*), изготовляющиеся осетинками с большим вкусом. Платки эти, наиболее распространённые у северных осетин, носят дома молодые невестки, их надевают, все женщины в торжественных случаях и при гостях» [7, 159].

Широкая шёлковая шаль квадратной формы являлась семейной ценностью осетинской женщины, которую она могла передать своей дочери или невестке. Бытовали и привозные платки из шёлковой материи – *зоелдаг коелмæрзæн*; но, большее распространение получила плетеная гипюровая шаль – *хызы коелмæрзæн*.

Несколько интересных сведений, связанных с шёлковым плетеным осетинским платком, мы находим в сборнике, составленном Л.А. Чибировым, «Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах» [8]. Например, «делая предложение, сваты передают и подарки со стороны жениха невесте (обыкновенно: две пары хороших чулок, полусапожки, галоши, золотое кольцо, **шёлковые платки – большой и маленький**, и затем материя на платье, смотря по состоянию жениха, – шёлковая или кашемир и др.)» [8, 273].

Неотъемлемый атрибут свадебного костюма: «головной убор завершает собою костюмировку. На голову надевается высокая шапка, с околышем в три дюйма ширины, сшитым из

широких серебряных галунов, и с суконным или бархатным верхом. Сверху шапки накалывается тонкая белая кисея, которая, в свою очередь, прикрывается **обширной шёлковой шалью**, спускающейся на лицо всякий раз, как невесте приходится, по обычаю народному, скрывать лицо от пытливых взоров мужчин, за исключением, впрочем, ближайших родственников» [8, 567].

Этнологические исследования В.Б. Пфаффа, в которых имеются подробные описания убранства осетин, говорится и о головном уборе женщин: «голова обыкновенно до плеч покрыта платком. Этим же платком они закрывают лицо до глаз каждый раз, когда приближается к ним посторонний мужчина. Девушки заплетают косы и некоторые завязывают голову **черным шёлковым платком** в виде шарообразной шапки. Более богатые женщины в праздничные дни носят отчасти на голове, отчасти на плечах довольно длинную белого цвета **прозрачную вуаль**» [8, 129].

Исторические источники сообщают о караванах, перевозящих дорогой китайский и согдийский шелка, иранские, сирийские и египетские предметы роскоши, которые проходили по Алании, указывают, что именно в этот период и распространился шёлк, затем и его производ-

ство у алан, которое впоследствии перешло и к осетинам.

«По Алании шли караваны с дорогим китайским и согдийским шёлком, иранскими, сирийскими и египетскими предметами роскоши» [9, 98]. «По трассам Великого шёлкового пути в Аланию поступали товары из Византии, Сирии, Китая, Средней Азии, Ирана, Индии, Египта, соседних стран Кавказа — шёлковые ткани и модная одежда, стеклянная и серебряная посуда, женские украшения и предметы туалета, вина и пряности» [9, 102].

Таким образом, проведенное исследование, привело нас к заключению, что *цымлое хыз* плетенный шёлковый платок:

- был неотъемлемым атрибутом костюма осетинской невесты и выполнял функцию фаты;
- различался формой (четырёхугольной (квадратной или прямоугольной), треугольной), размером, обработкой его краев и вышитым на нем орнаментом;
- изготовлялся из сырцевой нити некрашеного шёлка, скрученного вручную, после чего мог быть окрашен в черный цвет;
- являлся безусловным маркером культурного кода осетин.

Использованные источники и литература:

1. Даурова З.С. Искусство рукоделия Осетии-Алании. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. Гассиева, 2006.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-А.: Издательство АН СССР, 1958. 656 с.
3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л: Наука, 1989. 328 с.
4. Абаев В.И. Из истории слов. Русское и украинское лудан // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М.: Издательство АН СССР. 1963. С.116-119.
5. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. М.: Наука, 1989. 288 с.
6. Абаева Ф.О. Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика). Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2013. 251 с.
7. Калоев Б.А. Осетины (Историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1967. 241 с.
8. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник: в 3 т. Т. 2 / Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева; сост., предисл., примеч. и коммент. Л.А. Чибирова. Изд. 2-е. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. 1224 с.
9. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в.: Учебник для старших классов средней школы. Владикавказ: Ир, 2000. 351 с.

ЛИТЕРАТУРА

З.А. Атарова

ВСЮ ЛЮБОВЬ ДУШИ МОЕЙ...

(О сборнике стихов на русском языке К. Л. Хетагурова 1895 года издания)

За свою короткую, полную лишений и невзгод жизнь Коста оставил богатейшее творческое наследие. Поэт, прозаик, драматург, живописец, режиссер, артист, музыкант, литературный и театральный критик, этнограф, знаток права, страстный публицист, переводчик – во всех этих жанрах проявилась уникальная разносторонность таланта выдающегося творца.

Мало кто знает, что Коста Хетагуров неплохо знал несколько кавказских языков, изучал французский, а своими волнующими стихотворениями и поэмами, написанными на русском языке, еще у своих современников снискал славу известного русского поэта. Его удивительно мелодичные стихи легко ложились на музыку и послужили основой создания музыкальных произведений.

Так случилось, что поэт при жизни издал только две книги своих произведений – сборник стихов на русском языке «Стихотворения» и сборник стихов на осетинском языке «Ирон фаендыр». Издание сборников связано с любопытными фактами. Во-первых, они выходили в непростые для автора времена, когда он отбывал годы ссылки. Во-вторых, оба сборника подверглись жесточайшей цензуре, что принесло автору немало страданий. «Какие мы пережили годы и обстоятельства...», – писал сам Коста в дневниковом наброске 10 мая 1898 года.

Кто знает, как сложилась бы судьба многих

Хетагуров Коста Леванович

Коллекция Национального музея РСО-Алания

произведений Коста Хетагурова, если бы нашлись люди, которые вопреки запретам и цензурным ограничениям смогли сохранить для потомков поэта бесценные реликвии. Осетинский народ бесконечно благодарен каждому человеку, кто поддержал Коста в сложные для него времена.

В этом небольшом повествовании мы хотим с большой благодарностью рассказать о тех из них, кто сумел сберечь для нас первый прижизненный сборник стихов Коста Хетагурова на русском языке с автографами автора («Коста. Стихотворения»). Издание газеты «Северный Кавказ», губ. г. Ставрополь, 1895 г.).

Как известно, многое из наследия К.Л. Хетагурова не сохранилось до наших дней, в том числе и рукописный материал. Поэтому сложно представить, насколько обеднели бы наши представления о масштабах творчества поэта, если бы не сохранился сборник стихов на русском языке с автографами автора.

Волею судьбы К.Л. Хетагуров с середины февраля 1893 года до начала ноября 1897 года жил в г. Ставрополе. Это были годы первой ссылки, которую он отбывал за открытое выступление против закрытия первой Владикавказской Ольгинской женской школы. Коста стал вдохновителем этой борьбы. Высоко оценивая деятельность школы и ее общественную значимость, он от имени осетинской и русской интеллигенции города написал по поводу ее закрытия протест обер-прокурору святейшего синода Победоносцеву. В письме никаких резких выражений не содержалось, но все же сам факт отправления письма и страх перед недовольством общественности стали поводом для распоряжения начальника Терской области выслать К.Л. Хетагурова в Баталпашинский уезд Кубанской области («за подстрекательство живущих во Владикавказе осетин к подаче неправильных прошений и незаконных адресов»).

Так Коста Хетагуров начал свой творческий путь, как многие передовые люди его эпохи, маршрутом в ссылку.

Самым значительным событием жизни и деятельности К.Л. Хетагурова в Ставрополе была

деятельность в газете «Северный Кавказ». Начал он работать в качестве секретаря редакции, осуществлял руководство многими ее делами, выполняя, по сути, обязанности редактора. Очень скоро на страницах газеты при его непосредственном участии усилилась публикация литературно-критических статей и художественных произведений, значительно изменился курс газеты, которая не боялась публиковать статьи социально-политического значения. Все это послужило причиной роста огромной популярности газеты на всем Северном Кавказе.

За первые три года жизни в Ставрополе Коста опубликовал большинство написанных им на русском языке произведений. Среди них лирические и философские стихотворения, поэмы, пьеса. Все они, в большинстве своем начатые еще во Владикавказе и Карачае, находили живой отклик среди читателей газеты.

Итогом поэтической деятельности Коста Хетагурова на русском языке явился сборник его произведений, изданный в конце 1895 года в Ставрополе под скромным заголовком «Коста. Стихотворения». Сборник был подготовлен поэтом по предложению газеты «Северный Кавказ».

В творческом наследии Коста более ста пятидесяти произведений на русском языке, но в сборник вошли только пятьдесят стихотворений и три поэмы: «Фатима», «Перед судом» и «Се человек». Цензура запретила публикацию в нем поэмы «Кому живется весело?», а из разрешенных к печати произведений изъяла сто девяносто шесть строк

Вероятно, по тем же цензурным соображениям сборник не удостоился ни одной печатной рецензии. Но редакция «Северного Кавказа» по-иному подошла к оценке книги. Задолго до ее выхода в свет на страницах газеты появились извещения: «По случаю десятилетия газеты «Северный Кавказ» всем годовым подписчикам в 1895 году будет выдан бесплатно «Сборник стихотворений Коста», «На днях выйдут из печати и будут разосланы годовым подписчикам «Стихотворения Коста».

Когда книга была уже издана, газета до середины февраля 1896 года неутомимо сообщала

читателям: «Вышли из печати «Стихотворения Коста». Цена экземпляра в отдельной продаже 1 рубль, в изящном переплете – 1 рубль 40 копеек. Обращаться в типографию «Северный Кавказ». Несмотря на жесткий произвол цензуры, первая книга произведений Коста Хетагурова была в короткий срок раскуплена и стала большой библиографической редкостью.

Рассылая книгу подписчикам, редакция газеты «Северный Кавказ» была вынуждена опубликовать пояснение: «К сожалению, по независящим от редакции обстоятельствам, сборник не мог выйти в том объеме, составе и к тому времени, как предполагалось». Приученный царской цензурой к эзоповскому языку, читатель прекрасно понял, в чем дело. Коста, который был противником любого вмешательства в его творческий процесс и, тем более, протестуя против цензурных искажений, мог даже сжечь книгу. Но, к счастью, он нашел другой выход – стал рассылать сборник своим многочисленным друзьям с собственноручным восполнением пропущенных строк.

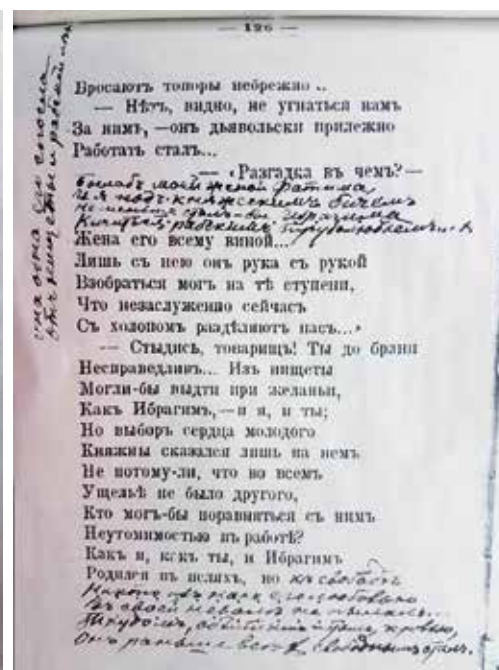
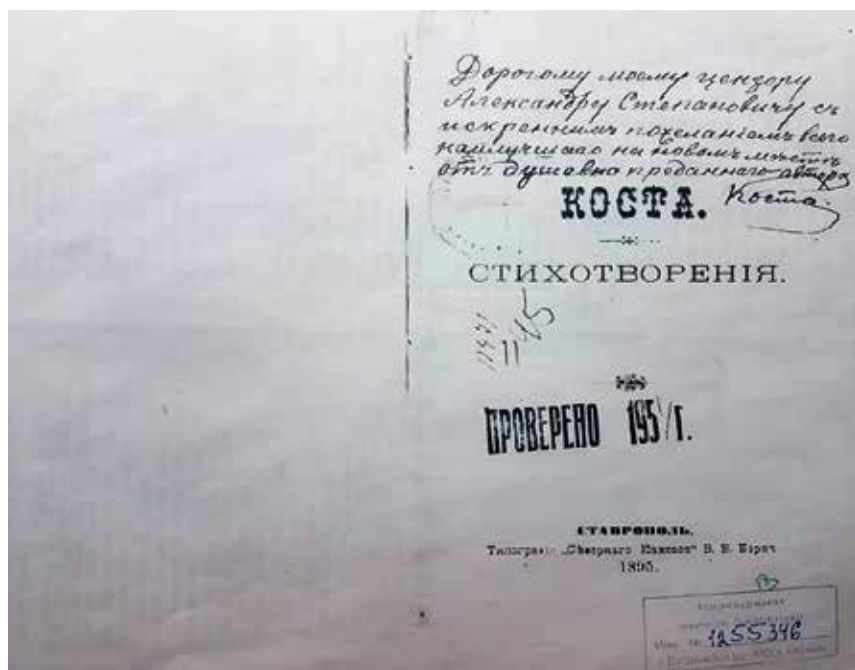
Тираж сборника «Стихотворения. Коста» 1895 года издания точно не известен. Скорее всего, он был не очень большой. Не ведомо нам и то,

сколько экземпляров сборника с автографами Коста сохранилось. На сегодняшний день удалось пока выяснить судьбу трех, чудом сохранившихся, экземпляров, с каждым из которых связана интересная история.

История первая

В фондах Музея осетинской литературы им. К.Л. Хетагурова хранятся два экземпляра сборника «Стихотворения. Коста»: один в мягком переплете (тот самый, который за 1 рубль) и в «изящном» переплете (за 1 рубль 40 копеек). Последний – с автографами Коста, выполненными красными чернилами. Книга была приобретена в 1955 году у некоей гражданки Погосовой Анастасии Григорьевны (в девичестве Пашковской), проживающей в то время в г. Кисловодске по адресу: ул. Урицкого, дом 6, кв. 27. Скупые сведения, занесенные в КП (Книга поступлений) фондов музея, долго не давали покоя, вызывая живой интерес к истории сохранения книги.

Загадка разрешилась, можно сказать, сама собой, когда в юбилейный 160-й год со дня рождения поэта летом 2019 года в Музей осетинской литературы им. К.Л. Хетагурова зашли гости из Германии. Это оказались дорогие гости

– внук той самой А.Г. Погосовой (Пашковской) Александр Делятицкий с супругой и внучкой. Каково же было удивление сотрудников музея, когда гости озвучили цель своего визита. Их интересовала судьба одной маленькой книжки, которую когда-то их семья подарила музею. Речь шла о том самом сборнике стихов на русском языке «Стихотворения. Коста» 1895 года, изданном в г. Ставрополе. Александр Делятицкий и поведал нам историю сохранения книги со слов своей бабушки.

Будучи юной девушкой, Анастасия проживала с родителями в г. Ставрополе. Она увлекалась поэзией, посещала выставки и различные музыкальные вечера.

Коста Хетагуров, как и во Владикавказе, очень быстро вошел в круг интеллигенции города и с присущей ему энергией отдался самым разным общественным делам. Он был активным членом городского кружка изящных искусств, часто выступал на вечерах с чтением своих произведений, организовывал музыкально-литературные вечера.

На одном из таких вечеров и свела судьба юную Анастасию Пашковскую с очень популярным уже тогда в Ставрополе поэтом и художником Коста Хетагуровым. При каких обстоятельствах книга была подарена бабушке, Александр Делятицкий уже не вспомнил. Но сам факт дарения книги с автографами красноречиво говорит о том, что поэт относился с доверием и большим уважением к юной любительнице поэзии.

Не зря говорят, кто ищет, тот всегда найдет. Мы бы добавили: кто упорно идет к цели, тому и провидение помогает. Одна из улиц старого Владикавказа, того самого, который помнит Коста, носит имя Юрия Гавриловича Пашковского (1889–1918) – активного участника революционных событий на Тереке, в 1918 году – председателя Терского областного совета, комиссара земледелия, председателя Совнаркома Терской Республики. Осенью 1918 года он вместе с другими большевиками был расстрелян контрреволюционерами в станице Змейской.

Ю.Г. Пашковский оказался не кем иным, как

Анастасия Григорьевна Пашковская-Погосова (1883–1978 гг.) с дочерью

родным братом Анастасии Григорьевны Погосовой-Пашковской. Вот так семья Пашковских оставила яркий след в истории и культуре Осетии.

История вторая

История второго экземпляра сборника стихов на русском языке с автографами К.Л. Хетагурова тесно связана с семьей Цаликовых, которая дружила и поддерживала Коста на протяжении многих лет, бережно сохранила часть культурного наследия великого поэта, художника и гуманиста.

Вскоре после смерти поэта отец Александр (А.И. Цаликов) передал некоторые его неопубликованные произведения и письма Гуго Дза-

сохову, который в 1909 году издал книгу «Коста Хетагуров. Критико-биографический очерк».

В мае 1921 года Е.А. и Ю.А. Цаликовы по своей инициативе безвозмездно передали Осетинскому историко-филологическому обществу хранившиеся у них рукописи, письма и картины К.Л. Хетагурова.

С некоторыми материалами, связанными с именем Коста Хетагурова, семья Цаликовых долгое время не готова была расстаться. Одним из таких дорогих предметов был сборник стихов на русском языке с автографами и дарственной надписью Юлиане Александровне Цаликовой, выполненной автором.

И только в 1936 году, спустя три года после смерти Юлианы Александровны, Елена Александровна решилась передать через Сармат Косирати в дар Северо-Осетинскому НИИ сборник стихотворений К.Л. Хетагурова на русском языке, изданный в г. Ставрополе в 1895 году. На титульном листе сборника рукой поэта было написано: «Дорогой Юлиане Александровне от непутевого автора. Коста. 12 августа, г. Херсон». Сборник был послан 13 августа 1899 года из Херсона, где Коста отбывал вторую ссылку.

История третья

«В филиалах Дворца книги обнаружена уникальная находка ...» – под таким сенсационным заголовком появилась статья в газете «Симбирский курьер» 27 марта 2004 года (№№ 44–45). Речь шла об экземпляре книги стихов на русском языке Коста Хетагурова, изданной в 1895 году.

Вот уж поистине, не бывает в жизни случайных событий. Рано или поздно настоящее, вечное становится достоянием народа. Иначе как объяснить тот факт, что книга простояла на полках Дворца книги в Ульяновске (в прошлом г. Симбирск) по меньшей мере, около 100 лет и была, наконец, замечена в год 145-летия со дня рождения автора, великого классика осетинской литературы, человека Мира Коста Хетагурова.

Как же это произошло? В фондах Дворца книги г. Ульяновска около трех миллионов книг, все они учтены, но, как это часто бывает, не до

каждой доходят руки. И кто знает, сколько десятилетий пролежал бы еще сборник Коста на полке, если бы не такие замечательные творческие люди, как библиотечкарь Лариса Матвеевна Брюхович. Ко времени обнаружения книги она уже была давно на пенсии и работала в Фондах Дворца книги на общественных началах.

Много лет Лариса Матвеевна собирала автографы, дарственные надписи, оставленные в книгах известными людьми. В ее коллекции насчитывалось более 60 автографов. Как рассказывала Лариса Матвеевна, она искала очередной автограф и пересматривала книги на букву «И», рука сама собой потянулась к «невзрачному корешку» (как оказалась книга на полке с буквой «И», тоже загадка). Открыв небольшую книжечку, библиотечкарь ахнула, на первой странице стоял автограф Коста Хетагурова и его дарственная надпись: «Дорогому моему цензору Александру Степановичу с искренними пожеланиями всего наилучшего на новом месте от душевно преданного автора. Коста». Дальше открывалось самое интересное. На страницах книги к стихам были вручную дописаны целые строфы, восьмистишья, аккуратно приклеены бумаги, на которых также был рукописный текст.

Началась поисковая работа. Чьей рукой были сделаны дополнения, кто такой Александр Степанович – вопросы требовали ответов. Одно было ясно сразу: почерк правок совпадал с дарственной надписью. Следовательно, это рука автора. Оставалось выяснить, кто же тот человек, которому с таким трепетом Коста подарил свой сборник, да еще и с автографами.

После достаточно кропотливых поисков Лариса Матвеевна вычислила, что Александр Степанович – это губернатор Симбирска с 1911 по 1916 годы Ключарев. С 1893 по 1901 годы он служил вице-губернатором Ставрополя, затем отправился на новую работу в Витебскую губернию. Видимо, в это время поэт и подарил ему свою книгу. Непонятно только, почему («как цензору»), но ясно, что Коста Хетагуров очень доверял этому человеку, если мог преподнести свой запрещенный сборник.

Без сомнения, для Дворца книги г. Ульянов-

ска такая находка оказалась сенсационной: книга с восстановленными рукой автора текстами приобретает статус рукописи. А рукопись, как известно, – вещь бесценная. Поэтому библиотекари Дворца книги и мысли не допускали о передаче сборника стихов Коста Хетагурова в Осетию. Но сообщить об уникальной находке Северо-Осетинскому НИИ и Республиканской научной библиотеке поспешили сразу.

Мы очень благодарны сотрудникам Дворца книги г. Ульяновска, особенно Ларисе Матвеевне Брюхович, за невероятную находку, большую поисковую работу и трепетное отношение к наследию К.Л. Хетагурова.

В заключение хочется выразить надежду на то, что поиск следующих экземпляров сборника и других материалов наследия Коста Хетагурова будет продолжен и мои истории на этом не закончатся.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ

Тотальный характер глобализации в современном мире и значительная трансформация российского социокультурного пространства на рубеже XX–XXI вв. заставляют по новому взглянуть на роль и место в культурной жизни страны такого значимого института как музей.

Актуальность предлагаемой статьи, которая носит теоретический характер, в значительной степени определяется прикладными задачами, поиском форм и методов работы современных музеев, многие из которых не преодолели шоковой ситуации конца 90-х годов, не выработали концепции развития и находятся в полном смысле слова всё ещё «на перепутье».

Сегодня мы можем говорить, что музей, как устойчивый и динамичный феномен социокультурного развития, прошёл длительный исторический путь и в различные периоды был и остаётся институтом, для которого сохранение социальной памяти и передача социального опыта являются имманентным. Аксиоматично утверждение, что музей – это хранилище культурного наследия и научно-исследовательский институт, «храм искусства и науки», но также аксиоматично, что к началу XXI в. музейный мир претерпел значительные изменения и сегодня подобные определения недостаточны для формирования нового имиджа музея и его места в современной социокультурной жизни общества.

Музей представляет собой сложный и много-

плановый феномен, являясь отражением определённой социокультурной ситуации и, отражая происходящие в обществе и культуре кардинальные изменения, также переживает существенные трансформации. Появление новых типов музейных учреждений уже во второй половине XX в. позволяет говорить, что сложившиеся на рубеже XIX – XX вв. традиционные музейные формы, перестают соответствовать меняющейся культурной ситуации и требуют пересмотра музейной модели и поисков музейных форм, соответствующих новым музейным потребностям и ожиданиям. Следствием меняющихся запросов посетителей является не только количественный и качественный рост музеев, но и определённые тенденции их развития в целом.

В условиях тотальной глобализации и агрессивного вторжения информационных технологий в повседневную жизнь музей выступает не только хранителем культурного наследия и исторической памяти, но и служит каналом межкультурной и межличностной коммуникации, осуществляя трансляцию культурных смыслов и ценностей; своеобразным инструментом оформляющим и поддерживающим в историческом контексте процессы общения и взаимодействия различных культур.

В формирующейся модели современного музея активным фактором передачи социально и культурно значимой информации от поколения к поколению служит коммуникация.

Появление понятия «коммуникация» относится ко второй половине XX в. и в настоящее время является одним из ключевых в социогуманитарном знании, широко употребляемым в социологии (массовая коммуникация), в психологии (межличностная коммуникация), в этнографии (межэтническая коммуникация), в образовании между обучающим и обучаемым и в сфере искусства между создателем художественного произведения и его «потребителем». Но о какой бы форме коммуникации не шла речь, в том числе и о музейной, этому процессу всегда присущи: информация (сообщение или текст), понимание как рациональное, так и чувственное, которое является целью коммуникации и технология, позволяющая эффективно с точки зрения понимания эту информацию транслировать.

Первая попытка осмысления изменений феномена музея в контексте развития массовой коммуникации была предпринята известным канадским музеологом Д. Камероном. Работа Д. Камерона «Музей: храм или форум» опубликованная во второй половине XX в. впервые определила острую и актуальную дилемму развития музейного мира и предсказала его развитие в перспективе [1, 259–275]. Модель реализации коммуникационного процесса в музее, предложенная Д. Камероном, выглядит следующим образом: адресант (экспозиционер) → посредник (музейный предмет) → адресат (посетитель).

Попытка исследования механизма основного канала коммуникации в музее – музейной экспозиции – была предпринята английской исследовательницей А. Хупер-Гринхил в статье «Новая модель коммуникации для музеев» [2]. Рассматривая экспозицию как знаковую систему, она сосредоточила внимание на постоянно происходящем процессе генерирования культурных значений, которые не просто передаются от адресанта к адресату, но конструируются адресатом (посетителем) на основе собственного опыта, знаний конкретного контекста и даже настроения. Вместо предложенной Д. Камероном модели она предложила свою интер-

претацию – диалоговую: упряжка коммуникаторов (музейные работники) → среднее значение (музейные предметы) ↔ активные создатели смыслов (посетители). В модели А. Хупер-Гринхил передача информации в музее выступает как способ установления отношений «человек – человек», «человек – общество» с помощью существующих в культуре кодов. Восприняв сигнал, посетитель – адресат выделяет сообщение. Процесс этот всегда детерминирован не только самим сигналом и имеющимися в культуре кодами, но и имеющимся у адресата культурным и информационным багажом и личным опытом. Предложенная модель объясняет возможность разного восприятия одной и той же экспозиции, даже одним и тем же посетителем. Её отличительной особенностью является уравновешенность исходных позиций всех участников коммуникации (даже разделённых во времени и пространстве). Трактовка посетителя как носителя определённой информации требует самостоятельности его восприятия, которое может не совпадать с осмыслением профессионала и для достижения взаимопонимания между ними необходим диалог, направленный на выработку общего мнения. В результате однонаправленность и монологическое воздействие экспозиции музея на аудиторию уступает место диалогу, как коммуникации. Чтобы коммуникация состоялась совокупность смыслов, заложенных музейным работником, должна совпадать с совокупностью смыслов, сконструированных посетителем и чем шире это пространство, тем более успешной является коммуникация.

Заслугой коммуникативного подхода является обращённость музея к человеку. Музейная коммуникация перемещает музейное сообщение из области «декларации» и монолога в область диалога. Среди отечественных исследователей наибольший вклад в разработку данного подхода внёс Н.Д. Гнедовский.

Характеризуя коммуникативный подход в музееведении Н.Д. Гнедовский выделяет следующие принципы:

1. гуманитарный, антропологический, который ставит во главу угла человека, поскольку

логика коммуникации предполагает движение «от субъекта», а не «от вещи» (и потому не допускает априорной активизации музейного предмета);

2. культурологический, предполагающий, что используемые в процессе знаки и символы существуют в поле культурных значений и символов, где субъекты, включённые в коммуникацию, выступают как носители культурных позиций и норм, а музейные предметно-пространственные «послания» – как культурные тексты;

3. диалектический, предполагающий участие, как минимум двух, а возможно и более субъектов, обладающих разной культурной позицией и вступающих в межкультурный диалог, а возможно и полилог. Конструктивным звеном музейной коммуникации является «разность культурных потенциалов или культурно-историческая дистанция»;

4. аксиологический, который основывается на том, что межкультурное общение является по сути ценностным. Ценностный аспект музейной коммуникации является приоритетным, а иные аспекты (передача информации, образование, обучение и др. выступают, как подчинённые) [3].

Процесс музейной коммуникации является многоаспектным и достаточно разноплановым. Его активность связана, в том числе и с развитием в современном музее музейной педагогики, где особое внимание уделяется сотрудничеству и сотворчеству музейных педагогов и посетителей с использованием уникальных возможностей музейной среды. В музейной педагогике разрабатываются специальные адресные программы, имеющие чёткие цели и задачи и направленные на различные группы посетителей. Значительным коммуникационным потенциалом обладает и издательская деятельность музея.

Анализируя трансформирующуюся роль музея в современном обществе нельзя не обратить внимание на развитие и интерпретацию такого понятия, как «культурное наследие». Происходящая в обществе переоценка ценностей заставляет пересмотреть отношение к культур-

ному наследию и проблематизирует привычные способы его интерпретации. Появление в музейном мире многочисленных новых типов музейных учреждений, сфера деятельности которых выходит за рамки устоявшихся направлений музейной работы (комплектования, консервация, экспонирование) вызвано не только поисками путей обновления музейного мира, но и усложнением самого понятия «культурное наследие». В современном понимании оно распространяется не только на движимые объекты, т.е. музейные предметы и коллекции, но и на те объекты, к которым ранее не применялось (недвижимые объекты культурного наследия и духовное наследие). Словарь актуальных музейных терминов определяет понятие «культурное наследие», как совокупность объектов культуры и природы, отражающих этапы развития общества и осознаваемых социумом, как ценности, подлежащие сохранению и актуализации. Одной из актуальных форм, выработанных человечеством для сохранения и трансляции культурного и природного наследия, является музей [4, 54]. Пересмотр отношения к культурному наследию, формирование понимания ценности наследия, как неделимой целостности и требование сохранения этой ценности обусловили значительное расширение музейного мира и появление новых музейных форм и музеефицированных культурных объектов. Во второй половине XX в. формой сохранения и актуализации культурного и природного наследия стали музеи-заповедники. Современный этап развития музейного мира характеризуется значительным расширением объектов культурного наследия. Активное обращение музея к сохранению и интерпретации среды вызвало к жизни множество форм и типов музейных учреждений. В сферу интересов музея включаются архитектурные ансамбли, формируются музейные кварталы, появляются тенденции к формированию небольших экспозиций в самых различных учреждениях (в магазинах, аптеках, фотоателье). Одной из перспективных форм развития музеев становятся исторические парки и объекты духовного наследия. «Говорить о наследии – значит, прежде

всего, иметь в виду изучение, описание, интерпретацию, как материальных, так и нематериальных объектов», – пишет М. Беллег-Скальбер [5, 5]. Отечественный музеолог Е.Мастеница считает, что расширяющийся музейный мир следует рассматривать, как часть действительности, обладающей признаками музейности [6].

Изменение музейного мира сопровождается изменением и музейной архитектуры. Наряду с эпатажными, претендующими на статус градостроительной доминанты проектами присутствуют мнения согласно которым музей должен

стать «меньше, индивидуальнее и дешевле... Огромные дворцы, властвующие над кварталами и городами, не показывают наши души, наоборот – они их стесняют. Человеку ближе идея скромного музея, который превратит квартал, улицу, дома, магазины, – словом, всё вокруг, – во фрагмент музея!» [7. С. 5-6]

Исходя из вышеизложенного, Национальный музей Республики Северная Осетия–Алания в перспективе имеет возможность альтернативных путей развития, варианты которых будут рассмотрены автором в последующих статьях.

Использованные источники и литература:

1. Камерон Д. Музей: храм или форум // Музейное дело: музей – культура – общество. М., 1992.
2. Музейное дело России. // Под ред. М.Е. Каулен. М.: Издательство «ВК», 2003.
3. Гнедовский М.Б., Дукельский В.Ю. Музейная коммуникация, как предмет музееведческого исследования // Музейное дело: музей – культура – общество. М., 1992.
4. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5.
5. Беллег-Скальбер М. Участие населения в работе экомузеев // Museum 1985. № 4.
6. Мастеница Е. Музейный мир в 21 в.: векторы развития // Музей в мире культуры. Мир культуры в музее. СПб., 2015.
7. Памук О. Мой скромный манифест для музеев // Материалы первого форума литературных музеев. М., 2013.

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

А.А. Цуциев, Ю.В. Гуккаев

ДВА САБЕЛЬНЫХ КЛИНКА В ОРУЖЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

В собрании оружия Национального музея Республики Северная Осетия–Алания (г. Владикавказ) хранятся два сабельных клинка, связанных своим происхождением с Венгрией. Поскольку они не опубликованы и не известны исследователям оружия, музейным работникам и историкам России и Венгрии, мы решили посвятить статью данным предметам.

Первая сабля (КМСО № 701) была передана в дар музею 14 мая 1948 года крупным советским военачальником, дважды Героем Советского

Союза, генералом армии Исса Александровичем Плиевым. Уроженец Осетии, И.А. Плиев в годы Второй мировой войны командовал кавалерийской дивизией, гвардейским корпусом, конно-механизированной группой. В Будапештской и Пражской операциях командовал крупными воинскими формированиями СССР. По имеющимся в музейных документах сведениям, данная сабля была привезена генералом И.А. Плиевым из Венгрии в качестве военного трофея.

Сабля представляет собой клинок средней кривизны с одним широким долом. Длина сабли в ножнах – 103,5 см, клинок – 84 см, ножны – 87,5 см (рис. 1, 2). На обеих сторонах клинка выполненные травлением рисунки. Сабля представляет собой клинок средней кривизны с одним широким долом. Длина сабли в ножнах – 103,5 см, клинок – 84 см, ножны – 87,5 см (рис. 1, 2). На обеих сторонах клинка выполненные травлением рисунки.

Рис. 3

Сторона 1.
Профильный погрудный портрет господаря Трансильвании в парадном облачении с подписью на латыни в четыре строки: GEORGIVS RAKOSI DO (ошибка, должно быть: DG «Dei Gratia», – авт.) PRINCEPS TRANSVLV. Ниже изображение солнца и звезд (рис. 3)

Рис. 5

Аналогичные портреты известного правителя Трансильвании Дьердя (Георгия) Ракоци, сопровождаемые титулатурой, известны по монетам времени его правления (рис. 4,5).

Рис. 6

Сторона 2.
Герб Трансильвании. Латинская надпись в три строки: SOLI DEO GLORIA, под ней дата – ANNO DOM 1634. Завершает композицию изображение месяца и звезд (рис. 6).

Рис. 4

Клинок оформлен серебряным эфесом с пышным растительным орнаментом на рукояти и цветочной розеткой на перекрестье (рис. 7). На покрытых бархатом ножнах имеются три серебряных накладки, выполненные в той же стилистике (рис. 2). Представляется несомненным более позднее происхождение прибора сабли – деко-

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Сторона 1.
Изображение парящей на облаках девы Марии с младенцем на руках.
Под ним латинский текст в три строки: PATRONA HUNGARIA VIRGO MARIA.
Ниже – государственный герб Венгрии (рис. 10).

ративных рукояти и ножен. На наш взгляд, их можно датировать началом XX в.

Второй клинок (КО № 1737/6) – по способу ношения, оформлению рукояти и ножен классифицируется как кавказская шашка. Она была передана в дар музею 20 октября 1962 года М. Цамаговым, участником революционных собы-

тий и гражданской войны на Кавказе в 1917–1920 гг.

Клинок имеет среднюю кривизну, один узкий и один широкий дол. Длина шашки в ножнах – 94,7 см, клинка – 74 см, ножен – 77,5 см. Обе стороны клинка имеют выполненные травлением изображения, сохранившие остатки позолоты (рис. 8,9).

Сторона 1.
Изображение парящей на облаках девы Марии с младенцем на руках. Под ним латинский текст в три строки: PATRONA HUNGARIA VIRGO MARIA. Ниже – государственный герб Венгрии (рис. 10).

Рис. 10

У самой рукояти в рамочке-картуше надпись «Eisenhauer» – фабричный знак известной фирмы в Золингене (рис. 11).

Клинок шашки помещен в деревянные ножны, обтянутые черной кожей, с четырьмя металлическими обкладками, богато украшенными густым растительным орнаментом, выполненным золотой насечкой по металлу. Аналогично декорирована рукоять шашки.

У самой рукояти в рамочке-картуше надпись «Eisenhauer» – фабричный знак известной фирмы в Золингене (рис. 11).

Данный тип клинков является копированием популярных на Кавказе, в России и в Европе в целом венгерских сабель XVIII века. Поскольку подлинные венгерские клинки встречались чрезвычайно редко, спрос на них удовлетворяли германские производители в XIX в. Наш экземпляр является высококачественной немецкой подделкой известного венгерского «бренда». На Кавказе эти красивые и качественные немецкие копии оформлялись в весьма дорогие кавказские ножны местной работы и пользовались

Рис. 11

большой популярностью. В фондах Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург) хранится весьма похожая шашка (в частности, клинок), принадлежавшая брату российского императора Николая II, Великому князю Михаилу Александровичу (РЭМ № 5181–2).

Сторона 2.
Скачущий на коне гусар с обнаженной саблей в руке, под ним в две строки латинский текст: PRO DEO ET PATRIA. Ниже гусара протравлено изображение шестиконечного креста, еще ниже латинская надпись в три строки: PRO PATRIA ET LIBERTATE VITAM (рис. 12).

Рис. 12

В заключение отметим, что венгерские клинки всегда пользовались чрезвычайной популярностью и «авторитетом» на Кавказе, в первую очередь благодаря своим боевым качествам. К наиболее популярным из них можно отнести клинки с изображением трансильванского узла, фигурами гусара и пандура.

ПЕРСОНАЛИИ

И.Т. Марзоев

О МАХАРБЕКЕ ТУГАНОВЕ

Махарбек Сафар-Алиевич ТУГАНОВ

(род. 16 сентября 1881 – ум. 4 июля 1952), живописец, график, художник театра, книги, собиратель и исследователь народного творчества, педагог. Основоположник реалистического изобразительного искусства и профессионального художественного образования в Осетии.

Семья Махарбека Туганова принадлежала к передовой осетинской интеллигенции середины XIX в. Его отец Сафар-Али Аслан-Гиреевич Туганов (1849–1894), получил образование в Ставропольской классической гимназии. Для продолжения своей учебы выехал в Германию, успешно прошел курс по сельскохозяйственному отделению факультета естественных наук Боннского университета и стал первым в Осетии профессиональным ботаником и агрономом [1, 491]. Мать – Асият Гацыровна Шанаева (ум. в 1907 г.), была дочерью известного деятеля осетинской культуры второй половины XIX в. Гацыра Текаевича Шанаева.

Представляя привилегированное сословие Дигорского общества Северной Осетии, Тугановы имели тесные взаимоотношения с российской территориальной администрацией на Северном Кавказе. Представители этой

Махарбек Сафар-Алиевич Туганов.

Коллекция художественного музея
им. М.С. Туганова

**Махарбек Сафар-Алиевич Туганов,
Асият Гацыровна Шанаева.**

*Коллекция художественного музея
им. М.С. Туганова*

фамилии упоминаются в документах Российского государства уже со второй половины XVIII в.

Один из предков Махарбека, Казихан Исламбиевич Туганов, значится в числе выборных старшин от дигорского народа, обратившихся в 1816 г. с письмом к главнокомандующему войсками в Грузии генералу от инфантерии Н.Ф. Ртищеву о принятии ими присяги на верность России [2, 431].

В «Отзыве осетинских и ингушских старшин о работе игумена Григория в качестве миссионера в Северо-Кавказской комиссии» (1766–1783 гг.) упоминается его сын, «князь Афай Туганов» [3, 87–88].

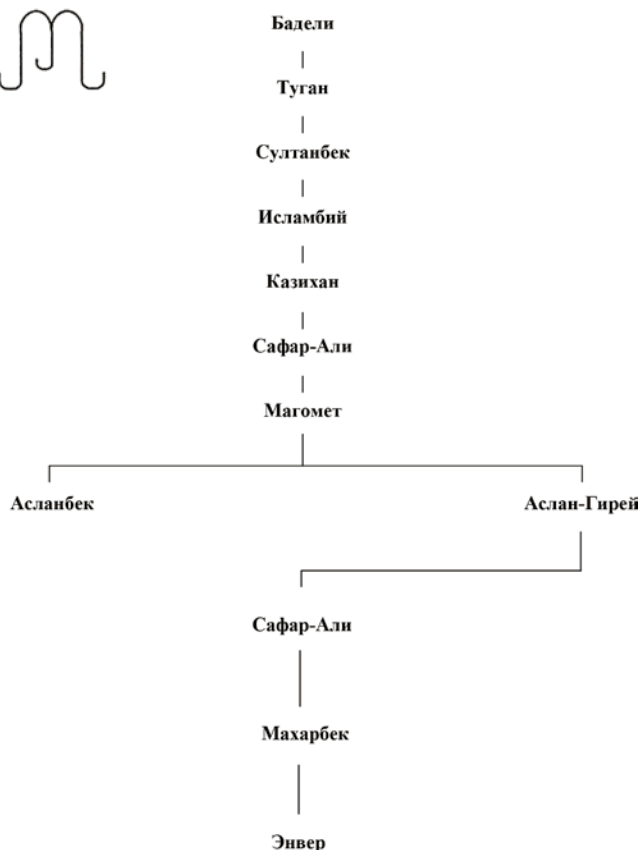
О прадеде Махарбека Туганова, Магомете Сафар-Алиевиче, говорится в рапорте генерал-лейтенанта Глазенапа на имя князя Цицианова от 30 мая 1804 г.: «Дигорский осетинский старшина Мухомед Туганов, явясь ко мне, просил конвоя к безопасному выводу его подданных на переселение к Яраште. Я имея повеление высшего сиятельства, нарядил назначенный отряд с 200 казаками под командою генерал-майора Дегтярева и который ... выступит за Малку будущего июня месяца» [4, 47].

Дед Махарбека, Аслан-Гирей Магометович Туганов (1809–1863), ротмистр [5, 349]. Значится в этом звании в «Списке штаб, обер-офицеров и юнкеров Военно-Осетинского округа» от 27 сентября 1860 г. [6, 54–66]. Службу начал оруженосцем в Лейб-гвардии Кавказско-Горского полускадрона 12 октября 1838 г. Приказом № 665 от 1841 г. произведен в юнкеры, затем в корнеты – 4 сентября 1842 г. [7, 36].

В «Списке штаб и обер-офицерам из азиатцев ведомства начальника Центра Кавказской линии, числящимся и не числящимся по кавалерии, не занимающих никаких должностей, но пользующихся содержанием от казны, а также вдовам, получающим пенсии» за 1846 г. значится Аслан-Гирей Туганов, из дигорских старшин, проживающий в Дигории: «Имеет золотую медаль с надписью «За усердие» на Анненской ленте. В настоящий чин корнета произведен за усердие по службе Высочайшим приказом от 4 сентября 1842 г. Состоит по кавалерии. Хорош во всех отношениях» [8, 42 об. – 43].

В 1850 г. в числе дигорских чиновников и старшин штабс-ротмистр Туганов был представлен на встрече с Его Высочеством Наследником Александром Николаевичем [9, 5].

Старший брат его деда, Асланбек Магометович Туганов (1804–1869), генерал-майор, один из выдающихся представителей осетинской военной интеллигенции. Значится в этом звании в «Списке штаб, обер-офицеров и юнкеров Военно-Осетинского округа» от 27 сентября 1860 г. Служил в Собственном Его Императорского Величества конвое [10, 54 – 66].

В восьмилетнем возрасте Махарбека отдали на обучение в частный пансион учительницы Серебряковой во Владикавказе для подготовки к поступлению в Реальное училище. Затем он два года занимался с частным преподавателем Кизером, после чего успешно выдержал экзамены во Владикавказское реальное училище и был зачислен на первый курс. Окончил он его в 1899 г.

С 1901 г. по 1905 г. учился в Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге у великого русского художника И.Е. Репина.

В 1905 г. уехал в Германию, в Мюнхен, где находилась широко прославленная в Европе художественная школа профессора Антона Ашбэ.

Завершив художественное образование за границей, в 1907 г. М. Туганов вернулся на родину и открыл во Владикавказе художественную студию. Изучая осетинский национальный фольклор, на его основе создал целую серию интересных графических и живописных работ.

**Махарбек Сафар-Алиевич Туганов,
Мисирхан Амирхановна Туганова.**

*Личный архив
Дженгиза Магомедовича Туганова*

Перу М.С. Туганова принадлежит большое количество ценных исследований по этнографии и истории искусства осетинского народа: «Дигорские сказания», «Кто такие нарты?», «Осетинские народные танцы», «Скованный Прометей» и др.

В 1914 г. Махарбек Туганов вывез в Вену около 50 своих картин на нартовские темы, планируя издать их в виде альбома, но началась Первая мировая война, а работы бесследно исчезли. Часть работ художника погибла в январе 1919 г. во время разгрома его дома большевиками. Пропали художественные работы, исторические документы, ценнейшие записи фольклора, фа-

Махарбек Сафар-Алиевич Туганов.

*Личный архив
Дженгиза Магометовича Туганова*

мильный архив. Многие картины и созданные им портреты исчезли или были уничтожены «по политическим соображениям» в 30-х гг. в период массовых репрессий.

Отдельный пласт биографии Махарбека Туганова связан с его проживанием в Баку в 1924–1926 гг. Он совершил творческую командировку в соседнюю Туркмению, где создал массу зарисовок и написал для местной прессы много интереснейших заметок о народных преданиях, обычаях, нравах, культурных памятниках туркмен и азербайджанцев. Часть этих работ Туганова хранится в Ашхабадском музее [11].

Переехав в Южную Осетию, в 1937 г. создал художественную студию (затем – художественное училище) в г. Сталинир, которой позднее было присвоено его имя. Организовал Союз художников республики. В апреле 1971 г. Республиканскому Художественному музею в столице Северной Осетии присвоено имя основоположника современного осетинского изобразительного искусства Махарбека Туганова.

С его именем неразрывно связаны также зарождение и первые успехи осетинского театрално-декорационного искусства. В 1940 году Туганову присвоено звание «Заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР». Он был первым художником, представленным к званию «Народный художник Северо-Осетинской АССР» [12, 42].

Был женат на Азе Ховдиевне Ахушковой, дочери «почетного старшины Терской области, Владикавказского округа, подполковника, письменного переводчика Управления Владикавказского округа», кавалера орденов: Св. Анны III ст., Св. Владимира IV ст. с бантом, бронзовой медали в память Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., бронзовой медали в память Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., медали в память коронавания императора Александра III Ховди Имаковича Ахушкова (род. в 1837 г.). Матерью Азы Ахушковой была Чабахан Хатацкоевна Дударова, происходившая из семьи тагаурских алдар.

Умер Махарбек Туганов в июле 1952 г. Похоронен во Владикавказе, в пантеоне Осетинской церкви.

Учитывая выдающийся вклад в развитие национальной художественной культуры одного из основоположников осетинского изобразительного искусства Махарбека Сафар-Алиевича Туганова и в связи с 130-летием со дня его рождения, Указом Главы Республики Северная Осетия-Алания и Президента Республики Южная Осетия 2011 год был объявлен в Северной и Южной Осетии Годом Махарбека Туганова.

Использованные источники и литература:

1. Махарбек Туганов как этнограф-кавказовед. К 100-летию со дня рождения // *Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика* / Сост. В.А. Цагараев, Е.М. Кочиева. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2007. 491 с.
2. Кавказский вектор российской политики / Сборник документов – Том II. Книга 2: 1796–1864 гг. Составители: М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2014.
3. Известия СОНИИ. Вып.6. Орджоникидзе, 1934.
4. Калоев Б.А. Моздокские осетины. М.: Наука, 1995.
5. НА СОИГСИ. Ф.16. Оп.1. Д.36.
6. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.30.
7. Кармов Р.К., Айдаболова М.И. Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Прохладный, 2002.
8. ЦГА КБР. Ф.И-16. Оп.1. Д.417.
9. ЦГА КБР. Ф.16. Оп.2. Д.124.
10. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.30.
11. Жорж Гасинов // Северная Осетия, 31 марта 2011 г.
12. НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп.1. Д.349.
13. Информатор: Туганов Э.М. 1912 г.р., РСО-А, г. Владикавказ.

ПРАКТИКА МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

В.В. Добронос

О РЕЗУЛЬТАТАХ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

Кавказ, благодаря своему географическому положению и физико-географическим особенностям, издавна привлекал к себе внимание энтомологов, но история активного изучения насекомых региона насчитывает не более 150 лет. После знаменитой экспедиции П.С. Палласа (1793–1794 гг.), он несколько десятилетий практически не посещался натуралистами из-за войн на его территории. Затем энтомологические исследования вновь активизировались, получив наибольшее развитие в советский период.

В середине XX столетия перед человечеством особенно остро встало несколько проблем, в той или иной степени, связанных с энтомологической составляющей биоразнообразия: 1) сельскохозяйственная; 2) лесохозяйственная; 3) медицинская; 4) природоохранная. Такая ситуация была характерна, как на глобальном уровне, так и на национальном, региональном и местном уровнях.

Одновременно выяснилось, что совокупность знаний о такой значимой группе животных на всех уровнях, оказалась явно недостаточной. Исключение составили лишь специалисты, работающие в данной научной отрасли. Парадоксально, но больше всего времени изучению насекомых в то время уделялось в программе детского сада [1]. Школа, непрофильные учреждения среднего специального и высшего образования давали самые поверхностные знания, в

основном, по анатомии таких общеизвестных насекомых, как медоносная пчела и майский жук. К началу 90-х годов XX в. было общепризнано, что «экологическое образование и воспитание должны быть сквозным и многоступенчатым и при этом осуществляться на протяжении всей жизни человека, непрерывно обогащая его знаниями в соответствии с новейшими научными данными и конкретной экологической ситуацией...».

Однако, специфика программ государственных образовательных учреждений того времени не позволяла ввести в них дополнительные часы для более углубленного изучения существа вопроса. Единственным выходом в сложившейся ситуации виделось более широкое привлечение к взаимодействию с общеобразовательными учреждениями, организаций, осуществляющих дополнительное образование. В условиях Северной Осетии такой организацией стал музей, осуществлявший три основных направления деятельности: хранительскую, научно-исследовательскую и просветительскую.

Энтомологические коллекции всегда привлекали к себе внимание великолепием форм и расцветок, но их образовательная функция сводилась, в основном, к демонстрации систематических, биологических и других особенностей конкретных групп насекомых. Но, при соответствующем подходе, на примере насекомых можно продемонстрировать взаимосвязи всех ком-

понентов биосферы и тем самым прививать слушателям комплексный экологический подход к восприятию окружающего мира.

В 1989 году энтомологи-коллекционеры В.Ш. Берозов и В.В. Доброносков, имевшие в своем распоряжении внушительные коллекции насекомых из различных регионов Советского Союза, обратились к директору Северо-Осетинского государственного объединенного музея истории, архитектуры и литературы (СОГОМИАЛ – ныне Национальный музей РСО – Алания) Т.Е. Дзеранову с предложением создать при музее объединение профессиональных энтомологов и любителей природы для формирования систематической коллекции насекомых Кавказа и осуществления на её основе эколого-просветительской деятельности. В те годы существовала тенденция создания различных форм хозрасчетных организаций, и при музее было создано хозрасчетное любительское объединение «Природа». В январе 1990 г. состоялся дебют объединения на ВДНХ СССР в Москве, на выставке «Коллекция-90», оно было удостоено Диплома лауреата, а составители выставочной экспозиции В.Ш. Берозов и В.В. Доброносков – награждены еще и персональными Дипломами ВДНХ СССР.

Последующий период деятельности был всецело направлен на организацию экспедиций и полевых выездов и налаживание творческих и деловых связей с научно-исследовательскими, образовательными и природоохранными учреждениями Северной Осетии и соседних республик и краев.

Так в течение 1990–1993 гг. были проведены экспедиции и поездки в Калмыкию («Черные земли»), Чечено-Ингушетию (Кистинское ущелье, Терский хребет), Моздокский район СОАССР (степи и пойменные леса), по Осетинской наклонной равнине, в Дарьяльское, Куртатинское, Цейское ущелья, Джейрахскую, Даргавскую, Фиагдонскую котловины, пешие походы на Лысую гору, гору Тарская и их окрестности, собран богатый коллекционный материал. В июле 1990 года была проведена экспедиция в Карпаты (Ивано-Франковская и Закарпатская области Украины).

Творческие и деловые контакты были установлены с Республиканским отделением Всесоюзного Общества охраны природы, Северо-Осетинским государственным заповедником, Северо-Осетинским государственным университетом им. К.Л. Хетагурова, Кабардино-Балкарским государственным университетом им. Х.М. Бербекова, Горским сельскохозяйственным институтом, Северо-Кавказским научно-исследовательским институтом горного и предгорного сельского хозяйства, Министерством лесного хозяйства СОАССР.

В 1992 г. совместно с Северо-Осетинским государственным заповедником (СОГЗ) была проведена комплексная экспедиция на Скалистый хребет, в 1993 г. – еще одна, через Кабардино-Балкарию и Ставропольский край в Ногайский район Дагестана («Червлённые Буруны»).

Началась также активная эколого-просветительская деятельность совместно с республиканским отделением Всероссийского Общества охраны природы, была разработана долгосрочная стратегия такой деятельности [2].

В январе 1994 г., вслед за распадом советской системы, Объединение «Природа» прекратило свое существование, но его успехи были столь очевидны, что при поддержке Министерства культуры республики, филиал Музей-квартира С.М. Кирова был репрофилирован в Музей энтомологии, началась его научная и просветительская деятельность, как филиала государственного музея.

В начале 90-х годов XX века, из-за сложной политической и экономической ситуации в стране, музеи отошли на задний план. Но экспедиционная, архивная и собирательская деятельность продолжалась. Во многом этому способствовали налаженные ранее связи с государственными и общественными организациями и институтами.

В 1994 году продолжились поездки и пешие походы по республике, совместно с СОГЗ вновь состоялась комплексная экспедиция в Червлённые Буруны.

В 1995 году совместно с СОГЗ была проведена комплексная научная экспедиция в Даге-

стан. Через Кабардино-Балкарскую республику и Ставропольский край экспедиция достигла Ногайского района Дагестана и стала продвигаться в направлении Махачкалы проводя научные исследования. Был обследован участок Внутреннего Дагестана вдоль Аварского Койсу и бархан Сарыкум и его окрестности. Главным итогом энтомологических исследований, по результатам камеральной обработки экспедиционных материалов, явилось включение в состав фауны России нового вида дневных бабочек – *Melanargia larissa* (Geyer, [1828]) [3; 4].

Энтомологические коллекции музея достигли внушительных размеров, и для работы с ними начали приезжать известные энтомологи, такие как доктор биологических наук, профессор М.В. Столяров (Краснодар) – ведущий российский специалист по прямокрылым, доктор биологических наук И.Я. Гричанов (Санкт-Петербург) – ведущий специалист по хищным мухам-зеленушкам мирового уровня. Приезжие специалисты всегда оставались довольны взаимодействием с нашим Музеем энтомологии. Так, директор Всероссийского научно-исследовательского института биологической защиты растений В.Д. Надыкта прислал на имя генерального директора музея благодарственное письмо, а И.Я. Гричанов, впоследствии, назвал один из

вновь открытых африканских видов мух-зеленушек именем В.В. Доброносова – *Pelastoneurus dobronosovi* Grichanov, 2004 (<http://insecta.pro/taxonomy/338871>).

Начало XXI столетия ознаменовалось приглашением профессора М.В. Столярова к участию в проведении экологического мониторинга чешуекрылых в районе порта Новороссийск Краснодарского края. Частью собранного в ходе работ материала была пополнена музейная коллекция.

В последующие годы экспедиций за пределы Северной Осетии больше не проводилось, но плановые поездки и экспедиции по республике продолжались регулярно.

Накопленный массив информации достиг того размера, который должен был инициировать переход научно-просветительской деятельности на новый качественный уровень. При всесторонней методической поддержке Министерства образования РСО-Алания началась разработка музейной образовательной программы для разновозрастной аудитории, впоследствии получившей название «Соседи по планете».

В 2005 году Благотворительным фондом В. Потанина и Министерством культуры и массовых коммуникаций РФ был объявлен 2-й

В экспедиции. «Червлёные Буруны». 1994 г.

На ВДНХ СССР. 1990 г.

Экспозиция в Отделе природы. 2009 г.

грантовый конкурс «Меняющийся музей в меняющемся мире», в котором была номинация «Музей и новые образовательные программы». Пройдя все отборочные этапы, нами был получен грант на реализацию проекта Музейная образовательная программа «Соседи по планете».

Целью проекта, являлось создание и внедрение в практику музейной образовательной программы, способной положительно повлиять на изменение отношения к окружающей природной среде, всех возрастных категорий жителей г. Владикавказа и Республики Северная Осетия-Алания, в целом. Были изданы брошюры: «Программа «Соседи по планете», «Физика в мире насекомых в вопросах и ответах», «Методические указания по сбору и хранению энтомологических объектов», «Насекомые и их названия»; видеофильмы-лекции: «Энтомологи – исследователи Кавказа», «Насекомые и биосфера», «Многообразие насекомых», «Бабочки из Красной книги РСО-Алания»; циклы лекций и тематических уроков: «Первые шаги познания», «Мир, полный загадок», «Вопросы и ответы», «По законам Жизни», «На пути к Гармонии», «Алгеброй Гармонию проверим», «Окно в мир». Было разработано и соответствующее техническое оснащение: игрушки-насекомые, разрезные

«Интермузей-2009». ВВЦ, 2009 г.

и сюжетные картинки, детское лото «Времена года», домино «Шестиногие соседи».

Все этапы подготовки и реализации проекта освещались в печатных и электронных СМИ.

По материалам проекта была опубликована развернутая научная статья [5].

Часть коллекции экспонировалась в СКГМИ (ГУ) на Международной конференции «Горы 2007».

Тем временем, здание на улице Вахтангова пришло в упадок, энтомологические коллекции, а также все материалы и оборудование были перевезены в запасники Головного музея и Отдел природы Объединенного музея (Национальный музей Республики Северная Осетия-Алания.). Эколого-просветительская деятельность в рамках программы «Соседи по планете» стала проводиться в Отделе природы.

В 2009 году состоялась последняя публичная презентация проекта «Соседи по планете» на Всероссийском музейном фестивале «Интермузей-2009» во Всероссийском выставочном центре (ВВЦ) в Москве.

Помимо реальной энтомологической коллекции, на выставке были представлены: брошюры, буклеты, карманные календари, плакаты, детские альбомы-раскраски и развивающие игры, циклы лекций и бесед для самых разных

возрастных категорий, на телевизионной панели проводились демонстрации учебных видеофильмов и подборки мультипликационных фильмов о насекомых.

Данное событие было довольно активно освещено в республиканских и российских СМИ, а экспозиция имела успех, как среди посетите-

лей, так и среди коллег музейщиков, и помимо Диплома участника была награждена еще и Дипломом «За успешный дебют».

По результатам, полученным в ходе разработки и внедрения Музейной образовательной программы «Соседи по планете», в разные годы был опубликован ряд научных работ [6; 7; 8; 9].

Использованные источники и литература:

1. Программа воспитания и обучения в детском саду / Отв. ред. М.А. Васильева. М.: Просвещение, 1985. 174 с.
2. Добронос В.В. Опыт организации экологического обучения на базе энтомологической коллекции музея // Сб. «Экологическое образование и воспитание в Северной Осетии: состояние, проблемы развития, перспективы». Владикавказ: СОГУ, 1993. С. 226-228.
3. Morgun D.V., Tikhonov V.V. New records of butterfly fauna (Lepidoptera: Hesperioidea, Papilionoidea) from Dagestan (Russia). *Caucasian entomological bulletin*. 2009. 5(2): 274.
4. Добронос В.В. К вопросу о распространении *Melanargia larissa* (Geyer, 1828) на Северном Кавказе // Развитие регионов в XXI веке: Материалы II-й Международной научно-практической конференции (6-7 октября 2017 г., г. Владикавказ). Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2017. С. 37-39.
5. Добронос В.В. Проект «Соседи по планете» как комплекс образовательных программ по экологической безопасности. Новые формы музейной деятельности. *Справочник руководителя Учреждения Культуры*. 2007, № 7. С. 92-97.
6. Добронос В.В. Комплектование фондовой энтомологической коллекции Северо-Осетинского государственного объединенного музея истории, архитектуры и литературы (СОГОМИАЛ) // Сб. «Труды Государственного Дарвиновского Музея». Вып. VI. Фондовая работа в естественнонаучном музее. М.: ГДМ, 2003. С. 146-150.
7. Добронос В.В. Эволюционная теория Ч. Дарвина – основополагающий постулат музейной образовательной программы «Соседи по планете» // Сб. «Музейные формы популяризации эволюционной теории». М.: ГДМ, 2009. С. 23-24.
8. Добронос В.В. Анализ и перспективы применения образовательной программы «Соседи по планете» в среднем образовании // Биологические музеи: роль и место в научно-образовательном пространстве. Матер. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (19-20 июля 2011 г.) г. Махачкала: ДГУ, 2011. С. 158-161.
9. Добронос В.В. О реставрации насекомых из коллекции Национального музея республики Северная Осетия–Алания // Материалы Всероссийской конференции «Проблемы реставрации предметов из естественноисторических коллекций. Теория и практика» (1–5 февраля 2012 г., Санкт-Петербург). М.: ГДМ, 2014. С. 27-32.

КРАЕВЕДЕНИЕ

В.Н. Бенина

ПУТЕШЕСТВИЕ К СТАРЫМ ТАЙНАМ НУЗАЛА

Омогуществе овских царей в эпоху средневековья слагались легенды. Без их ведома птица не пролетит через их вотчину, не говоря уже о торговых караванах. Оживленная торговая магистраль, соединяющая Европу и Азию, проходила по тесному Алагирскому ущелью. Огромные заградительные стены с обитыми железом воротами преграждали дорогу путешественникам. На дорожных заставах с проезжающих собирали подать, которая пополняла царскую казну. Принятие христианства дало мощный стимул развитию зодчества и культуры, способствовало укреплению поли-

тических и культурных связей с соседними христианскими государствами. Много тайн хранит ущелье... Над отвесным обрывом реки Ардон, напротив селения Нузал, притаились башни, добраться до которых почти невозможно. Можно только гадать, как строители поднимались на такую высоту.

«Нузалы фидар» («Нузальская крепость») – главный форпост дороги, резиденция овских царей, хранилище царских сокровищ и богатств, пополнявшаяся за счет сбора податей и военной добычи. До сих пор существуют легенды о сокровищах царей. Одну из таких легенд услы-

шал профессор Т. Мамукаев, когда занимался проблемой установления личности человека, захороненного под сводами Нузальской часовни. Один из старейших жителей Нузала рассказывал ему, что, когда власть ослабла, начались междоусобные войны и дробление царства. Тогда мудрые старцы, собрав все накопленные богатства, унесли их высоко в горы, спрятав в пещере, с надеждой употребить их на восстановление былого могущества Осетии. Дверь в пещеру была обита медью. И если посвященный

с чистым сердцем и благими намерениями станет на определенное место в определенное время, лучи солнца упадут на медную дверь, и ее блеск укажет тайник. Кто знает, может и видит этот блеск, охраняющий сокровища – суровый Афсати, восседающий на троне в теснине ущелья.

На левом берегу Ардона, в глубине ущелья, в с. Нузал находится небольшая часовня. Ее описанию посвящено много литературы, начало которой положил грузинский ученый XVIII века царевич Вахушти. Загадки и проблемы этого памятника до сих пор вызывают споры и разногласия ученых. Нузальская церковь или часовня, занимает особое место в ряду древностей Осетии. Помимо архитектурных достоинств, оригинальных фресковых росписей, она окружена массой тайн, связанных с историей и культурой.

В 1946 году археолог Е.Г. Пчелина, изучив исторический и фольклорный материал, пришла к выводу, что под полом часовни погребен Давид Сослан, муж грузинской царицы Тамары. Под полом в каменном ящике был обнаружен скелет мужчины с очень скромным погребальным инвентарем. Возникает вопрос – почему муж царицы и соправитель Грузии погребен здесь, так скромно, и могла ли любящая жена позволить столь скромное захоронение? Можно предполагать, что она выполняла волю супруга и по аланскому обычаю похоронила его на Родине. Истощенный непрерывными крестовыми походами, сражениями и трудами по управлению государством, Давид умер в 1207 году. Три дня царица оплакивала своего мужа. Перед своей смертью она завещала, чтобы ее похоронили рядом с Давидом Сосланом, и взяла клятву со своих детей, что место погребения останется в тайне. И, как видим, они сдержали клятву! Взметаются ввысь боевые башни над бывшим замком овских царей в Нузале, замерли в величавой тишине отроги ущелья, высоко над горами сквозь ночную мглу на вороных конях несутся призраки царевича Сослана, царицы Тамары и их воинов, навеки унося все тайны и будоража наше воображение.

Стены Нузальской часовни покрыты толстым

слоем штукатурки, на уцелевших фрагментах видны остатки древней живописи с изображением святых, сюжетные сцены охоты на оленя и монументальное изображение Христа с греческой монограммой IC XC. По своей сложности фресковая живопись представляет собой переплетение трех историко-культурных традиций: Грузинской, осетинской и византийской. Автор фресковых росписей Вола Тлиаг (из с. Тли) – представитель раннего ренессанса. Судя по технике исполнения росписи, Вола не был самоучкой. Он прошел определенную школу обучения и, несомненно, стоит у истоков осетинской профессиональной живописи. Для истории и культуры большой интерес представляет сообщение в грузинском источнике «Житие Прохора, мученика Луки и мученика Николая Двали», где упоминаются литераторы и художники Двали, работавшие в грузинских монастырях Иерусалима и Палестины. Можно сделать вывод, что Вола Тлиаг не был одиночкой, а существовала

целая плеяда художников осетин, выходцев из Алагирского ущелья. Этот период в истории овских царей связан не только с войнами, но и становлением культурных традиций, что характерно для мощных государственных образований.

Иван Ялгузидзе – еще одно имя и еще одна тайна. Один из первых образованных осетин, создавший в начале прошлого века осетинскую письменность. Он был близко знаком со многими нузальцами и поддерживал связь с ними через сыновей нузальских старшин, учившихся в Тифлисской духовной семинарии. Ялгузидзе является автором известной поэмы «Алгузиани», которая содержала описание походов и подвигов «осетино-черкесского царя» Алгуза. Отдельной книгой эта поэма впервые была опубликована в 1885 году Николаем Гамрекели по тексту, найденному священником И. Русишвили в 1840 году в Нузальской церкви. Интересна судьба первоначального оригинала поэмы «Алгузиани». Д.А. Гугкаев выявил в Тбилисском архиве документ с воспоминаниями сына свя-

щенника И. Русишвили – Григория, служителя Мцхетского собора. Он рассказывал, что напечатанный текст не составляет и десятой части той рукописи, которая имела у его отца, что рукопись составляла большую книгу длиной в пол-аршина, шириной в шесть вершков и толщиной приблизительно в полвершка, что она была написана на грузинском языке, на прекрасной бумаге, и на ее переплете красками были нарисованы Бежан, Багатыр, Алгузи и их воины. Он передал, что рукопись называлась «Книга Августиани-Алгузиани-Русиани-Чаражон-Чарахилон». На вопрос – каким образом рукопись попала к ним, он ответил, что его отец Ионн Русишвили и благочинный Бахутов ездили на ревизию в Осетию и по возвращении привезли ее с собой. Сообщил также, что они привезли книгу «Молебн божьей матери», написанную на коже, 2 легких ружья и

одну шашку «чизга», которую умели делать осетинские девушки.

Вот и еще одно предание о том, что осетины имели книгу, в которой были изложены события из истории Осетии, что она хранилась в Нузальской церкви и была похищена. «История наша пропала навеки», – говорили осетины, когда узнали об этом похищении.

Серые гранитные утесы хранят тайны и знания прежнего величия и могущества...

ПАМЯТНИК ДРЕВНЕГО КУЛЬТА ОСЕТИИ (Бронзовая голова идола из окрестностей селения Нар)¹

К числу ценнейших археологических предметов, имеющих в музее краеведения Северной Осетии, следует отнести бронзовую человеческую голову, поступившую в коллекцию музея еще в дореволюционные годы (рис. 1). Сведения о нахождении этого редкого памятника были прежде крайне скудны и сбивчивы. Известно было, что сама находка и ее поступление в бывший Терский областной музей относятся к 1913 г. Существовало мнение, что эта голова будто бы была найдена в верховьях р. Геналдона.

Лишь в советские годы установлены точные сведения об этой находке. Они кратко изложены в пояснительной записке, составленной сотрудниками музея более десяти лет назад: «Голова идола из бронзы. Относится, вероятно, ко II-I тысячелетию до н. э. Найдена в 1913 г. в с. Нар пастухами. Дар Еста Калоева».

Дополнительные сведения о нахождении бронзовой головы сообщены нам в личной беседе (14 марта 1950 г.) сыном Еста (Евстафия) Калоева Александром Евстафьевичем, проживающим в настоящее время в г. Дзауджикау. Находка была обнаружена в его присутствии, когда ему было 13 лет. Он был учеником Владикавказского реального училища и во время летних каникул жил у отца в с. Нар. Однажды, в поисках гнезд горных индеек, он с группой мест-

Рис. 1. Голова Идола.

Кобанская культура. Бронза. II тыс. до н.э.
Коллекция Национального музея РСО-Алания

¹ Материалы и исследования по археологии СССР, № 23.М.-Л., 1951. 308 с.

ных пастухов-подростков поднялся на высокую скалистую, покрытую кустарником гору, возвышающуюся против селения. Вырывая со своими спутниками куст можжевельника, он вдруг заметил в яме, образовавшейся под кустом, часть предмета, который они сочли было за изделие из золота. Это была бронзовая голова. Не делая никаких дальнейших розысков в том же месте, все вернулись в селение; бронзовая голова осталась у юных пастухов. Позднее Еста Калоев, служивший в селении писарем и неоднократно доставлявший в Терский областной музей случайные археологические находки из своего района, получил от пастухов эту голову и через сына Александра передал этот предмет в названный музей.

Никаких других археологических изделий возле бронзовой головы тогда не было найдено. Ниже того места, где была сделана находка, примерно на расстоянии 0,5 км, на той же горе стоит заброшенный древний каменный дзуар (святилище), название которого давно забыто местными жителями. В дзуаре много различных старинных вещей культового характера.

В горных районах Северной Осетии название «Нар» носят несколько селений. Бронзовая голова найдена в окрестностях того селения, которое расположилось в южной части Алагирского ущелья и является родиной выдающегося осетинского поэта Коста Левановича Хетагурова. В этом селении и близ него имеются различные памятники древности, которые до сих пор подробно не обследованы. Изображение названной головы воспроизведено в брошюре «Музей краеведения Северной Осетии» (Дзауджикау, 1947, стр. 24), составленной мною и А.Г. Кастуевым, с указанием, что бронзовая голова найдена в с. Нар.

Этот необычный археологический предмет, не имеющий в Северной Осетии и в соседних с нею областях близких аналогий, сохранился вполне удовлетворительно. Он является памятником скульптурного типа, отлит из массивной бронзы и изображает человеческую голову, тыльная часть которой (затылок и часть шеи) срезана сверху донизу; внутри голова полая. Высота голо-

вы – 19,5 см, ширина кверху – 5,5 см, внизу – 1,4 см, вес головы – 1780 г, толщина слоя бронзы – около 0,3-0,4 см. Снаружи поверхность головы гладкая, но испещрена множеством мельчайших впадин или царапин. Внутренняя поверхность совершенно не отделана, шероховата, с углублениями на уровне глаз, носа и подбородка. Верхняя часть головы заметно сужена. Лоб переходит в темя, под тупым углом: верхний край лба имеет округлую форму. Поверхность верхней теменной части немного выпукла; ее размер – около 5,8х5,8 см. Здесь, почти посередине, ближе к верхнему краю лба, сделано маленькое круглое отверстие; диаметр его равен около 0,3 см. Мы предполагаем, что оно предназначалось для закрепления головы на деревянном изображении туловища идола или на древке.

Лицо узкое, удлиненное. Нос прямой (длина его – около 5 см). Нижняя часть носа имеет плоскую треугольную форму; крылья носа и ноздри не обозначены. Отверстия глаз продолговатые, почти прямоугольные; размер их снаружи около 1,4х1 см. Глазные впадины суживаются внутри и имеют отверстия, выходящие в полую часть головы. С наружной стороны стенки глазных впадин гладкие. Изнутри они совершенно не отделаны.

Сильно выражены надбровные дуги. Брови сливаются в одну прямую линию и вместе с резко выступающим носом образуют форму вроде упрощенной буквы «т». Длина бровей (каждой отдельно) – около 4,5 см. Края их постепенно сливаются с поверхностью гладких висков. Верхняя удлиненная часть глазных отверстий прилегает непосредственно к бровям.

Рот обозначен неглубокой, узко вырезанной чертой, длина которой примерно соответствует ширине носа внизу (около 1,5 см). Плотные сомкнутые губы выделены очень незначительно. Щеки выдаются в виде небольшой расплывчатой округлости. Подбородок немного выдвинут вперед.

Главным дефектом в отделке бронзовой головы является несимметричное расположение ушей; верхняя часть правого уха – на уровне правого глаза, верхняя часть левого – ниже левого глаза. Раковина каждого уха воспроизведена одинаково упрощенно – в виде петлеобраз-

ного выступа из узкой массивной бронзовой ленты, плотно прилегающей к голове. Длина каждого уха – около 3 см. Внутри их сделано небольшое суживающееся углубление. В нижней части левого уха маленькое отверстие для серьги. Все прочее в этом памятнике подчинено строгой симметрии (длина надбровных дуг, глазных отверстий, длина и форма ушей и т.д.) и своеобразной соразмерности. Если смотреть на голову в профиль с той или другой стороны, мы видим произведение большого, опытного мастера, если эту же голову рассматривать en face – бросается в глаза упомянутый недостаток. Это можно было бы приписать случайной ошибке ваятеля. Голова завершается внизу удлиненной шейной частью в виде полуцилиндра.

Общий стиль этого древнего предмета отличается строгостью, монументальностью и большой экономией художественных средств. Выражение лица полно сосредоточенной силы и энергии.

Отсутствие усов и бороды, наличие отверстия для подвешивания серьги в левом ухе, плавный переход от подбородка к длинной шее дают основание предположить, что это изображение женщины, возможно культового назначения. Схематичным изображением бровей, глаз и носа и наличием отверстия, сделанного в теменной части, бронзовая голова очень напоминает медную пластинчатую маску богини плодородия Тушоли, почитавшейся в недалеком прошлом одним из вайнахских народов Северного Кавказа [1, 33].

Если изучаемый памятник изображает женское божество, можно предположить, что оно является олицетворением плодородия и изобилия времени матриархата. В быту и фольклоре, древнейших обитателей Северной Осетии,

с которыми связывают происхождение осетин, запечатлены глубокие следы матриархата. Большую роль играет женщина в лице Шатаны в архаических мотивах осетинских нартских сказаний, относящихся к VIII – VII вв. до н. э. [2, 117]. Шатана отличается мудростью и щедростью, она прекрасная жена и мать; она постоянно участвует в народных совещаниях и своими советами помогает многим нартским витязям, спасая их от затруднений и бед. В сказаниях нет упоминания о ее гибели, в народной памяти она бессмертна. Высокими моральными качествами наделены и многие другие героини нартского эпоса – Дзераса, Агунда, Косер и пр. О пережитках матриархата в нартских сказаниях и в старинном быту осетин свидетельствуют яркие примеры, приведенные в статьях профессоров Б.В. Скитского, В.И. Абаева и О.Н. Туаевой о нартском эпосе. Отзвуком матриархата в кобанских изделиях является женское нагое изображение с грубо литым младенцем на руках [3, 64]. Фигура матери сделана примитивно; члены ее тела непропорциональны; голова (с явственно обозначенными чертами) удлинена, ноги укорочены. Обеими руками она держит дитя, прижимая его голову к левому плечу. Довольно близкой аналогией к этому изображению является бронзовая статуэтка женщины с ребенком на руках, сильно схематизированная, найденная в Абхазии в 1910 г. Она поступила в Гос. исторический музей и описана в его отчете за 1913 г. Статуэтка воспроизведена в этом отчете и в статье А.Д. Лукина «Материалы по археологии Бзыбской Абхазии» [4, 66–67]. Абхазская культура эпохи бронзы во многих отношениях очень близка к кобанской. Вполне возможно, что эти изображения имели культовое значение и символизировали материнство.

Использованные источники и литература:

1. Религиозные верования народов СССР, т. И.М., 1931, рис. 10.
2. Абаев Б.И. Нартский эпос. Дзауджикау, 1945.
3. МАК, VIII, 1900, рис. 59. Статуэтка хранится в Гос. Эрмитаже; точных сведений о том, где она была найдена, не имеется.
4. Труды отдела истории первобытной культуры. Гос. Эрмитаж, 1, Л., 1941, табл. XIX.

ПАМЯТНИК ДРЕВНЕГО КУЛЬТА ОСЕТИИ

В кобанских могилах, в громадном количестве, представлены женские украшения – серьги, браслеты, пряжки, булавки, бронзовые трубочки, спирали, подвески, фибулы, сердоликовые бусы и т.п. Все это свидетельствует о том, что женщина у кобанцев занимала почетное место. Нам кажется, правильнее было бы датировать бронзовую голову, которой посвящена данная статья, временем не древнее VIII – VII вв. до н. э., т.е. той эпохи, когда господствовавшая в Осетии бронзовая культура достигла наивысшего расцвета. Правда, надо отметить, что, как в кобанской культуре, так и в ближайших к ней археологических комплексах смежных районов изображение человека не поднималось до той виртуозности, как это мы видим, например, в звериных мотивах. Изо-

бражения человека – женщины, чаще – мужчины (пешего или конного) отличается упрощенностью и малой выразительностью. Но именно на этот период падает большинство человеческих изображений на Кавказе, отлитых из бронзы.¹

Возможно, бронзовая голова из окрестностей с. Нар и упомянутое выше кобанское фигурное изображение матери с младенцем – разрозненные звенья какой-то одной цепи явлений древнейших культов на Кавказе и, в частности, в Осетии, связанных с пережитками матриархата. Весьма желательно, чтобы дальнейшие археологические, фольклорные и этнографические исследования пролили бы более яркий свет на эту область, еще мало подвергавшуюся специальному изучению.²

¹ При отсутствии точных эталонов для датировки бронзовой головы из с. Нар проявленная автором осторожность в этом вопросе вполне понятна. Возможность датировки этой головы несколько более поздним временем также исключаться не может, если учесть, что все обилие человеческих изображений в бронзе на Северном Кавказе приходится как раз на середину I тысячелетия до н. э. (Ред.).

² В т. VIII МАК имеется графическое изображение на кобанском бронзовом топорике человека, сражающегося с семью змеями (стр. 20).

Это – отголосок нартских сказаний о герое-змееборце и о культе солнца. Мужские фигурки см. также на стр. 63–64 и на таблицах XXIV, 6, XXXV, 6, XXXVII, 6, XI, 2, CXXII. Все эти изделия весьма примитивны.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

АТАРОВА Залина Аксентьевна – ученый секретарь Национального музея РСО-Алания.

БАГАЕВ Алан Батырбекович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии СОИГСИ им. В.И. Абаева.

БЕДОЕВА Ирина Алешеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории социологии и конфликтологии ВНЦ РАН.

БЕНИНА Валентина Николаевна – ведущий методист Национального музея РСО-Алания.

БИТИЕВ Батраз Александрович – младший научный сотрудник отдела этнологии СОИГСИ им. В.И. Абаева.

БЯЗРОВА Людмила Владимировна – заместитель директора Республиканского Художественного музея имени М.С. Туганова по научной работе, заслуженный работник культуры РСО-Алания.

ГАБОЕВА Елена Руслановна – заведующая филиалом «Музей истории Владикавказ» Национального музея РСО-Алания.

ГУККАЕВ Юрий Владимирович – заведующий сектором отдела фондов Национального музея РСО-Алания.

ДЖАНАЕВА Алла Акимовна – директор Республиканского Художественного музея имени М.С. Туганова, заслуженный работник культуры РСО-Алания.

ДЗАДЗИЕВА Елизавета Александровна – научный сотрудник отдела экспозиционного отдела Национального музея РСО-Алания.

ДЗУЦЕВ Феликс Сафарбекович – научный сотрудник отдела археологии Национального музея РСО-Алания.

ДОБРОНОСОВ Виталий Владимирович – кандидат сельскохозяйственных наук, научный сотрудник отдела археологии Национального музея РСО-Алания, член-корреспондент МАНЭБ, член РЭО РАН.

КАНТЕМИРОВ Эльбрус Солтанович – заведующий экспозиционным отделом Национального музея РСО-Алания, заслуженный работник культуры РФ.

КАНУКОВ Заурбек Тимофеевич – старший научный сотрудник отдела фондов Национального музея РСО-Алания, аспирант СОИГСИ им. В.И. Абаева

КОЗАЕВ Петр Кузьмич – кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Национального музея РСО-Алания.

МАЛАШЕВ Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН (г. Москва).

МАРЗОЕВ Ислам-Бек Темурканович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии, заведующий сектором генеалогических исследований СОИГСИ им. В.И. Абаева, заместитель генерального директора Национального музея РСО-Алания по науке.

СЕМЕНОВ Леонид Петрович – литературовед, искусствовед, археолог, профессор, заслуженный деятель науки СО АССР.

ЦОГОЕВ Батраз Таймуразович – генеральный директор Национального музея РСО-Алания.

ЦУЦИЕВ Аслан Аркадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии СОИГСИ им. В.И. Абаева, министр РСО-Алания по вопросам национальных отношений.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ:

АН	– Академия наук.	НИИ	– Научно-исследовательский институт.
ВДИ	– Вестник древней истории.	ПНТО	– Памятники народного творчества осетин.
ВВЦ	– Всероссийский выставочный центр.	ППКОО	– Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах.
ВДНХ	– Выставка достижений народного хозяйства.	РАН	– Российская академия наук.
ВНИИБЗР	– Всероссийский научно-исследовательский институт биологической защиты растений.	РЭО	– Русское энтомологическое общество.
ВНЦ РАН	– Владикавказский научный центр Российской академии наук.	СА	– Советская этнография.
ГБУ	– Государственное бюджетное учреждение	СКГМИ	– Северо-Кавказский горно-металлургический институт.
ГДМ	– Государственный Дарвиновский музей.	СОАССР	– Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика.
ГТГ	– Государственная Третьяковская галерея	СОГОМИАЛ	– Северо-Осетинский государственный объединенный музей истории, архитектуры и литературы.
ГТРК	– Государственная телевизионная и радиовещательная компания.	СОГУ	– Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова.
ДГУ	– Дагестанский государственный университет.	СОИГСИ	– Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева.
ИИАК	– Известия Императорской Археологической комиссии.	СОНИИ	– Северо-Осетинский научно-исследовательский институт.
ИПЦ	– Издательско-полиграфический центр.	СПб.	– Санкт-Петербург.
КВК	– Культура воронковидных кубков.	ССР	– Советская Социалистическая Республика.
КЛЛК	– Культура линейно-ленточной керамики.	СССР	– Союз Советских Социалистических Республик.
КМСО	– Краеведческий музей Северной Осетии.	СЭ	– Советская этнография.
КЧ	– Карачаево-Черкесия.	ТК	– Телекомпания.
КША	– Культура шаровидных амфор.	ЦГА КБР	– Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.
КШК	– Культура шнуровой керамики.	ЦГА РСО-А	– Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания.
КЭС	– Кавказский этнографический сборник.	ЮОГУ	– Юго-Осетинский государственный университет.
Л.	– Ленинград.	ЮОНИИ	– Юго-Осетинский научно-исследовательский институт.
М.	– Москва.		
МАК	– Материалы по археологии Кавказа.		
МАНЭБ	– Международная академия наук экологии, безопасности человека и природы.		
МВД	– Министерство внутренних дел.		
ТРК	– Телерадиокомпания.		
НА СОИГСИ	– Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева.		

Иллюстрированный научно-популярный журнал

ВЕСТНИК

Национального музея РСО-Алания

Материалы публикуются в авторской редакции

№ 1, сентябрь, 2020

Технический редактор: *Н.М. Провоторова*
Компьютерная верстка, дизайн: *Издательство «Веста»*
г.Владикавказ, ул.Иристонская, 6
т.: 8 (8672) 519-111, vesta519@mail.ru

Сдано в набор 15.08.2020. Подписано в печать 31.08.2020.
Гарнитура шрифта «Century Gothic».
Усл. п. л. 25,5. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии г. Ростов-на-Дону

